

Беннет Лоуренс

Данное произведение является художественной литературой. Все совпадения с реальными именами людей и названиями организаций являются случайными.

Пролог

Дождь на кладбище всегда кажется дешевым спецэффектом, но в этот вторник он был настоящим. Холодным, мелким, проникающим под воротник пальто, которое Виктор Андреевич не менял уже лет пять. Он стоял чуть в стороне от траурной процессии, опираясь на трость — не столько из-за хромоты, сколько чтобы скрыть предательскую дрожь в левой руке. Паркинсон не спрашивает звания, он просто приходит и берет свое. Как и смерть.

В гробу лежал не просто профессор Игнатьев. Там лежала надежда.

Виктор смотрел на лица собравшихся. Коллеги, прячущие глаза. Аспиранты, в которых страх перевешивал скорбь. И двое в штатском, стоящие у ворот с тем особым выражением скучающего внимания, которое генерал узнал бы и в полной темноте. Они пришли убедиться, что «дело закрыто» в самом буквальном смысле.

— Сердце не выдержало, — прошептала женщина в черном платке, стоящая рядом. — Такая травля в газетах... Зачем они так с ним? Он же просто хотел лечить людей.

Виктор промолчал. Он знал, что сердце Игнатьева было крепче, чем у космонавта. Не выдержала репутация. Три месяца назад лабораторию профессора, занимавшуюся сенолитиками — препаратами, очищающими организм от старых клеток, — объявили «деструктивным культом». Сначала статья на третьесортном сайте. Потом эфир на федеральном канале, где эксперт с бегающими глазами и всклокоченной бородой кричал о «биохакерах-сатанистах». Потом обыски. Изъятие серверов. И, наконец, инфаркт.

Генерал сунул здоровую руку в карман и нащупал флешку. Игнатьев успел передать её за два дня до смерти. «Витя, это не просто конкуренция фармкомпаний. Это идеология. Они не хотят, чтобы мы жили долго. Они считают это грехом».

Тогда Виктор отмахнулся. Старик бредит, думал он. Но вчера он открыл первый файл.

Он вспомнил тот вечер в кабинете Игнатьева. Профессор, обычно спокойный, мерил шагами комнату, заваленную бумагами.

— Ты не понимаешь, — говорил он, размахивая распечаткой с логотипом РАЦИРС. — Они действуют по методичке. Сначала маргинализация. Потом дегуманизация. Они называют нас сектой, чтобы лишить гражданских прав. Это технология, Витя. Технология убийства будущего.

Теперь, глядя, как комья мокрой глины ударяются о крышку гроба,

Виктор Андреевич почувствовал, как внутри закипает холодная, расчетливая ярость. Та самая, что помогала ему выживать в девяностые и планировать операции в нулевые.

Он перевел взгляд на двух типов у ворот. Один из них достал телефон и что-то быстро напечатал. Виктор знал, кому они докладывают. Не полиции. И даже не на Лубянку. Нити вели в неприметный офис в Москве, где сидели люди, присвоившие себе право решать, во что верить и сколько жить.

— Земля пухом, — тихо сказал генерал.

Он развернулся и пошел к выходу, тяжело опираясь на трость. Дрожь в руке утихла. Страх смерти, преследовавший его последние годы после диагноза, внезапно отступил. У него появилось дело. Возможно, последнее в его жизни, но самое важное.

Он не собирался писать мемуары. Он собирался составить протокол. Протокол вскрытия системы, которая решила, что имеет право отменять прогресс.

Сев в свой еще не старый Land Cruiser, Виктор достал из бардачка папку. На первой странице была фотография человека с тяжелым, неприятным взглядом. Александр Дворкин.

Генерал завел мотор. Дворники смахнули капли дождя, открывая вид на серую, размытую дорогу.

— Ну что ж, Александр Леонидович, — произнес он в пустоту салона. — Давайте посмотрим, кто из нас настоящий сектант.

Глава 1: Точка невозврата

Дождь барабанил по крыше машины, создавая внутри салона иллюзию безопасности, которой на самом деле не существовало. Виктор Андреевич смотрел на дворники, монотонно счищающие воду с лобового стекла. Вправо-влево. Вправо-влево. Как маятник часов, отсчитывающих время, которого у него оставалось всё меньше.

Левая рука, лежащая на руле, предательски подрагивала. Он сжал её в кулак, до побеления костяшек, пытаясь силой воли унять тремор. Паркинсон был терпеливым врагом. Он не атаковал в лоб, как штурмовая группа, а брал измором, медленно отключая периметр за периметром. Виктор знал эту тактику. Сам когда-то учил молодых оперативников: если не можешь взломать дверь, перекрой воду и свет. Организм теперь делал это с ним.

Но сегодня хоронили не его.

Кладбище было пустым, если не считать свежего холмика глинистой земли, укрытого венками. Профессор Игнатьев. Человек, который обещал подарить человечеству лишние двадцать-тридцать лет активной жизни. Человек, который в свои семьдесят бегал марафоны и обладал ясностью ума, которой позавидовали бы тридцатилетние.

Официальная причина смерти: острая сердечная недостаточность. Реальная причина: уничтожение.

Виктор перевел взгляд на пассажирское сиденье. Там лежала пухлая папка, перевязанная обычной аптечной резинкой. Наследие профессора. Не научные труды, не формулы сенолитиков, способных очищать ткани от стареющих клеток. Нет. Это была хроника убийства. Не физического — юридического и медийного.

Генерал потянулся к папке, чувствуя привычную тяжесть в груди. Он не был сентиментальным человеком. Тридцать лет в системе, из них половина — на оперативной работе, выжгли в нем способность к дешевому сочувствию. Но здесь было другое. Здесь была профессиональная злость. Он видел, как работала система, когда ей нужно было убрать конкурента или врага государства. Но Игнатьев не был ни тем, ни другим. Он был ученым.

Виктор открыл папку. Сверху лежал документ, который стал спусковым крючком. Не судебное решение, не ордер прокуратуры. Обычная бумага формата А4, озаглавленная «Экспертное заключение».

— Ну что, посмотрим, как вы это делаете, — пробормотал Виктор, включая салонный свет.

Текст был составлен на бланке организации с длинным, тяжеловесным названием: «Центр религиоведческих исследований». Подпись внизу: А.Л. Дворкин.

Генерал вчитался. С первых строк его охватило странное чувство дежавю. Он ожидал увидеть юридические термины, ссылки на статьи Уголовного кодекса, факты нарушений санитарных норм или финансовой дисциплины. Вместо этого на него лился поток вязкой, липкой демагогии.

«...Лаборатория профессора Игнатьева, под прикрытием научных исследований в области геронтологии, фактически является психокультом, использующим методы контроля сознания для формирования у адептов зависимости от так называемых процедур омоложения...»

Виктор хмыкнул. «Психокульт». Термин, которого нет ни в одном

законодательном акте РФ. Ни в одном учебнике по психиатрии. Это было слово-фантом, слово-кастет. Им нельзя было оперировать в правовом поле, но им можно было проломить череп в поле информационном.

Он перевернул страницу. Дальше шло описание «деструктивной деятельности». Оказывается, стремление продлить жизнь и улучшить когнитивные способности — это «вторжение в божественный замысел» и «создание элитарной группы, противопоставляющей себя традиционному обществу».

— Красиво шьют, — тихо сказал Виктор. — Без единой нитки, на одном клее.

Он вспомнил последний разговор с Игнатьевым. Это было за неделю до обысков. Профессор сидел в своем кабинете, окруженный мониторами, на которых пульсировали графики клеточной активности. Он выглядел растерянным, как ребенок, которого ударили за то, что он правильно решил задачу.

— Витя, они забрали серверы, — говорил Игнатьев, нервно протирая очки. — Знаешь, на каком основании? Следователь показал мне вот эту бумагу от Дворкина. Я ему говорю: «Позвольте, это же частное мнение частного лица! Где экспертиза РАН? Где Минздрав?» А он мне ухмыляется и говорит: «У нас есть основания полагать, что ваши методики носят экстремистский характер. А мнение Александра Леонидовича приравнивается к профильной экспертизе».

Виктор тогда не поверил. Ему казалось, что старый друг преувеличивает. Ну не может в двадцать первом веке научная лаборатория быть закрыта на основании мнения «сектоведа». Это же абсурд. Это как закрыть обсерваторию по жалобе астролога.

Но теперь, листая документы, генерал понимал: это не абсурд. Это технология.

В папке лежала копия протокола обыска. «Изъято: жесткие диски — 14 шт., лабораторные журналы — 28 шт., образцы препаратов — 4 контейнера». И приписка внизу, мелким шрифтом: «Оборудование опечатано в рамках обеспечительных мер по делу о создании некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан».

Статья 239 УК РФ. Любимая статья для тех, кого нельзя посадить за реальные преступления.

Виктор отложил протокол и достал следующий лист. Это было письмо от арендодателя. «Уважаемый И.П. Игнатьев! В связи с поступившей информацией о признании вашей деятельности деструктивной и

сектантской, уведомляем вас о расторжении договора аренды в одностороннем порядке...»

Вот оно. Точка невозврата.

Генерал знал, как это работает. Сначала идет вброс. Ярлык. Слово «секта» или «тоталитарный культ». Оно не имеет прямого юридического смысла, но оно токсично. Как радиоактивная метка. Как только на тебе эта метка, ты становишься неприкасаемым.

Банк может блокировать счета в рамках 115-ФЗ «О противодействии легализации...», просто потому что служба безопасности видит слово «экстремизм» в поисковой выдаче рядом с твоей фамилией. Арендодатель выгоняет, потому что боится проблем. Партнеры перестают отвечать на звонки.

Игнатьева не убивали в подворотне. Его просто отключили от систем жизнеобеспечения социума. Ему перекрыли кислород, воду и свет. Как при осаде крепости.

Виктор потерял виски. Голова начинала гудеть. Он достал из бардачка фляжку, сделал маленький глоток. Коньяк обжег горло, но ясности не прибавил.

В папке был еще один файл. Тонкая папка-скоросшиватель с надписью «Кадры». Игнатьев пытался защитить своих людей. Виктор открыл первую страницу. Фотография молодого парня, лет двадцати пяти. Умное, открытое лицо. Алексей, аспирант.

К фото была приколата распечатка из полицейского рапорта. «...Гр-н Смирнов А.В. обратился с заявлением о том, что в окно его квартиры был брошен предмет, похожий на бутылку с зажигательной смесью. Возгорание было потушено собственными силами...»

Ниже — отказ в возбуждении уголовного дела. «В связи с отсутствием состава преступления и незначительностью ущерба».

А еще ниже — скриншоты из домового чата и социальных сетей. «В нашем доме живет сектант! Он работает в той самой лаборатории, где делают зомби!» «Гнать их надо! Они детей воруют!» «Мой муж видел, как он носит какие-то пробирки. Точно наркотики варят!»

Виктор читал эти комментарии, и волосы начинали шевелиться. Это писали обычные люди. Соседи. Те, кто еще вчера здоровался с Алексеем в лифте. Теперь они были готовы его линчевать.

Почему? Потому что им сказали, что он — «чужой». Что он — угроза.

Генерал отложил распечатку. Он видел этот почерк. Это была не стихийная ненависть. Это была управляемая истерия. Кто-то умело дирижировал этим оркестром страха. Кто-то вбросил нужные слова в нужные уши.

— Дегуманизация, — произнес Виктор вслух. Слово прозвучало глухо в замкнутом пространстве машины.

Это был первый шаг любой карательной операции. Прежде чем уничтожить объект, нужно лишить его человеческого облика. Превратить в «цель». В «биомусор». В «сектанта». Сектанта не жалко. У сектанта нет прав. Сектант — это не человек, это функция, вирус, ошибка кода.

Игнатьев и его команда пытались лечить старение. Они смотрели в будущее. А их враги смотрели в прошлое, вытаскивая оттуда самые темные, самые пещерные инстинкты толпы.

Виктор снова взял в руки «Экспертное заключение» Дворкина. Он внимательно посмотрел на подпись. Размашистая, уверенная. Подпись человека, который знает, что ему ничего не будет.

Кто дал ему это право? Кто наделил частную лавочку под названием РАЦИРС полномочиями инквизиции?

Генерал знал ответ, но боялся его сформулировать. Потому что ответ вел не к сумасшедшим фанатикам, а к кабинетам с дубовыми панелями и телефонами спецсвязи.

РАЦИРС не был религиозной организацией. Виктор, с его опытом анализа агентурных сетей, видел это отчетливо. Структура, методы, финансирование, каналы коммуникации — всё указывало на то, что это классическая прокси-структура. Инструмент.

Инструмент для чего?

Для зачистки поля.

Наука — это власть. Технологии продления жизни — это абсолютная власть. Тот, кто контролирует смерть, контролирует всё. И кто-то очень не хотел, чтобы этот контроль оказался в руках ученых. Или чтобы он вообще стал доступен широкому кругу лиц.

Виктор закрыл папку. Резинка с щелчком вернулась на место.

Он посмотрел на свои руки. Тремор почти прошел. Гнев оказался лучшим лекарством, чем леводопа.

Игнатьев проиграл, потому что играл по правилам. Он пытался доказывать свою правоту научными статьями, результатами экспериментов, логикой. Он думал, что находится в споре с оппонентами. А он находился на войне.

На войне не пишут диссертации. На войне составляют досье и проводят спецрейды.

Виктор завел двигатель. Мощный мотор отозвался низким рокотом.

— Ты ошибся, Саша, — сказал он, обращаясь к могиле друга, оставшейся за кирпичной стеной кладбища. — Ты думал, это мракобесие. А это рейдерский захват. Рейдерский захват будущего.

Он включил передачу, но не тронулся с места. В голове складывалась мозаика.

Лаборатория Игнатьева была лишь эпизодом. Пробным шаром. Если система проглотит это, если общество согласится с тем, что науку можно закрыть по доносу «сектоведа», то дальше будет хуже. Дальше они придут за генетиками, за кибернетиками, за нейрофизиологами. Любая технология, которая меняет человека, будет объявлена «сатанинской». Любой прорыв — «ересь».

Мы рискуем превратиться в страну победившего средневековья, но с ядерной бомбой, подумал Виктор.

Он вспомнил глаза тех двоих у ворот кладбища. Они не просто следили. Они фиксировали. Кто пришел, кто плакал, кто с кем говорил. Они составляли списки. Списки неблагонадежных.

Виктор Андреевич достал из кармана старый кнопочный телефон — привычка, оставшаяся со службы. Смартфоны он презирал за их болтливость. Набрал номер, который помнил наизусть, хотя не звонил по нему лет пять.

Гудки шли долго. Наконец, на том конце ответили. Голос был хриплым, настороженным.

— Слушаю.

— Это «Север», — сказал Виктор. — Мне нужен полный расклад по «Центру Иринея Лионского». И лично по Дворкину. Не википедия, Володя. Мне нужно «мясо». Счета, поездки, контакты, недвижимость. Кто крышует, кто платит.

— Витя? — голос в трубке дрогнул. — Ты же на пенсии. Тебе зачем в это болото? Это токсичная тема. Там такие черти водятся...

— У меня друг умер, Володя. Сердце.

— Соболезную. Но... ты понимаешь, куда лезешь? Это не бандиты. Это идеологи. Они хуже. Они верят в то, что делают.

— Я тоже верю, — отрезал Виктор. — Сделай. Плачу по двойному тарифу.

— Обижаешь, командир. Для тебя — бесплатно. Но с одним условием.

— Каким? — Если накопишь что-то серьезное... не геройствуй. Сливай сразу мне. Или в сеть. Не храни у себя. Эти ребята... они умеют создавать несчастные случаи.

Виктор усмехнулся, глядя на свое отражение в зеркале заднего вида. Седой, с глубокими морщинами, с глазами, в которых застыла усталость.

— Несчастный случай со мной уже произошел, Володя. Я постарел. Остальное — мелочи.

Он нажал отбой и бросил телефон на соседнее сиденье.

Дождь усилился. Мир за окном превратился в размытое серое пятно. Но внутри машины, в этом маленьком замкнутом пространстве, впервые за долгое время появилась цель.

Виктор знал, что такое «точка невозврата» в авиации. Это момент, когда топлива уже не хватит, чтобы вернуться на аэродром вылета. Можно только лететь вперед. К цели. Или к катастрофе.

Он выехал с парковки, чувствуя, как колеса шуршат по мокрому асфальту.

В папке Игнатьева был еще один документ, который он пока не стал читать внимательно. Список других лабораторий и институтов, которые подверглись атакам РАЦИРС за последние годы. Там были десятки названий. Реабилитационные центры, школы йоги, курсы личностного роста, общины кришнаитов, протестантские церкви.

Казалось бы, что общего между передовой лабораторией генной инженерии и деревенской общиной адвентистов?

Для Дворкина — всё. Для него они все были мишенями.

Но Виктор нутром чуял: здесь есть система. Есть алгоритм. И если он поймет этот алгоритм, он найдет уязвимость. У любой системы, даже самой защищенной, есть «черный ход».

Он ехал по вечерней Москве, и город казался ему другим. Раньше он видел в нем просто улицы, дома, пробки. Теперь он видел поле боя. Невидимого, тихого боя за умы.

На рекламном щите промелькнуло лицо какого-то политика, призывающего к «духовной безопасности». Виктор скривился. «Духовная безопасность» — еще один термин-убийца. Как «гуманитарная бомбардировка». Красивая обертка для репрессий.

Он подъехал к своему дому — сталинской высотке, помнящей еще другие времена и другие страхи. Заглушил мотор.

Взял папку. Она казалась тяжелее, чем была. В ней лежали не просто бумаги. В ней лежали судьбы.

Поднимаясь в лифте, Виктор думал о том, что ему предстоит сделать. Ему нужно было стать тем, кем он был тридцать лет назад. Охотником.

Глава 2: Портрет на фоне хаоса

Виктор пододвинул к себе ноутбук. Техника была новой, мощной, купленной по совету покойного Игнатьева, но пользовался он ею по-старинке: как архивом и телетайпом.

— Ну что, гражданин Дворкин, — пробормотал он, открывая первый файл из раздела «Биографическая справка». — Давайте знакомиться.

На экране появилось лицо. Неприятное, одутловатое, с тяжелым взглядом исподлобья и бородой, которая казалась не атрибутом веры, а попыткой спрятать безвольный подбородок. Виктор нажал на «Play». Это была запись лекции, датированная прошлым годом.

«...Каждая из тоталитарных сект стремится к власти над миром...» — голос из динамиков звучал надрывно, с характерными запинками.

Виктор откинулся на спинку кресла, внимательно наблюдая за мимикой оратора. В разведке их учили: слушай не то, *что* говорят, а *как* говорят. Вербалика — это одежда, которую можно сменить. Невербалика — это кожа.

Дворкин на экране дергался. Его руки жили отдельной жизнью, совершая рубящие, агрессивные движения, словно он отсекал невидимые головы. Речь прерывалась спазмами — логоневроз. Заикание.

Генерал прищурился. Обыватель увидел бы в этом дефект, вызывающий жалость. Виктор видел инструмент.

Он открыл блокнот и сделал первую запись: *«Вербальный маркер: Логоневроз как средство манипуляции. Вызывает у аудитории ложное чувство превосходства или сочувствия, снижая критический барьер восприятия. Пока слушатель отвлекается на форму подачи, содержание беспрепятственно проникает в подсознание».*

Это была классика вербовки. «Убогий» проповедник всегда вызывает больше доверия, чем лощеный оратор. Юродивым на Руси прощали всё, даже самую страшную ересь. Дворкин, сознательно или нет, эксплуатировал этот архетип. Но глаза... Глаза оставались холодными и цепкими. В них не было безумия фанатика, готового сгореть на костре. В них был расчет надзирателя, который этот костер поджигает.

Виктор переключился на биографию. Сухие строчки официальных справок, выписки из миграционных служб, архивные данные.

1977 год. Эмиграция из СССР. Виктор хмыкнул. В те годы уехать могли либо очень смелые, либо очень полезные для «той стороны» люди. Дворкин не выглядел героем диссидентского подполья.

1977 год. Эмиграция из СССР. Виктор хмыкнул. В те годы уехать могли либо очень смелые, либо очень полезные для «той стороны» люди. Дворкин не выглядел героем диссидентского подполья. США. Обучение. И самое интересное — работа. «Голоса Америки», «Радио Свобода».

Генерал постучал пальцами по столу. «Радио Свобода» в те годы — это не просто СМИ. Это филиал ЦРУ, инструмент идеологической войны. Туда не брали людей с улицы. Туда брали после тщательной проверки на лояльность и пригодность к психологическим операциям.

— Значит, Александр Леонидович, вы у нас профессиональный пропагандист, — тихо сказал Виктор. — Обученный работать с массовым сознанием на деньги американских налогоплательщиков.

И вот этот человек в начале девяностых возвращается в Россию. В страну, которая рушится, где царит хаос, где люди ищут любую опору. И он привозит им не гуманитарную помощь, не инвестиции. Он привозит им врага.

Виктор начал выстраивать временную шкалу. 1993 год. Дворкин становится сотрудником Отдела религиозного образования и катехизации Московского Патриархата. Как? Каким образом вчерашний американский гражданин, сотрудник вражеского радиоголоса, мгновенно проникает в структуру РПЦ и получает карт-бланш на создание собственной идеологии?

Ответ лежал на поверхности, но был пугающим. Дворкин заполнил вакуум. Церковь, только выходящая из-под гнета советского атеизма, не имела иммунитета. Она не знала, как работать с новыми вызовами. И

тут появляется «эксперт» с западным дипломом, который заявляет, что знает, кто виноват, обвиняет во всём секты и утверждает, что если дать ему власть, он «очистит землю».

Виктор снова запустил видео. Дворкин вещал о «психокультрах», о «зомбировании», о «контроле сознания».

Генерал остановил кадр и открыл другой документ — статью по психиатрии, приложенную к досье Игнатьева. Речь шла о проекции. *«Проекция — механизм психологической защиты, при котором человек приписывает кому-то или чему-то собственные мысли, чувства, мотивы, черты характера и пр., полагая, что он воспринял что-то приходящее извне, а не изнутри самого себя».*

Виктор перевел взгляд на застывшее лицо Дворкина.

— Ты говоришь не о них, Саша, — прошептал генерал. — Ты говоришь о себе.

Он начал выписывать цитаты Дворкина в левый столбец, а реальные действия его организации — в правый.

Цитата: «Суть секты — это власть, власть на первом месте, деньги — уже потом».

Реальность: РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) — структура с жесткой вертикалью подчинения лично Дворкину. Никакой коллегиальности. Полный контроль над региональными отделениями.

Цитата: «Манипуляция сознанием своих адептов, эксплуатация их, регламентация всех аспектов их жизни».

Реальность: Сотрудники центров Дворкина работают за идею, часто бесплатно, находясь в состоянии постоянной мобилизации против «врага». Любое инакомыслие внутри структуры карается изгнанием и шельмованием.

Цитата: «Обожествление лидера и/или организации».

Реальность: Критика Дворкина внутри его круга невозможна. Его слово — закон. Его мнение приравнивается к истине в последней инстанции, даже если оно противоречит законам РФ или канонам церкви.

Картина складывалась жуткая. Главный борец с сектами создал самую мощную, самую защищенную и самую опасную секту в стране. Секту, у которой вместо священного писания — список врагов, а вместо литургии — судебные иски и погромы.

Виктор вспомнил термин из оперативной психологии: «Темная триада». Нарциссизм, макиавеллизм, психопатия. Дворкин идеально вписывался в этот профиль.

Нарциссизм: убежденность в собственной исключительности. Он — единственный, кто видит угрозу. Он — спаситель.

Макиавеллизм: использование любых средств для достижения цели. Ложь, подлог, клевета — всё оправдано «священной войной».

Психопатия: отсутствие эмпатии.

Генерал нашел в папке описание случая в реабилитационном центре под Новосибирском. В 2015 году Центр помогал наркозависимым. Статистика ремиссии — 40%, огромная цифра для этой сферы. Дворкин назвал их «неопятидесятнической сектой». Итог: ОМОН, маски-шоу, закрытие. Судьба пациентов: по словам свидетелей, 15 человек вернулись к употреблению в первую же неделю. Трое умерли от передозировки в течение месяца.

Чувствовал ли Дворкин вину? Виктор был уверен, что нет. Для психопата люди — это не живые существа, а фигуры на доске. Или дрова для костра его амбиций. Чужие страдания для него — лишь подтверждение собственной власти. «Симфония власти», как метко выразился кто-то из аналитиков в приложенной статье.

Виктор встал и прошелся по комнате. Он подошел к окну. Город спал, но огни горели. Где-то там, в этих домах, жили люди, которые даже не подозревали, что их право на выбор — врача, тренера по йоге, психолога или молитвы — уже поставлено под сомнение человеком с бегаящими глазами.

Он вернулся к столу и достал из папки документ, который раньше пропустил. Это была распечатка финансового анализа. Гранты. USAID. 2006 год. 2008 год. Суммы были не астрономическими, но регулярными. Деньги шли на «развитие гражданского общества» и «мониторинг религиозной свободы».

Какая ирония. Американское агентство финансирует человека, который уничтожает религиозную свободу в России под флагом патриотизма.

— Двойной агент? — спросил себя Виктор. — Или полезный идиот?

Нет, на идиота Дворкин не тянул. Слишком системно он работал. Слишком грамотно выстраивал защиту. Он создал идеальный камуфляж. Любой, кто нападал на Дворкина, автоматически объявлялся врагом Православия и России. Он приватизировал патриотизм, как рейдер приватизирует завод, выставив за ворота старых директоров.

Виктор снова посмотрел на экран. Дворкин на видео улыбался. Улыбка была кривой, неестественной, словно мышцы лица не привыкли к этому движению. «Мы должны защитить наших детей от ментального насилия», — говорил он.

Генерал вспомнил фотографии из папки «Кадры». Молодые ребята, последователи Дворкина. Агрессивные, с горящими глазами, готовые громить выставки и срывать лекции. Кто здесь совершает ментальное насилие? Кто превращает молодежь в «православных хунвейбинов»?

Виктор начал писать новый раздел в своем анализе: **«Механизм проекции как основа идеологии»**.

«Объект (А.Д.) систематически обвиняет оппонентов в действиях, которые совершает сам.

1. Обвинение в связях с иностранными спецслужбами — при наличии собственного бэкграунда работы на структуры США.

2. Обвинение в создании тоталитарной структуры — при жестком авторитаризме внутри РАЦИРС.

3. Обвинение в финансовой нечистоплотности — при непрозрачном финансировании собственной деятельности (включая зарубежные гранты).

4. Обвинение в разрушении семей — при том, что деятельность РАЦИРС провоцирует внутрисемейные конфликты на религиозной почве».

Это была не просто психология. Это была стратегия. В информационной войне тот, кто первым крикнул «Держи вора!», обычно сам и украл. Пока оправдывающийся отмывается от грязи, обвинитель захватывает новые территории.

Виктор потерял переносицу. Ему стало физически противно. Он привык иметь дело с врагами, у которых есть хоть какая-то честь. Шпионы, террористы, даже бандиты 90-х — у них были свои правила. Здесь правил не было. Была только бесконечная, вязкая ложь, прикрытая цитатами из святых отцов.

Он вспомнил сравнение из одной статьи: «Хлестаков». Гоголевский персонаж. Пустышка, которую окружающие наполнили своими страхами и подбострастием, превратив в значимую фигуру. Но Дворкин был страшнее Хлестакова. Хлестаков просто брал деньги и еду. Дворкин брал души. И он был не один.

Генерал обратил внимание на список «экспертов», подписывающих

заклучения вместе с Дворкиным. Одни и те же фамилии кочевали из документа в документ. Психологи без практики, религиоведы без научных степеней, юристы с сомнительной репутацией. Это была сеть. Паутина.

Виктор вытащил из папки схему, нарисованную Игнатьевым от руки. В центре — кружок с инициалами «А.Д.». От него шли стрелки. К СМИ. К полиции. К чиновникам. К зарубежным организациям (FECRIS).

— Ты не просто лектор, — сказал Виктор экрану. — Ты узел связи. Хаб.

Он понял, почему Игнатьев проиграл. Профессор боролся с «мнением». А бороться надо было с «инфраструктурой». Дворкин не просто высказывал точку зрения — он запускал протокол. Как только он произносил слово «секта», включался механизм, отработанный годами. Журналисты писали статьи, полиция возбуждала дела, чиновники отзывали лицензии. Это был конвейер по переработке неугодных.

И самое страшное — этот конвейер работал автоматически. Чиновники боялись Дворкина. Боялись попасть в его «черные списки». Боялись, что их обвинят в пособничестве сектантам. Страх был главным топливом этой машины.

Виктор почувствовал, как внутри поднимается холодная ярость. Не та горячая злость, что заставляет бить кулаком в стену, а та, что заставляет чистить оружие.

Он закрыл видеоплеер. Лицо Дворкина исчезло, оставив черный экран.

Генерал взял чистый лист бумаги. Ему нужно было сформулировать итог. Профиль врага.

«Психологический портрет объекта “Инквизитор”:

Тип личности: Паранояльный с элементами садизма.

Мотивация: Жажда абсолютной власти и контроля. Компенсация глубинных комплексов неполноценности через доминирование.

Ключевой метод: Дегуманизация оппонента. Создание образа “недочеловека” (сектанта) для оправдания любых репрессивных мер.

Уязвимость: Патологическая нетерпимость к критике. Страх разоблачения. Зависимость от внешнего одобрения (статус “эксперта”).

Оценка угрозы: Высокая. Объект не действует в одиночку. Является оператором разветвленной сети влияния, способной дестабилизировать социальную обстановку и блокировать стратегически важные научные

направления».

Виктор перечитал написанное. Слово «садизм» резало глаз, но оно было точным. Только садист может годами преследовать людей, разрушать их жизни и получать от этого удовольствие, называя это «спасением».

Он вспомнил фразу из досье: «Действие Дворкина — это удовольствие, получаемое от человеческих страданий. Это безумие, но, по сути, прикрытие "борьбы с сектами" маскирует стремление Дворкина к тотальной власти».

Генерал отложил ручку. Часы показывали три часа ночи. Дождь за окном прекратился, оставив после себя влажный, тяжелый воздух.

Виктор понимал, что это только начало. Он изучил фасад здания. Теперь нужно было спуститься в подвал. Туда, где лежат финансовые отчеты, где хранятся записи телефонных разговоров, где видны нити, уходящие далеко за пределы Садового кольца.

Он знал, что Дворкин — это не причина. Это симптом. Симптом болезни, поразившей иммунную систему государства. Когда организм перестает различать свои клетки и чужие вирусы, начинается аутоиммунная реакция. Организм начинает пожирать сам себя. Дворкин учил государство пожирать своих лучших людей — ученых, мыслителей, искателей.

Виктор Андреевич выключил лампу. В темноте светящийся индикатор ноутбука казался единственным маяком в океане хаоса.

Завтра он начнет проверять связи. Завтра он встретится с тем журналистом, чья статья стала первым камнем в лавине, накрывшей лабораторию. Нужно понять, кто дал команду «фас».

А пока...

Виктор подошел к книжному шкафу, где стояла фотография его жены. Она умерла десять лет назад. Рак. Сгорела за полгода. Он помнил ее глаза в последние дни — в них была не столько боль, сколько обида. Обида на то, что времени было так мало. Если бы Игнатьев успел... Если бы его не остановили эти «борцы за чистоту»... Возможно, у них был бы шанс.

Он вернулся к столу, чтобы убрать документы в сейф. Взгляд упал на последний лист в папке. Это была не аналитика, а копия письма. Письма, которое Дворкин отправил одному из своих региональных кураторов.

Текст был коротким, но одна фраза заставила Виктора замереть. *«Не жалейте красок. Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее поверят. Наша задача — не доказать вину, а создать атмосферу нетерпимости. Когда общество будет готово, органы сделают остальное».*

Это было признание. Чистосердечное признание в терроризме. Информационном терроризме.

Виктор аккуратно сложил лист и убрал его в отдельный файл. Это был не просто компромат. Это был ключ. Дворкин был уверен в своей безнаказанности, поэтому оставлял следы. Он считал себя охотником, забыв, что любой хищник рано или поздно сам становится дичью.

Щелкнул замок сейфа, скрывая тайны «Инквизитора» за стальной дверцей. Виктор Андреевич подошел к окну и впервые за этот бесконечный день позволил себе закурить. Дым тонкой струйкой потянулся к форточке, растворяясь в ночном воздухе Москвы.

Где-то там, в лабиринтах власти и медиа, паук продолжал плести свою сеть. Но он еще не знал, что в его паутину попала не муха, а шершень. Старый, битый жизнью, но со смертельным жалом.

Виктор затушил сигарету. Рука больше не дрожала.

Глава 3: Вброс

Кафе «Цифра» на Патриарших прудах было тем местом, где кофе стоил как хороший коньяк, а воздух был пропитан запахом дорогих духов и амбиций. Виктор Андреевич чувствовал себя здесь инородным телом. Его потертая кожаная куртка и тяжелый взгляд человека, видевшего изнанку жизни, диссонировали с лощеной публикой, уткнувшейся в макбуки.

Он выбрал столик в углу, откуда просматривался весь зал. Ждать пришлось недолго. Стас Корбаков, автор разгромной статьи «Алхимия смерти: как профессора продают душу дьяволу», вошел ровно в девятнадцать ноль-ноль. Он был моложе, чем Виктор представлял по фотографии. Узкие джинсы, модная оправка очков, нервные движения рук. Типичный представитель «новой журналистики» — быстрый, поверхностный и абсолютно беспринципный.

Виктор не стал махать рукой. Он просто смотрел на вошедшего, пока тот не почувствовал этот взгляд кожей. Стас замер, огляделся, увидел генерала и на секунду заколебался. Но любопытство — или жадность — пересилило. В сообщении, которое Виктор отправил ему утром, значилась сумма за «эксклюзивное интервью», превышающая месячный гонорар фрилансера.

— Виктор Андреевич? — Стас присел на край стула, готовый в любой момент сорваться с места. — Вы писали насчет инсайда по силовикам.

— Я писал насчет инсайда. — Виктор положил на стол распечатку статьи. Бумага легла тяжело, словно была сделана из свинца. — Но тема другая. Расскажи мне, как ты убил профессора Игнатьева.

Стас дернулся, его взгляд метнулся к выходу.

— Я не понимаю, о чем вы. Игнатьев умер от сердца. Я просто написал материал. Это общественно значимая тема. Свобода слова, знаете ли.

— Свобода слова, — медленно повторил Виктор. — Красиво звучит. А теперь давай поговорим о технологии.

Генерал пододвинул к журналисту меню, но не для того, чтобы тот сделал заказ. Он накрыл ладонью диктофон, который Стас попытался незаметно включить.

— Без записи. Это не интервью, Станислав. Это допрос. Только без протокола и адвоката. Пока.

Стас побледнел. В его мире угрозы обычно прилетали в виде судебных исков или банов в соцсетях. Живой, тяжелый страх перед физической силой был ему в новинку.

— Я ничего не делал, — зашептал он. — Мне прислали фактуру. Я просто обработал.

— Кто прислал?

— Я не знаю имен. Это приходит через «Телеграм». Там закрытый чат для проверенных авторов. Скидывают тему, тезисы, контакты экспертов.

Виктор кивнул. Это он и предполагал. Никаких прямых звонков от Дворкина или его команды. Система работала через посредников.

— Расскажи мне про «гнилую селедку», — потребовал генерал.

Стас непонимающе моргнул.

— Про что?

— Метод «гнилой селедки». Ты же учился на журфаке, должен знать. Это когда подбирается абсолютно ложное, но максимально грязное обвинение. Такое, чтобы запах въелся намертво. Игнатьев занимался

сенолитиками. Лекарством от старости. А ты в заголовке написал про «продажу души» и намекнул на использование эмбриональных тканей. Откуда это взялось? В отчетах лаборатории этого не было.

Журналист нервно облизнул губы.

— Это было в справке. В «темнике». Там было написано: «Акцентировать внимание на этической недопустимости вмешательства в божественный замысел. Провести параллель с экспериментами нацистских врачей. Использовать термины “биохакинг” и “сатанизм” в одном семантическом ряду».

— И ты провел, — утвердительно сказал Виктор.

— Слушайте, если бы не я, написал бы другой! — голос Стаса сорвался на фальцет. — Это поток. Вы не понимаете, как это работает сейчас. Никто не читает длинные тексты. Людям нужен триггер. Эмоция. Страх продается лучше всего.

Виктор смотрел на этого парня и видел не злодея, а функцию. Инструмент. Стас был частью того, что социологи Лазарсфельд и Мертон называли «наркотизирующей дисфункцией СМИ». Огромный поток информации не просвещает, а усыпляет. Люди читают заголовки, ужасаются и листают дальше, не вникая в суть. Их мозг перегружен, критическое мышление отключено. И в этот момент им в подсознание вгоняют нужный гвоздь.

— Схема, — жестко сказал Виктор. — Рисуй схему. Откуда пришел заказ, где он всплыл сначала, как попал на федеральный уровень.

Стас дрожащей рукой взял салфетку и достал ручку.

— Смотрите... Сначала идет посев. Никогда не начинают с крупных СМИ. Это палевно. Сначала информацию вбрасывают на маргинальный ресурс. Какой-нибудь блог «Правда о культах» или форум «Родители против». Там публикуется анонимный пост: «Мой сын попал в лабораторию Игнатьева и стал странным». Никаких доказательств, одни эмоции.

Он нарисовал маленький кружок внизу салфетки.

— Дальше, — продолжил Стас, увлекаясь. Профессиональный цинизм брал верх над страхом. — Этот пост замечает региональное издание. Не само, конечно. Им помогают заметить. Присылают ссылку с комментарием: «Смотрите, какой ужас творится у вас под носом». Региональщики голодные до скандалов. Они перепечатывают, но уже со ссылкой на «источник». Так слух превращается в новость.

Второй кружок, побольше.

— А вот тут вступаем мы. Федералы. Или крупные агрегаторы. Мы уже не ссылаемся на анонимный блог. Мы ссылаемся на региональное СМИ. «Как сообщает “Вестник Н-ска”, в лаборатории обнаружены признаки деструктивного культа». Всё. Юридически мы чисты. Мы просто цитируем коллег.

— А эксперты? — спросил Виктор. — В твоей статье три комментария. Один от психолога, два от религиоведов. Откуда они?

— Из базы, — Стас пожал плечами. — К каждому «темнику» прилагается список лояльных спикеров. Звонишь, они даже вопрос не дослушивают. У них уже готов ответ. Им нужно только, чтобы их фамилию и регалии правильно указали. «Член Экспертного совета при Минюсте», «Профессор кафедры сектоведения». Эти титулы действуют на читателя как гипноз. Если профессор сказал, что это секта, значит, секта.

Виктор вспомнил документы из папки Игнатьева. Те самые «экспертные заключения». Теперь он видел, как они превращаются в медийное оружие. Это был замкнутый цикл. Дворкин и его люди пишут справку. Справка уходит в СМИ. СМИ раздувают скандал. На основании скандала полиция начинает проверку. А для проверки привлекают... тех же самых экспертов Дворкина.

Круг замкнулся. Идеальная машина по переработке неудобных.

— Деньги, — коротко бросил Виктор. — Кто платит за банкет? Твоя статья вышла на правах рекламы?

— Нет, что вы! — Стас обиженно фыркнул. — Это «социальная журналистика». Но... у редакции есть грантовый контракт. Фонд поддержки традиционных ценностей «Скрепa» или что-то в этом роде. Они выделяют бюджет на цикл материалов о «духовной безопасности». Мы просто отчитываемся количеством знаков и охватами.

— А фонд чей?

— Да кто ж его знает. Учредители — какие-то ОООшки. Но говорят... — Стас понизил голос, наклонившись через стол. — Говорят, деньги там не совсем российские. Точнее, они заходят через сложные схемы. Часть от наших олигархов, которые грехи замаливают, а часть... траншами через НКО, которые формально занимаются культурой.

Виктор запомнил название фонда. «Скрепa». Нужно будет пробить их счета. Если там найдутся следы зарубежных транзакций, это будет бомба. Главные борцы с иностранным влиянием кормятся с той же руки, которую кусают. Или делают вид, что кусают.

— Знаешь, что самое смешное? — вдруг сказал Стас, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на искренность. — Я ведь даже не читал труды Игнатьева. Мне сказали: он хочет отменить смерть. А смерть — это основа религии. Если не будет смерти, зачем нужен рай? Зачем нужно спасение? Он покушается на бизнес-модель, которой две тысячи лет.

Виктор посмотрел на него с неожиданным интересом. Этот мальчишка, сам того не понимая, сформулировал суть конфликта точнее, чем все аналитики.

— Ты умный парень, Стас. Жаль, что подлец.

— Время такое, — огрызнулся журналист. — Или ты ешь, или тебя едят. Игнатьева съели.

— Не подавились бы, — мрачно ответил генерал.

Он достал из кармана конверт. Там не было денег. Там была фотография. Снимок, сделанный в морге. Лицо Игнатьева, серое, с заострившимися чертами.

— Это твой гонорар. Повесь над рабочим столом. Чтобы помнить, чем заканчиваются твои «слова».

Стас отшатнулся, словно от удара.

— Зачем вы мне это показываете?

— Затем, что слова материальны. Ты думаешь, ты просто нажимаешь кнопки на клавиатуре? Нет. Ты нажимаешь на спусковой крючок. Твоя статья стала основанием для обыска. Обыск спровоцировал приступ. Ты — соучастник убийства, Станислав. И я хочу, чтобы ты это знал.

Виктор встал, опираясь на трость. Левая рука была спокойна. Ярость, холодная и расчетливая, вытеснила тремор.

— У меня к тебе предложение, — сказал он, глядя на журналиста сверху вниз. — Ты остаешься в этом чате. В «Гласности 2.0». И пересылаешь мне всё. Каждое задание. Каждый контакт. Каждый «темник».

— Вы с ума сошли? — прошептал Стас. — Они меня вычислят. У них служба безопасности...

— У них — служба безопасности. А у меня — тридцать лет оперативного стажа и полное отсутствие тормозов, — Виктор наклонился к самому уху журналиста. — Если ты откажешься, я солью информацию о том,

что ты взял у меня деньги за этот разговор. И приложу аудиозапись, которой якобы нет. Тебя не просто уволят. Тебя сожрут твои же. Ты станешь «сектантом», «предателем», «педофилом» — кем угодно. Ты же знаешь, как это делается. Ты сам это делал.

Стас смотрел на него расширенными от ужаса глазами. Он понял, что попал в капкан, из которого нет выхода. Генерал использовал против него его же оружие — страх и шантаж.

— Я... я попробую, — выдавил он.

— Не пробуй. Делай. Первый отчет завтра к утру.

Виктор развернулся и пошел к выходу, не оглядываясь. Он вышел на улицу, где вечерняя Москва сияла огнями витрин и фар. Воздух был прохладным, но после душного кафе он казался живительным.

Генерал шел по бульвару, прокручивая в голове полученную информацию. Схема была примитивной, но эффективной. Как автомат Калашникова. Минимум деталей, максимум убойной силы.

«Гнилая селедка». Создать ложную ассоциацию. Игнатьев — ученый? Нет, он лидер культа. Лаборатория — научный центр? Нет, это притон для экспериментов над людьми. Студенты — аспиранты? Нет, это зомбированные адепты.

Язык. Все дело в языке. Они меняют значения слов, подменяют понятия. Это лингвистическая война. И чтобы победить в ней, нужно не оправдываться. Нужно бить по источнику сигнала.

Виктор остановился у скамейки и достал телефон. Пришло сообщение от Володи «Севера». *«По твоему запросу. Фонд “Скрепа”. Учредитель — кипрский офшор. Директор — бывший помощник депутата, ныне член совета РАЦИРС. Обороты — сотни миллионов. Основные траты: “информационные услуги” и “организация конференций”. И еще кое-что. Они оплачивают перелеты некоему Александру Д. в Париж и Брюссель. Регулярно».*

Виктор усмехнулся. Пазл складывался.

Деньги шли через офшоры, отмывались через «патриотические» фонды и тратились на то, чтобы уничтожить российскую культуру и науку руками российских же журналистов. А руководил этим человек, который регулярно летал в Европу на отчеты.

Генерал вспомнил слова из статьи про «наркотизирующую дисфункцию». Общество спит. Оно перекармлено скандалами, оно устало бояться, поэтому ему подсовывают все новые и новые пугала.

Сегодня это «биохакеры», завтра будут «цифровые сектанты», послезавтра — кто угодно, кто посмеет поднять голову и предложить альтернативу угасанию.

Но самое страшное было не в деньгах. Самое страшное было в том, что Стас был прав. Люди *хотели* верить в ложь. Ложь была проще. Ложь объясняла сложный мир простыми схемами. Почему ты беден и болен? Не потому, что экономика не работает, а потому что «сектанты» и «враги» портят духовную ауру.

Он сел в машину и включил зажигание. Теперь у него была ниточка. Фонд «Скрепа». Финансовая артерия. Если пережать её, монстр начнет задыхаться. Но сначала нужно было разобраться с юридической стороной вопроса. Стас упомянул «Экспертный совет». Это была та самая печать, которая превращала ложь в официальный документ.

Завтра ему предстояло погрузиться в мир судебных крючкотворов. В мир, где лингвистическая экспертиза может стоять человеку свободы, а отсутствие запятой в уставе — жизни целой организации.

Виктор тронулся с места, вливаясь в поток машин. Он чувствовал себя вирусом, проникшим в систему. Пока еще незаметным, но уже начавшим свою разрушительную работу.

В кармане вибрировал телефон. Стас прислал первый скриншот из закрытого чата. *«Задание на неделю: дискредитация законопроекта о домашнем насилии. Тезис: “Лоббирование интересов ювенальной юстиции и разрушение традиционной семьи”. Спикеры: Дворкин, Новопашин. Бюджет на посев увеличен».*

Виктор сжал руль. Война шла не только за науку. Война шла за каждый дом. И методы были одни и те же. Ложь, страх, подмена понятий.

— Ну что ж, — подумал генерал. — Посмотрим, как вы запоете, когда мы включим свет.

Он ехал домой, а в голове крутилась фраза, брошенная журналистом: «Смерть — это бизнес-модель». Игнатьев хотел разрушить эту модель. За это его и убили. Виктор не мог вернуть друга. Но он мог обанкротить этот бизнес.

В кармане лежала флешка с данными профессора. Там были не только научные отчеты. Там был список. Список тех, кого «эксперты» уже успели уничтожить. Реабилитационные центры, школы, общины. Тысячи сломанных судеб.

Это был не просто список жертв. Это был список свидетелей обвинения. И Виктор собирался опросить каждого.

Ночь накрыла город, но для генерала она была лишь фоном для работы. Он знал, что самые темные дела делаются при свете дня, под прикрытием красивых слов и экспертных заключений. И его задача — сорвать эти маски. Вместе с кожей, если придется.

Глава 4: Лингвистическая ловушка

Юридический язык всегда напоминал Виктору Андреевичу минные поля, через которые ему приходилось пробираться в Чечне. Один неверный шаг, одна неверно истолкованная запятая — и ты труп. Но там, на войне, мины были честными: они просто взрывались. Здесь же, в тишине кабинетов, слова не убивали мгновенно. Они медленно, методично перемалывали кости, лишали имени, репутации и будущего.

Генерал сидел за столом, заваленным копиями судебных протоколов. Свет настольной лампы выхватывал из полумрака абзацы, от которых веяло безумием. Если журналист Стас был наводчиком, указывающим цель лазерным лучом, то люди, чьи фамилии пестрели в этих бумагах, были артиллерией. Только стреляли они не снарядами, а «экспертными заключениями».

Виктор потер уставшие глаза. Перед ним лежал толстый том — материалы дела по попытке признания книги «Бхагавад-гита как она есть» экстремистским материалом. Дело слушалось в Томске, в 2011 году. Казалось бы, какое отношение древнеиндийский эпос имеет к современным биотехнологиям и смерти профессора Игнатьева?

Прямое. Это был полигон.

Именно там, в районном суде, обкатывалась технология, которую Виктор про себя назвал «лингвистической ловушкой». Если система сможет объявить экстремистским текст, который является священным для миллиарда людей, то объявить «сатанинской» научную статью о сенолитиках будет проще, чем высморкаться.

Генерал взял в руки маркер и подчеркнул фамилии экспертов. Сергей Аванесов, Валерий Свистунов, Валерий Наумов. Сотрудники Томского государственного университета. Философы, филологи. Люди науки, казалось бы.

Но читая стенограмму их допроса в суде, Виктор чувствовал, как волосы на затылке начинают шевелиться от профессионального ужаса. Это был не научный диспут. Это была спецоперация по легализации бреда.

— «Эксперт — это не тот, кто знает, а тот, у кого спрашивают», — процитировал Виктор фразу, которую приписывали Дворкину. В этой цитате была вся суть их метода.

Он набрал номер своего старого знакомого, бывшего военного прокурора, а ныне адвоката по сложным делам, Семена Ильича. Тот, несмотря на поздний час, ответил почти мгновенно.

— Витя? Ты чего не спишь? Старость мучает?

— Совесть, Сеня. Слушай, объясни мне одну вещь. Статья 307 УК РФ. Заведомо ложное заключение эксперта. Почему она не работает? В трубке послышался сухой, кашляющий смех. — Ты как маленький, ей-богу. «Заведомо ложное». Ключевое слово — «заведомо». Попробуй докажи умысел. Эксперт всегда скажет: «Я так вижу. Это моя научная позиция. Я художник, я так чувствую». И всё. Состав преступления рассыпается. В гуманитарных науках нет линейки, Витя. Там всё зыбко. Слово «глупец» — это оскорбление или констатация факта? Зависит от того, кто платит за экспертизу.

Виктор положил трубку и вернулся к чтению. Семен был прав. Система была идеальной в своей неуязвимости.

Он углубился в детали томского процесса. Это было хрестоматийное пособие по уничтожению здравого смысла.

Прокуратура города Томска подала иск на основании экспертизы, которую якобы провели сотрудники ТГУ. Но вот документ из материалов дела: официальная справка от администрации университета. «Университет не уполномочивал сотрудников Аванесова, Свистунова и Наумова на проведение данной экспертизы». То есть, трое граждан собрались на кухне (или на кафедре), написали бумагу, поставили свои подписи, и прокурор принял это как официальный документ государственного учреждения.

— Манипуляция статусом, — констатировал Виктор.

Но самое интересное начиналось дальше. Содержание экспертизы. «Эксперты» утверждали, что книга пропагандирует «религиозную ненависть» и «унижение достоинства человека по признаку отношения к религии». На чем строилось обвинение? На словах. В тексте комментария к «Гите» употреблялось слово «глупец» по отношению к людям, живущим лишь материальными интересами. Эксперты сделали вывод: это разжигание вражды к социальной группе «не кришнаиты».

Виктор представил, как по этой логике можно судить Достоевского за слово «идиот» или Библию за фразу «Сказал безумец в сердце своем: нет Бога».

Но Виктор искал не логические ошибки. Он искал связь. Ниточку, ведущую к центру структуры. И он нашел её в показаниях Валерия Свистунова. В суде этот «эксперт» под присягой признался, что при проведении исследования пользовался... материалами с

антисектантских сайтов. Не научными монографиями. Не первоисточниками. А пропагандистскими ресурсами, контролируемые Дворкиным и его командой.

Генерал открыл на ноутбуке схему, которую начал рисовать еще вчера. Дворкин создает ресурс (например, iriney.ru или k-istine.ru). На ресурсе публикуется статья: «Кришнаиты — это фашисты». Эксперт в Томске получает заказ от прокуратуры (или ФСБ). Эксперт открывает сайт Дворкина, копирует оттуда тезисы и вставляет их в «Заключение комплексной психолого-лингвистической экспертизы». Суд принимает это заключение как истину. Книга запрещается.

Таким образом, информация, сгенерированная в центре, прошла через «отмывочную» в виде провинциальных доцентов и стала судебным решением.

— Это не экспертиза, — прошептал Виктор. — Это легализация лжи.

Он нашел еще один интересный момент. В том же Томске действовал некто Максим Степаненко, руководитель миссионерского отдела епархии. Человек из структуры РАЦИРС. Пока шел суд, этот деятель развернул в местных СМИ настоящую ковровую бомбардировку. «Кришнаитская зараза», «духовные террористы» — заголовки кричали. Степаненко хвастался в своем отчете: «Мною написано много статей... организован приезд профессора Александра Дворкина».

Давление на суд. Прямое, неприкрытое. Судья — тоже человек. Он читает газеты, он смотрит телевизор. Если из каждого утюга говорят, что подсудимый — монстр, судье очень трудно оправдать его, даже если в деле нет ни одного доказательства вины.

Виктор отложил томский файл и взял папку с делом Игнатьева. Почерк был тот же. Абсолютно тот же. Вместо «Бхагавад-гиты» — научные отчеты лаборатории. Вместо «религиозной ненависти» — «психологическое насилие» и «создание зависимости». Вместо Свистунова — другой эксперт, но из той же обоймы. Виктор сверил фамилии. Да, этот психолог, подписавший заключение по Игнатьеву, регулярно выступал на конференциях РАЦИРС.

Генерал встал и подошел к окну. Ночной город жил своей жизнью, не подозревая, что в это время, в десятках судов по всей стране, решаются судьбы людей на основании того, что кому-то не понравилось слово в книге или термин в научной статье.

Это была подмена понятий глобального масштаба. Правовая оценка деяния (украл, убил, обманул) заменялась лингвистической оценкой текста. Тебя судили не за то, что ты сделал. Тебя судили за то, что ты сказал. Или даже за то, что ты *мог бы* сделать, начитавшись «неправильных» книг.

В материалах томского дела прокурор так и заявила: «Фактов совершения преступлений не зафиксировано, но заявление сделано, чтобы предотвратить возможные преступления». Превентивное правосудие. «Особое мнение» из фантастического фильма, только вместо провидцев в ванне с молоком — бородатые мужики с дипломами религиоведов.

Виктор вернулся к столу. Ему нужно было понять, как именно они ломают защиту. Ведь у Игнатьева были адвокаты. Были свои рецензенты. Он нашел ответ в протоколе заседания. «Суд отказал в приобщении рецензии доктора наук Иваненко, так как у суда нет оснований не доверять экспертизе, проведенной по поручению следствия».

Вот он, бетонный блок, о который разбиваются любые аргументы. «Нет оснований не доверять». Эксперт со стороны обвинения априори прав, потому что он «государственный» (даже если он частник, нанятый следствием). Эксперт со стороны защиты априори подозрителен, потому что его нанял «сектант».

Виктор вспомнил, как в девяностые бандиты решали вопросы. Там тоже были свои «понятия». Но даже бандиты уважали силу факта. Если ты не брал деньги, тебе трудно было предъявить, что ты их брал. Здесь же факты не имели значения. Значение имела интерпретация.

Генерал достал из сейфа книгу самого Дворкина «Сектоведение». Толстый том в твердой обложке. Он открыл его наугад. «Мормоны — это не христиане, это оккультная секта с тоталитарной структурой...» «Сайентология — это мафиозная структура...»

Виктор взял лист бумаги и начал выписывать фразы, применяя к ним ту же методику, которую эксперты Дворкина применяли к «Бхагавад-гите».

Цитата: «Все секты — это раковая опухоль на теле общества».

Анализ по методике РАЦИРС: Использование метафоры болезни («раковая опухоль») формирует у читателя чувство отвращения и страха, дегуманизирует представителей религиозных меньшинств, приравнивая их к смертельно опасной патологии. Содержит признаки возбуждения ненависти к социальной группе «члены новых религиозных движений».

Цитата: «Их нужно изолировать, пока они не заразили остальных».

Анализ: Призыв к дискриминации и ограничению прав граждан по религиозному признаку.

Виктор усмехнулся. Если применить к Дворкину его же оружие, он

должен сидеть по 282-й статье УК РФ лет десять. Его книга — это концентрированный экстремизм. Это учебник ненависти. Но Дворкин на свободе. Он является председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте РФ. Он учит прокуроров и следователей.

Почему? Потому что он — «свой». Он часть иммунной системы, которая сошла с ума и атакует здоровые органы, считая их чужеродными.

Виктор нашел в документах еще одну интересную деталь. Кемеровский государственный университет. Туда отправили «Гиту» на повторную экспертизу, когда томская развалилась под тяжестью собственной глупости. И что? Кемеровские эксперты слово в слово повторили выводы томских. А потом выяснилось, что декан факультета в Кемерово — близкий друг Дворкина и член РАЦИРС.

Это была сеть. Не просто информационная, а кадровая. В каждом ключевом вузе, на каждой кафедре философии или психологии у них были свои люди. «Спящие агенты», готовые проснуться по звонку и написать нужное заключение.

Генерал представил карту России. Томск, Кемерово, Владимир, Новосибирск, Москва. Везде горели красные точки. Опорные пункты инквизиции. Они захватили не банки и телеграфы. Они захватили кафедры. Они контролировали производство смыслов.

Виктор почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он привык воевать с врагом, которого можно увидеть в прицел. Но как воевать с профессором, который с милой улыбкой подписывает бумагу, отправляющую невинного в тюрьму или в могилу, как Игнатьева?

Он вспомнил лицо Игнатьева на той фотографии из морга. Профессор умер не от сердечного приступа. Он умер от унижения. От того, что дело всей его жизни смешали с грязью люди, которые не прочитали ни одной его статьи, но зато внимательно изучили методичку «Как распознать секту».

В папке лежала копия счета. Оплата за проведение экспертизы. Сумма была смехотворной. Пятнадцать тысяч рублей. Жизнь ученого, судьба лаборатории, будущее российской геронтологии — всё это было уничтожено за пятнадцать тысяч рублей. Столько стоила подпись «эксперта».

Виктор сжал кулак. Костяшки побелели.

— Дешево же вы стоите, господа ученые, — прорычал он.

Но была в этом деле и слабая точка. Ахиллесова пята. Виктор нашел её в переписке адвокатов. Статья 307 УК РФ имеет примечание. Эксперт

освобождается от ответственности, если добровольно заявит о ложности заключения до вынесения решения суда. Это означало, что они боятся. Они знают, что врут. И если прижать их достаточно сильно, если показать им, что «крыша» протекла, они побегут сдавать заказчиков, чтобы спасти свои шкуры.

В томском процессе защита сделала гениальный ход. Они заказали альтернативную экспертизу в Барнауле. И барнаульские ученые, настоящие, не ангажированные, разнесли заключение томичей в пух и прах. Они доказали, что те использовали ненаучные методы, вырывали фразы из контекста и подменяли понятия. Суд оказался в тупике. Две экспертизы противоречили друг другу.

И тогда система включила административный ресурс. Суд просто проигнорировал барнаульскую экспертизу.

Виктор понял: в правовом поле выиграть у них нельзя. Пока судья играет на стороне обвинения, любые доказательства защиты — это просто макулатура. Нужно бить не по экспертизе. Нужно бить по эксперту. Нужно сделать так, чтобы быть «экспертом Дворкина» стало токсично. Чтобы это означало конец карьеры, позор и нерукопожатность в научном сообществе.

Генерал достал чистый лист и начал составлять список. «Черный список экспертов». Аванесов. Свистунов. Наумов. И еще десяток фамилий, которые мелькали в других делах. Он найдет на каждого компромат. Плагиат в диссертациях. Финансовые махинации. Связи с криминалом. Он разрушит их репутацию так же методично, как они разрушали репутацию Игнатьева.

В дверь позвонили. Виктор вздрогнул. Три часа ночи. Гости в такое время приходят только с ордером или с плохими вестями. Он бесшумно выдвинул ящик стола, где лежал «Макаров». Снял с предохранителя. Подошел к двери, глянул в глазок. На площадке было пусто. Никого. Только на коврике лежал белый конверт.

Виктор подождал минуту, прислушиваясь. Тишина. Лифт не гудел. Шагов не было слышно. Он приоткрыл дверь, быстро забрал конверт и захлопнул замок.

Вернувшись в комнату, он вскрыл послание. Внутри не было письма. Там была фотография. Снимок был сделан телеобъективом. Окно его квартиры. Виден силуэт Виктора за столом, лампа, бумаги.

На обратной стороне фото была надпись, сделанная печатными буквами: «НЕ ЛЕЗЬ В ДЕБРИ. ЛИНГВИСТИКА — ОПАСНАЯ НАУКА».

Виктор усмехнулся. Страх. Они пытаются его напугать. Значит, он подобрался близко. Значит, его копание в судебных архивах задело.

Они думали, что он испугается снайпера или киллера. Глупцы. Человек, который пережил девяностые, дослужился до звания генерал-лейтенанта в такой структуре как внешняя разведка, не боится смерти. Он боится не успеть.

Он положил фотографию рядом с делом «Бхагавад-гиты». — Вы правы, — сказал он в пустоту. — Лингвистика — это оружие. И я только что нашел склад с боеприпасами.

Теперь он знал, как они работают. Они берут слово, выворачивают его наизнанку, начинают ненавистью и взрывают в зале суда. Это была не юриспруденция. Это была черная магия бюрократии.

Виктор посмотрел на стопку бумаг. Среди них лежал документ, который он отложил в самом начале. Заключение по книге самого Дворкина, сделанное независимыми юристами. Там черным по белому было написано: «Содержит признаки экстремизма». Этот документ никогда не был в суде. Ему не дали хода. Но у Виктора были другие суды. Суды общественного мнения. И суды истории.

Он взял телефон и набрал сообщение Стасу, журналисту. *«Завтра утром встречаемся. Есть тема. “Как профессора ТГУ стали инквизиторами”. Принеси диктофон. На этот раз запись будет нужна».*

Генерал выключил лампу. Темнота мгновенно заполнила комнату, но в голове у него было ясно, как никогда. Он не мог отменить законы. Но он мог показать людям, кто именно дергает за ниточки марионеток в мантиях.

«Эксперт — это тот, у кого спрашивают». — Хорошо, Александр Леонидович, — прошептал Виктор. — Скоро спросят с вас. И вопросы буду задавать я.

Он лег на диван, не раздеваясь, положив пистолет под подушку. Сон пришел мгновенно, спокойный глубокий и без сновидений. А на столе, в луче уличного фонаря, белел лист бумаги с цитатой из экспертизы: «Слово “душа” в данном контексте используется для манипуляции сознанием».

Даже душу они умудрились превратить в улику.

Глава 5: Сетевой анализ

Стена в кабинете Виктора Андреевича за последние двое суток изменилась до неузнаваемости. Вместо привычных книжных полок теперь там висела огромная пробковая доска, купленная в канцелярском магазине на углу. На ней, словно карта боевых действий, разрасталась сложная схема. Фотографии, вырезки из газет,

распечатки с сайтов, копии судебных решений — всё это соединялось красными нитями, образуя паутину, в центре которой сидел не паук, а человек с благообразной бородой и холодными глазами.

Генерал отошел на шаг назад, опираясь на трость. Левая нога ныла — погода менялась, или, может быть, сказывалось напряжение бессонных ночей. Он смотрел на схему не как следователь, ищущий улики для суда, а как штабной офицер, оценивающий диспозицию противника перед наступлением.

То, что открывалось его взгляду, не укладывалось в привычное понимание «общественной организации».

Обычно НКО — это хаос. Это энтузиасты, грантоеды, городские сумасшедшие, волонтеры. У них всегда бардак с документами, горизонтальные связи преобладают над вертикальными, а дисциплина держится на честном слове. Здесь же Виктор видел совсем иное.

Он подошел к столу и взял маркер. На чистом листе ватмана он начал чертить структуру, которую выявил, анализируя сотни документов из архива Игнатьева и открытых источников.

— Это не кружок по интересам, — пробормотал он. — И даже не секта в классическом понимании. Это спецслужба.

Виктор нарисовал верхний квадрат: **«Центр (Москва)»**. Это был мозг. Аналитический отдел, штаб планирования операций, пресс-служба. Здесь формировались «темники», здесь определялись цели для атаки, здесь распределялись финансовые потоки.

Ниже пошли стрелки к квадратам поменьше: **«Региональные резидентуры»**. Официально они назывались «миссионерскими отделами» епархий или «информационно-консультационными центрами». Но функционал их сотрудников не имел ничего общего с проповедью Евангелия.

Генерал взял со стола распечатку интервью бывшего сотрудника этой структуры, некоего Валерия О. Текст был жестким, откровенным, местами циничным. Человек, проработавший внутри системы годы, описывал её без прикрас.

Виктор перечитал подчеркнутый абзац: *«Местный архиерей наш, помню, тогда аж за голову взялся и похвалился Дворкину: какие у нас профессионалы крутые, знают, какое у местного протестантского пастора бельё сушится на балконе. Это раньше надо было ногами ходить... А вот сейчас, с развитием сети интернет, всё стало элементарно просто»*.

Белье на балконе. Виктор хмыкнул. Это была классическая оперативная

установка. Сбор бытовых данных для шантажа или дискредитации. Зачем миссионеру знать цвет трусов пастора конкурентов? Чтобы спасти его душу? Нет. Чтобы в нужный момент вбросить информацию: «Пастор живет не по средствам» или «У пастора странные пристрастия».

Генерал провел линию от «Резидентур» к следующему уровню: **«Агентурная сеть»**. В интервью описывался метод работы в соцсетях. Агент под псевдонимом (условный «Вася») втирается в доверие к членам общин, задает провокационные вопросы, собирает инсайды. *«Включает дурака, что хочу вступить в вашу секту... А говорят, что у вас пастор такой жадный...»*

Это называлось «легендированный ввод». Агентурное проникновение. Виктор знал, сколько стоит подготовка такого специалиста в академии ФСБ или ГРУ. Здесь же работали фанатики-любители, но их было много, и они были мотивированы идеей «священной войны».

— Беспощадность к врагам Рейха, — процитировал Виктор еще одну фразу из интервью. Именно так инструктировали новичков. Ссылка на «Семнадцать мгновений весны» могла показаться шуткой, если бы не контекст. Они действительно считали себя солдатами невидимого фронта, окруженными врагами. А на войне, как известно, все средства хороши.

Генерал вернулся к схеме. Если РАЦИРС — это спецслужба, то у нее должны быть свои отделы. И они были.

1. Аналитический отдел. Сбор и систематизация данных. Картотеки. Виктор нашел упоминание о том, что на каждого «сектанта», на каждого неудобного лидера, на каждого сочувствующего чиновника заводилось досье. Адреса, телефоны, связи, слабости. «Алексей тоже выступал... говорил, что вот у нас на территории есть такая-то община... дом такой-то, квартира такая-то». Это была не наука. Это был оперативный учет. База данных неблагонадежных элементов.

2. Отдел активных мероприятий. Организация пикетов, срыв лекций, провокации. Виктор вспомнил фотографии активистов, обливающих зеленкой участников какой-то конференции. Это не стихийный гнев народа. Это спланированная акция, утвержденная в Центре.

3. Отдел пропаганды и дезинформации. Те самые «эксперты», журналисты, блогеры. Их задача — легализовать оперативную информацию, превратить слухи в «факты», подготовить общественное мнение к репрессиям.

Но самое интересное было не в структуре, а в функционале. Виктор задал себе вопрос: зачем это нужно государству? Почему власть терпит,

а то и поощряет существование этой параллельной спецслужбы?

Ответ лежал в плоскости термина **«Прокси-структура»**.

Государство сковано законами. Полиция не может просто так ворваться в дом к человеку, который читает «неправильные» книги, если нет состава преступления. Чиновник не может открыто запретить лекцию ученого, если она не нарушает УК. Но «общественники» могут.

РАЦИРС выполнял грязную работу. Они создавали повод. Схема работала безупречно:

1. Агенты РАЦИРС собирают информацию (часто незаконными методами).
2. Отдел пропаганды раздувает скандал («Сектанты едят детей!»).
3. «Возмущенная общественность» пишет заявления.
4. Государство «вынуждено реагировать» на глас народа.

Руками Дворкина и его сети власть зачищала поле, оставаясь формально в белых перчатках.

Виктор подошел к окну. Внизу, у подъезда, все так же дежурила серая машина. Наружное наблюдение. Интересно, подумал он, это официалы или «дворкинские»? Скорее всего, симбиоз.

В документах Игнатьева была любопытная деталь о сотрудничестве с Центром «Э» — управлением по противодействию экстремизму. Когда в 2008 году появлялись подразделения Центра «Э», а в 2011-м реформа МВД перекраивала старые контуры), тысячи оперативников оказались в новой структуре. Они умели ловить бандитов, но ничего не понимали в идеологии. Им нужны были показатели. Им нужны были «экстремисты». И тут появился Дворкин с готовыми списками.

— Вы нам — палки в отчетность, мы вам — административный ресурс, — озвучил Виктор негласный договор.

Оперативники Центра «Э», привыкшие работать с уголовниками, перенесли свои методы на верующих, на йогов, на психологов. Для них не было разницы между вором в законе и пастором пятидесятников. И те, и другие были «объектами». А идеологическое обоснование под это подводили эксперты РАЦИРС.

Виктор вернулся к столу и достал папку с пометкой «Регионы». Саратов, Новосибирск, Архангельск. Везде одна и та же картина. Местный представитель РАЦИРС (часто священник или чиновник

епархии) фактически становился теньвым куратором внутренней политики региона.

Губернаторы боялись их. Мэры заискивали перед ними. Почему? Потому что «мониторинг» касался не только сект.

Виктор нашел письмо одного регионального депутата, адресованное Игнатьеву. Депутат жаловался, что его затравили за то, что он выделил помещение для фестиваля индийской культуры. *«Мне прямо сказали: если не отменишь, мы напишем, что ты лоббируешь интересы деструктивного культа. А это конец карьеры. В Москве такие сигналы воспринимают однозначно».*

Это был инструмент политического шантажа. Ярлык «сектант» или «пособник сектантов» стал черной меткой. С его помощью можно было убрать конкурента на выборах, отжать бизнес, сместить неудобного чиновника. РАЦИРС собирал компромат на элиту. Кто куда ходит, кто чем лечится, кто во что верит. Это была власть. Реальная, осязаемая власть, основанная на страхе.

Генерал посмотрел на схему. В центре паутины, рядом с фото Дворкина, он прикрепил стикер с надписью: **«Служба Внутренней Безопасности (неофиц.)»**.

В интервью Валерия О. прозвучала мысль, которая сначала показалась Виктору странной, но теперь обретала смысл. РАЦИРС — это служба безопасности самой Церкви. Они следили не только за внешними врагами. Они следили за своими. За священниками, которые слишком много думают. За епископами, которые проявляют излишнюю самостоятельность.

«Не столько за коррупцией, сколько за дисциплиной и единомыслием».

Это была инквизиция внутри структуры. Карательный орган, обеспечивающий идеологическую монолитность. Любое отклонение от генеральной линии объявлялось «ересью» или «сектантством внутри православия». Священников лишали сана, запрещали в служении по доносам сотрудников РАЦИРС.

Виктор почувствовал холод. Система была замкнутой и самодостаточной. Она пожирала всех, кто не вписывался в стандарт. Игнатьев со своими сенолитами и идеей продления жизни был для них двойной угрозой. Во-первых, он предлагал альтернативу (научное бессмертие против религиозного). Во-вторых, он был независим. А независимость — это главный грех в тоталитарной системе координат.

Генерал сел в кресло. Тремор в руке усилился. Он достал таблетку, запил водой. Ему нужно было найти уязвимость в этой сети. У любой разведсети есть слабые места.

1. **Каналы связи.** Как передаются приказы? Через открытые мессенджеры? Через закрытые серверы?

2. **Финансирование.** Агентам надо платить. Командировки, оборудование, взятки. Откуда деньги?

3. **Человеческий фактор.** Фанатики ненадежны. Они выгорают. Они обижаются. Они начинают сомневаться.

Виктор вспомнил про Валерия О., чье интервью он читал. Человек ушел из системы. И не просто ушел — он заговорил. Значит, там есть текучка. Значит, есть недовольные.

Он взял телефон. Нужно было дать задание «Северу».

— Володя, мне нужен список бывших. Всех, кто работал в центрах Дворкина, но ушел за последние пять лет. Особенно тех, кого выгнали со скандалом.

— Ты хочешь вербовать перебежчиков? — голос Володи был скептическим. — Это опасно. Они могут быть двойными.

— У меня нет выбора. Мне нужны свидетели изнутри. Мне нужно знать, как именно проходила команда по Игнатьеву. Кто звонил, кому, что конкретно сказали.

Виктор положил трубку и снова подошел к доске. Он провел жирную красную линию от Москвы до Новосибирска. Там, в Сибири, сидел вице-президент РАЦИРС, протоиерей Александр Новопашин. Судя по документам, это был «силовой блок» организации. Если Дворкин был идеологом, то Новопашин — полевым командиром. Именно его люди обеспечивали «силовую поддержку» акций. Именно через его структуры шли контакты с МВД.

Генерал обвел фото Новопашина кружком. **«Цель №2».**

Но была еще одна деталь, которая не давала Виктору покоя. Международные связи. В схеме Игнатьева мелькало название FECRIS. Европейская федерация. Штаб-квартира в Париже. Дворкин был ее вице-президентом. Зачем российской «патриотической» организации, которая на каждом углу кричит о «западной угрозе», входить в европейскую структуру? И почему эта структура в критических обзорах фигурирует как связанная с французским государственным финансовым контуром?

Виктор почувствовал, что здесь кроется какой-то гигантский парадокс. Или обман. Российские борцы с Западом ездят в Париж за инструкциями? Или, наоборот, они экспортируют свои методы туда?

Он добавил на схему новый блок, вынеся его за пределы карты России: **«Зарубежные кураторы или подчиненные(?)»**. Стрелка от Дворкина к FECRIS. И обратная стрелка: **«Легитимизация»**.

Вот оно. Им нужен Запад не для денег (деньги они берут здесь). Им нужен Запад для статуса. Когда Дворкин говорит: «Это секта», он ссылается не на себя. Он ссылается на «международное мнение». «Во Франции это запрещено!» — любимый аргумент. Они используют европейский бренд, чтобы оправдывать репрессии в России.

— Ловко, — признал Виктор. — Использовать демократические институты Европы для построения тоталитарной секты в России.

Он посмотрел на часы. Четыре утра. Город спал, но сеть не спала. Где-то в интернете «Васи» писали свои отчеты. Где-то в типографиях печатались листовки. Где-то в кабинетах готовились новые списки на ликвидацию.

Виктор понимал, что он один против армии. Но у него было преимущество. Армия была уверена в своей неуязвимости. Они привыкли бить слабых — интеллигентов, студентов, верующих. Они отвыкли от того, что жертва может иметь зубы.

Генерал открыл ящик стола и достал старую записную книжку. Там были телефоны людей, которых он не трогал годами. Людей из «прошлой жизни». Тех, кто умел вскрывать не только сейфы, но и серверы. Сетевой анализ показал структуру. Теперь нужно было запустить в эту структуру вирус.

Он нашел нужный номер.

— Привет, «Каспер». Живой еще? Есть работа по твоему профилю. Нет, не банк. Церковная лавка. Да, ты не ослышался. Но охрана там покруче, чем в ЦБ.

Виктор положил трубку и вернулся к схеме. Его взгляд упал на маленькую фотографию в углу доски. Активистки FEMEN спиливают крест в Киеве. 2012 год. Казалось бы, при чем тут Дворкин? Но ниточка тянулась и туда. Илья Бей, соратник Дворкина, был связан с этими провокациями. Зачем «православным апологетам» сотрудничать с кошунницами? Чтобы создать картинку. Картинку «сатанинской угрозы». Если врага нет, его надо придумать. Или создать. Или профинансировать.

— Вы не просто боретесь с пожарами, — тихо сказал Виктор, глядя на фото спиленного креста. — Вы сами их поджигаете, чтобы потом героически тушить за бюджетные деньги.

Это был бизнес на ненависти. Идеальный вечный двигатель. Пока есть

«секты», нужны «сектоведы». Если секты исчезнут, Дворкин останется без работы. Значит, секты должны быть всегда. И они должны быть страшными.

Виктор взял красный маркер и написал поперек всей схемы одно слово: **СИМБИОЗ**.

Они не могли существовать друг без друга. Инквизитор не может жить без еретика. Игнатьев хотел разорвать этот круг, предложив людям науку вместо мистики. За это его и убрали. Он угрожал кормовой базе.

Генерал выключил свет, оставив только настольную лампу. Тени от кнопок на пробковой доске удлинились, превращая схему в зловещий пейзаж ночного города. Завтра он начнет дергать за эти нити. И он знал, что паук почувствует вибрацию. Пусть чувствует. Пусть нервничает. Ошибки совершают только те, кто боится.

Виктор подошел к сейфу, убрал туда черновики и достал папку с надписью «FECRIS». Следующий шаг — Париж. Если перекрыть им кислород там, если лишить их статуса «европейских экспертов», их авторитет внутри страны пошатнется. Король окажется голым.

Но это будет завтра. А сейчас генералу нужно было поспать хотя бы пару часов. Война войной, а режим — по расписанию. Он лег на жесткий диван, закрыл глаза, но перед внутренним взором продолжали пульсировать красные линии, соединяющие московские кабинеты с провинциальными балконами, где сушилось чье-то белье, ставшее крючком для доноса и рычагом давления в деле о «духовной безопасности».

Глава 6: Французский связной

Экран ноутбука светился холодным голубоватым светом, единственным источником освещения в кабинете, если не считать уличного фонаря, мигающего за окном. То, что он обнаружил в зашифрованном архиве, переданном «Каспером» час назад, не укладывалось в привычную логику государственной безопасности.

Генерал привык к тому, что мир делится на «своих» и «чужих». Есть национальные интересы, есть разведки вероятного противника, есть двойные агенты. Это была шахматная доска, где фигуры могли менять цвет, но правила оставались неизменными.

Однако документы, развернутые сейчас на его рабочем столе, ломали эту доску об колено.

Виктор открыл файл с маркировкой «FECRIS_Financials_2001-2015». Перед ним были сухие таблицы, цифры, отчеты. На первый взгляд —

обычная бухгалтерия европейской некоммерческой организации. Но дьявол, как известно, кроется в деталях, а в данном случае — в процентах.

— Интересно девки пляшут, — пробормотал Виктор, вглядываясь в строку «Sources of Funding» (Источники финансирования).

Организация FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве), вице-президентом которой долгие годы являлся Александр Дворкин, позиционировала себя как объединение независимых общественных ассоциаций. «Глас народа», защищающий европейцев от тоталитарных культов.

Но цифры говорили об обратном.

Виктор взял калькулятор, хотя подсчеты были элементарными. Французская ассоциация UNADFI — один из столпов FECRIS. Государственное финансирование: более 90%. Членские взносы и пожертвования граждан: единицы процентов.

Другая структура, CCMM (Центр против ментальных манипуляций). Государственное финансирование: также более 90%.

Генерал откинулся в кресле. В мире НКО (некоммерческих организаций) существует золотое правило: если организация живет на деньги граждан, она представляет интересы граждан. Если организация на подавляющую долю финансируется государством, она является департаментом этого государства, даже если на вывеске написано «Общественный союз».

— Значит, вы не общественники, — сказал Виктор экрану. — Вы — бюджетники. Французские бюджетники.

Он открыл схему, присланную в том же архиве. Деньги шли не напрямую из казначейства. Они проходили через структуру со сложной аббревиатурой MIVILUDES (Межведомственная миссия по бдительности и борьбе с сектантскими отклонениями). Эта организация в разные периоды работала при аппарате премьер-министра Франции, а позже её администрирование связывали с МВД.

Виктор представил себе эту цепочку. Французский налогоплательщик платит налоги. Правительство Франции выделяет миллионы евро MIVILUDES. MIVILUDES распределяет эти деньги между UNADFI, CCMM и FECRIS. А FECRIS, в свою очередь, проводит конференции, печатает методички и оплачивает поездки своим функционерам.

В том числе — российским.

Генерал встал и подошел к своей пробковой доске. Он взял красный маркер и написал в верхнем углу: **«ПАРИЖСКИЙ ОБЩАК»**.

Ситуация выглядела сюрреалистично. Александр Дворкин, главный борец за «духовную безопасность» России, человек, который на каждом углу кричит об угрозе западного влияния и «агентах Госдепа», является вице-президентом организации, которая живет на зарплату от правительства страны-члена НАТО.

Виктор знал, как в России относятся к «иностранным агентам». Любая НКО, получившая хоть доллар из-за рубежа, обязана вешать на себя позорное клеймо. Но РАЦИРС и Дворкин чудесным образом избегали этого статуса. Они были «патриотами».

— Как тебе это удастся, Саша? — спросил Виктор у фотографии Дворкина на стене. — Ты берешь деньги у французов, чтобы учить русских любить Родину? Или французы платят тебе за то, чтобы ты кошмарил русских ученых?

Он вернулся к компьютеру. Нужно было понять, что именно экспортируется и импортируется по этому каналу. Деньги — это лишь топливо. Главным товаром была идеология.

Виктор открыл папку «Методология». Там лежали переводы французских документов 90-х годов. Доклад Алена Вивьена. Генерал начал читать и тут же почувствовал дежавю. Те же термины. Те же обороты речи. «Сектантские отклонения» (*dérives sectaires*). «Ментальные манипуляции». «Защита семьи и индивида».

Во Франции эта модель использовалась для насаждения жесткого лаицизма (светскости), для борьбы с любыми религиозными меньшинствами, которые не вписывались в стандарт «нормального гражданина». В России Дворкин использовал те же лекала, чтобы зачищать поле для монополии одной идеологии.

Но самое интересное было в другом файле. «Скандалы и коррупция». Ален Вивьен, «крестный отец» французского антикультизма и создатель MIVILUDES, ушел в отставку с позором. Причина: растрата бюджетных средств. Виктор хмыкнул, читая подробности. Половину бюджета организации Вивьен тратил на зарубежные поездки. Другую часть — на покупку недвижимости для своих структур.

— Знакомый почерк, — отметил генерал. — Красиво жить не запретишь, особенно когда борешься со злом за казенный счет.

Но коррупция была мелочью по сравнению с политическим аспектом. Виктор нашел документ, датированный 2019 годом. Это была подборка критических публикаций, переведенная на русский. Заголовок: «Как MIVILUDES скомпрометировала себя связями с российскими фигурами

радикального спектра».

Речь шла о визите французской делегации в Крым. В составе делегации был Жорж Фенек. Бывший судья, бывший президент MIVILUDES, член руководства FECRIS. Человек, который во Франции отвечал за борьбу с «опасными культами», приехал на территорию, которую его собственное правительство считает оккупированной. Приехал не как частное лицо, а в составе делегации, оплаченной «Российским фондом мира».

Виктор смотрел на фотографию Фенека, пожимающего руку российскому политику. Это был разрыв шаблона. Европейский чиновник, представитель страны НАТО, вступает в публичный контакт с российскими политиками на фоне санкционного режима. Что их объединяет? Любовь к Крыму? Вряд ли. Их объединяет ненависть к «сектам».

— Это интернационал, — понял Виктор. — Антикультовый интернационал.

Для этих людей идеологическая близость была важнее государственных границ и геополитических конфликтов. Они создали свою собственную сеть, поверх барьеров. Российские антикультисты (Дворкин, Новопашин) обеспечивали французам доступ к российским ресурсам и политическую поддержку на Востоке. Французы (антикультовый контур вокруг FECRIS и французских ассоциаций) обеспечивали россиянам легитимность на Западе.

Когда Дворкина спрашивали в России: «А почему вы решили, что это секта?», он мог ответить: «Так считают наши европейские коллеги из FECRIS. Это международная практика». А когда Фенека спрашивали во Франции: «Почему вы поддерживаете русских?», он мог сказать: «Мы вместе боремся с глобальной угрозой ментальных манипуляций».

Рука руку моет. И обе руки — в крови сломанных судеб.

Виктор нашел в архиве еще одну любопытную деталь. Список участников конференций. Рига, 2018 год. Брюссель, 2017 год. Марсель, 2015 год. Одни и те же лица. Дворкин, Корелов (его адвокат), Силантьев. И рядом с ними — французские чиновники из MIVILUDES. Серж Блиско, Анн Жоссо.

Они ездили друг к другу в гости, как старые друзья. Они выступали на одних сценах. Они подписывали одни резолюции. И все это — за счет налогоплательщиков. Французских и российских.

Генерал вспомнил термин из биологии: «Облигатный симбиоз». Форма сожительства, при которой партнеры не могут существовать друг без друга. Российскому РАЦИРС нужен был западный фасад, чтобы не

выглядеть кучкой маргиналов-черносотенцев. Им нужен был «европейский лоск». А французской FECRIS нужны были российские масштабы и российская готовность применять силу, чтобы оправдывать свое существование и раздувать бюджеты.

— Вы создали вечный двигатель страха, — прошептал Виктор.

Он открыл файл с аналитикой по Италии. Сайт «Libero Credo». Итальянские журналисты провели расследование и пришли к выводу: FECRIS — это «полупустая оболочка». Генеральный секретарь — пенсионерка, офис в ее гостиной. Казначей — водитель трамвая. Но при этом — миллионные гранты и статус консультанта при Совете Европы.

Это была грандиозная мистификация. Потемкинская деревня европейского масштаба. За фасадом «международной федерации» скрывалась группа бюрократов и фанатиков, которые имитировали бурную деятельность, чтобы осваивать бюджеты.

Но эта имитация имела реальные последствия. Виктор нашел документ, касающийся Руди Саллеса, французского депутата и фигуры, связанной с антикультовым контуром. В 2014 году он пытался протащить через ПАСЕ резолюцию о «культах и несовершеннолетних». Суть резолюции: ужесточить рамку «защиты несовершеннолетних» от «сектантских злоупотреблений», расширяя возможности вмешательства государства и создавая риск дискриминации религиозных меньшинств.

Виктор похолодел. «Сектантской группой» в их терминологии могло быть что угодно. Семья веганов. Семья, практикующая домашнее обучение. Семья, отказавшаяся от прививок. Или семья ученого, который разрабатывает лекарство от старости.

Если бы эта резолюция прошла, она стала бы инструментом ювенольного террора в масштабах всего континента. И лоббировали это те же люди, которые сидели за одним столом с Дворкиным.

Генерал представил, как эта машина работает. В Париже пишут методичку: «Как работать с семьями “сектантского риска”». Через FECRIS эта методичка попадает в Москву. Дворкин переводит ее, ставит штамп РАЦИРС и несет в Госдуму или в Министерство образования. «Смотрите, — говорит он. — Это передовой европейский опыт. Мы должны защитить наших детей». И депутаты, не глядя, голосуют. Потому что «защита детей» — это святое. А то, что под видом защиты протаскивается механизм разрушения семьи, никто не замечает.

Виктор почувствовал, как в груди закипает гнев. Это было предательство. Не просто шпионаж, а предательство национальных интересов на самом глубоком, смысловом уровне. Они пустили в кровеносную систему страны вирус, разработанный в чужих

лабораториях. Вирус нетерпимости, подозрительности и доноительства.

Он снова посмотрел на финансовые таблицы. UNADFI. свыше 90% от государства. «Врачи без границ» — для сравнения — в разных странах и по разным годам имеют смешанную модель, но в целом опираются на пожертвования в гораздо большей степени, чем на госденьги. Это был приговор. Настоящее гражданское общество не нуждается в таких подачках. Если люди не жертвуют деньги на борьбу с сектами, значит, они не считают секты проблемой. Проблему создают искусственно. Сверху. За деньги.

Виктор нашел в папке еще один интересный файл. «Китайский след». Китайская ассоциация по борьбе с сектами (структура КПК) тоже сотрудничала с FECRIS. Они использовали те же методы для подавления Фалуныгун. Аресты, пытки, «черные тюрьмы». И западные антикультисты из FECRIS не только не осуждали это, но и ездили в Китай перенимать опыт.

— Скажи мне, кто твой друг, — мрачно произнес генерал.

Дворкин дружил с французскими бюрократами и китайскими коммунистами. Странная компания для православного профессора. Но вполне логичная для архитектора тоталитарной системы контроля.

Виктор закрыл файлы. Ему нужно было систематизировать увиденное. Он взял чистый лист и начал писать:

«Справка по объекту “Спрут”. Международный контур.

1. **Финансирование:** Основной донор — правительство Франции (через MIVILUDES). Российские ячейки получают косвенную поддержку через участие в грантовых программах и оплату командировок.

2. **Легитимизация:** Статус “международного эксперта” используется для давления на российские суды и органы власти. Ссылка на “европейский опыт” служит прикрытием для репрессивных инициатив.

3. **Политическая мимикрия:** Организация демонстрирует лояльность любому режиму (демократическому во Франции, авторитарному в Китае, гибриднему в России), если этот режим готов финансировать борьбу с инакомыслием.

4. **Угроза нацбезопасности:** Через каналы FECRIS осуществляется бесконтрольный трансфер идеологических установок и социальных технологий, способных дестабилизировать общество. Фактически, внутренняя политика РФ в сфере религии и семьи корректируется иностранными кураторами».

Виктор перечитал написанное. Это было жестко. Если этот документ попадет на стол к правильным людям в Совете Безопасности, у Дворкина могут возникнуть серьезные проблемы. Даже его высокие покровители не смогут объяснить, почему «патриот» кормится с руки НАТО.

Но Виктор знал, что просто передать справку недостаточно. Систему защищала круговая порука. Нужен был резонанс. Публичный, громкий. Нужно было показать людям лица. Лицо Фенека в Крыму. Лицо Дворкина в Брюсселе. Лицо водителя трамвая, который управляет финансами «европейской федерации».

Генерал посмотрел на часы. Почти пять утра. За окном начинало сереть. Он подошел к окну. Серая машина наружного наблюдения исчезла. Видимо, смена караула. Или они решили, что старик никуда не денется.

Виктор усмехнулся. Они недооценивали силу бумажной работы. Пока они следили за его перемещениями по городу, он совершил путешествие через всю Европу, вскрыв гнойник, который зрел десятилетиями.

Это была не просто сеть. Это был клуб. Клуб людей, которые решили, что имеют право диктовать миру, как правильно верить и как правильно жить. Они использовали демократические институты Европы, чтобы разрушать демократию. Они использовали авторитет Церкви, чтобы подменять веру идеологией. Они использовали страх перед сектами, чтобы строить свою собственную секту — секту власти.

Тишина в комнате стала звенящей. Он понял, что его расследование вышло на новый уровень. Это дело о международном сговоре.

Генерал достал из ящика стола старую карту Европы, на которой когда-то отмечал маршруты своих командировок. Он провел линию от Москвы до Парижа. Потом до Брюсселя. Потом до Марселя. Линии пересекались, образуя жесткий каркас. Каркас клетки.

— Вы хотите запереть нас всех в этой клетке, — тихо сказал Виктор. — И называете это «духовной безопасностью».

Генерал почувствовал, как усталость отступает перед холодной решимостью. У него в руках была информационная бомба, способная разнести этот «Антикультовый общак» в щепки. Но взрыватель находился в Москве.

Виктор знал, что следующий шаг будет самым опасным. Ему нужно было найти доказательства того, как именно эти антикультовые фашистские методички применяются здесь, на земле. Не в теории, а на практике. В школах. В семьях. Там, где дети становятся заложниками

взрослых игр.

Он вытащил флешку из компьютера и спрятал ее в тайник, оборудованный в полый ножке тяжелого дубового стола. Если они придут с обыском, компьютер будет чист.

Виктор подошел к окну и распахнул форточку. Утренний воздух, влажный и прохладный, ворвался в прокуренную комнату. Город просыпался. Люди спешили на работу, вели детей в сады и школы. Они не знали, что за их спинами идет невидимая война. Война, в которой их налоги, их вера и их страхи используются.

Генерал посмотрел на восходящее солнце.

— Доброе утро, Вьетнам, — усмехнулся он своей старой шутке.

На столе, среди вороха бумаг, осталась лежать распечатка с цитатой из Библии, которую любили приводить оппоненты Дворкина: «По плодам их узнаете их».

Плоды были гнилыми. И корни этого дерева уходили глубоко в отравленную почву политических интриг. Виктор Андреевич взял в руки секатор — в переносном смысле, конечно. Но его намерение подрезать эти корни было тверже стали.

Он набрал сообщение «Касперу»: *«Посылка получена. Содержимое токсично. Ищи данные по школам. Мне нужны факты внедрения "уроков сектоведения". Я знаю, что они там есть».*

Ответ пришел мгновенно, всего один смайл. Виктор понял. «Каспер» тоже нашел что-то страшное.

Глава 7: Дети? Дети.

Видеозапись на экране ноутбука была зернистой, снятой, судя по ракурсу, на телефон с задней парты. На доске мелом было выведено: «Урок духовной безопасности». Перед классом расхаживал человек в строгом костюме, но без галстука — типичный образ «своего парня» для молодежной аудитории. Виктор Андреевич узнал его. Это был один из региональных координаторов РАЦИРС, чью фамилию он встречал в списках участников антикультовых конференций.

— Вы думаете, вы в безопасности? — голос лектора звучал вкрадчиво, с профессионально поставленными интонациями. — Вы думаете, что тот, кто сидит рядом с вами, — ваш друг? Секты не носят балахонов. Они выглядят как мы. Они слушают ту же музыку. Но внутри у них — программа на уничтожение.

Камера дрогнула, выхватив лица подростков. Девятый или десятый класс. В их глазах читалась смесь скуки и тревоги. Лектор продолжал, повышая голос:

— Вспомните Колумбайн. Вспомните Керчь. Эти ребята тоже казались обычными. Но их мозг был взломан. И знаете, кто их взломал? Те, кто ненавидит наши традиции. Те, кто хочет, чтобы вы стали рабами.

Виктор нажал на паузу. Стоп-кадр зафиксировал лицо лектора в момент экстатического напряжения.

Генерал откинулся в кресле, чувствуя, как по спине пробегает холодок, не имеющий отношения к сквозняку. Он просмотрел уже десяток подобных записей, добытых «Каспером». Официально это называлось «профилактикой экстремизма». На деле это выглядело как инструктаж по паранойе.

Вместо того чтобы учить детей критическому мышлению или эмпатии, эти «эксперты» методично вбивали в неокрепшие умы одну мысль: мир враждебен. Твой сосед может быть врагом. Твои увлечения могут быть ловушкой. Ты окружен.

— Вы не предотвращаете трагедии, — прошептал Виктор. — Вы разливаете бензин и даете детям спички, объясняя, как красиво они горят.

На столе перед ним лежала папка с пугающим названием: «Корреляция». Это был результат работы алгоритмов, запущенных «Каспером» по просьбе генерала. Задача была простой: наложить карту активности антикультовых организаций (лекции, круглые столы, медийные кампании) на карту всплеск подросткового насилия за последние пять лет.

Результат был статистически невозможным для случайности.

Там, где появлялись эмиссары Дворкина с лекциями о «деструктивных культах» и активностью в медиа, через некоторое время происходил всплеск. Наблюдался рост диагнозов «биполярное расстройство» и депрессий среди школьников. Затем — серия суицидов или странных, немотивированных нападений на улицах. И, даже — стрельба в школе или предотвращенная попытка теракта.

Виктор взял в руки распечатку с графиками. Это напоминало распространение вируса. Информационного вируса.

Он вспомнил термин из аналитической записки, присланной «Каспером»: **«Пазловое кодирование»**.

Звучало как научная фантастика, но генерал, прослуживший полжизни в разведке, знал, что самые страшные вещи часто прячутся за безобидными названиями. Суть метода была чудовищно проста и эффективна. Никто не гипнотизировал детей напрямую, раскачивая маятник перед глазами. Вместо этого создавался информационный фон.

Виктор подошел к пробковой доске, освободив место в центре для новой схемы. Он разделил процесс на этапы, как это описывалось в перехваченных методичках.

Подготовительная волна (Героизация). Генерал прикрепил к доске скриншоты статей из популярных пабликов. На первый взгляд, они осуждали школьных стрелков. Но как они это делали? «Одиноким волк, бросивший вызов системе». «Его никто не понимал, и он заставил всех себя услышать». Подробные биографии убийц. Их манифесты. Их фотографии в героических позах с оружием.

Антикультисты и подконтрольные им СМИ эксплуатировали базовый подростковый инстинкт — жажду славы. — Они показывают ребенку: смотри, ты никто, тебя гнобят в классе, девочки тебя не замечают, — рассуждал Виктор вслух. — Но стоит тебе взять дробовик, и о тебе заговорит весь мир. Твое лицо будет на обложках. Ты станешь богом.

Это была вкладка «Слава через насилие».

Направляющая волна. Здесь в игру вступали те самые «уроки безопасности». Лекторы РАЦИРС дегуманизировали людей и возводили насилие в новую нормальность. «Сектанты». «Либералы». «Агенты влияния». Враг обезличивался. Враг демонизировался. Подростку внушали, что он живет в осажденной крепости. Что насилие — это не преступление, а форма самообороны или даже священной войны.

Виктор нашел в записях лекций момент, где спикер говорил: «Иногда нужно взять меч, чтобы отсечь гнилую ветвь». Какую ветвь? Одноклассника, который слушает не ту музыку? Учителя, который поставил двойку? Для воспаленного сознания подростка, уже накачанного идеей собственной исключительности, это звучало как разрешение. Как индульгенция.

Активация (Триггер). Это был самый страшный этап. Финальная волна кодирования запускалась непосредственно в целевой школе или регионе. Это могла быть информация в статье. Или слух, пущенный в местном чате. Или даже визит очередного «эксперта» с особо жесткой риторикой.

В подсознании подростка, уже подготовленном предыдущими этапами, пазл складывался. «Я хочу славы» + «Меня окружают враги» + «Насилие — это выход» = «Я иду убивать».

Это была рыбалка. Генерал вспомнил сравнение из отчета: «Они забрасывают широкую сеть». Тысячи детей слушают эти лекции, читают материалы с внедренными в них вкладками. У сотен развивается тревожность и депрессия (отсюда рост биполярных расстройств). Десятки начинают интересоваться оружием. И один — тот самый, чья психика наиболее лабильна, — берет ружье.

Они не знают, кто именно это будет. Им и не нужно знать. Им нужна статистика. Им нужен инцидент.

Зачем?

Виктор сел за стол и достал папку с документами по законодательным инициативам. Каждый раз после громкого скулшутинга сценарий повторялся с пугающей точностью. Трагедия. Слезы. Цветы. А на следующий день на экранах появлялись «эксперты». И что они говорили? Они не говорили о том, что школу плохо охраняли. Они не говорили о буллинге. Они говорили: «Это влияние деструктивных культов», «Это интернет», «Это компьютерные игры», «Это аниме».

Генерал нашел стенограмму выступления антикультового представителя после одной из трагедий. *«Мы видим здесь явный след оккультного воздействия. Подросток был увлечен компьютерными играми, которые являются воротами в мир демонического...»*

— Вот оно, — Виктор ударил ладонью по столу. — Вы создаете проблему, чтобы продать решение.

Скулшутинг был для них топливом. Кровь детей конвертировалась в полномочия. После каждой стрельбы гайки закручивались. Требовали запретить «нетрадиционные» увлечения. Требовали ввести цензуру в интернете. Требовали дать представителям антикультовой сети больше денег на «профилактику». Это был идеальный бизнес-цикл. 1. Провести «профилактику», которая сводит детей с ума. 2. Дождаться трагедии. 3. Обвинить в ней выгодный объект (игры, интернет, западную культуру). 4. Получить бюджет на новую «профилактику».

Виктор почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он видел много грязи в своей жизни. Он видел, как люди продают родину, друзей, совесть. Но продавать смерть детей оптом и в розницу — это был новый уровень зла.

Он открыл файл, касающийся событий в Праге. Карлов университет. Декабрь 2023 года. Стрелок — студент Карлова университета Давид Козак. Виктор вчитался в детали. Карлов университет — это не просто вуз. Это один из старейших и наиболее авторитетных университетов Европы, но именно там базировались ключевые фигуры чешского антикультизма.

Случайность? Виктор не верил в случайности такого масштаба. Студент исторического факультета. Тихий, незаметный. И вдруг — бойня. Чешская полиция указывала, что нападавший интересовался предыдущими массовыми убийствами и потреблял онлайн-контент, связанный с насилием, однако мотивы нападения до конца так и не были сведены к одной идеологической причине.

Виктор нашел информацию о том, что в университете активно насаждалась атмосфера нетерпимости к «инакомыслию» под видом борьбы за демократические ценности.

Методика была та же, что и в России, только под другим идеологическим соусом. В России пугали «сектами и Госдепом». В Чехии — «русскими шпионами и тоталитарными культами». Но результат был один: расшатанная психика, паранойя, агрессия.

Генерал вернулся к российским реалиям. Он достал фотографию Владислава Рослякова, «керченского стрелка». Парень в футболке с надписью «НЕНАВИСТЬ». Откуда эта ненависть? СМИ писали: «Он был замкнутым».

Но Виктор смотрел глубже. Он смотрел на информационное поле Керчи того периода. Риторика страха, образ врага, разговоры о “пятой колонне” и “угрозах изнутри” были частью повседневного фона. Подросток, живущий в такой атмосфере, впитывает её как губка. Когда мир постоянно описывают как войну, уязвимый ум начинает искать оружие — не как цель, а как ответ.

Виктор обратил внимание на еще один аспект — **«Биполярное расстройство»**. В документах, переданных «Каспером», была статистика из закрытых отчетов школьных психологов. В регионах, где активно работала антикультовая сеть, количество подростков с диагнозом БАР (биполярное аффективное расстройство) выросло. Психиатры разводили руками: «Эпидемия». Но Виктор понимал природу этой эпидемии. Это был когнитивный диссонанс. Ребенку говорят: «Будь добрым, люби ближнего». И тут же, к примеру: «Ближний — это сектант, его надо ненавидеть». Ребенку говорят: «Мы за духовность». И тут же показывают кровавые картинки «ритуальных убийств», якобы совершаемых сектантами. Психика не выдерживает. Она раскалывается. Начинаются качели: от эйфории («я избранный воин света») до глубокой депрессии («мир — дерьмо, выхода нет»).

И в фазе мании, или смешанного состояния, такой подросток становится идеальным исполнителем. Биороботом. Ему не нужен куратор с наушником в ухе. Ему достаточно «вкладки» в голове.

Генерал нашел в папке показания одного из выживших стрелков (не в России, а в США, где эта технология обкатывалась десятилетиями). *«Я не знаю, почему я это сделал. Мысль пришла внезапно. Она была как приказ. Я чувствовал, что должен прославиться. Что это единственный*

путь».

«Мысль пришла внезапно». Если проанализировать историю браузера этого парня, там наверняка найдутся статьи о «великих убийцах», поданные под соусом «аналитики». И статьи о том, как оружие дает власть.

Но самое циничное было в том, как система использовала эти трагедии для борьбы с конкурентами. Виктор взял лист бумаги и написал: **«Операция прикрытия: Аниме и Игры».**

После каждого расстрела начиналась охота на ведьм. «Запретить Доту!» «Запретить Наруто!» Это был гениальный отвлекающий маневр. Пока общество спорило о вреде японских мультиков, настоящие виновники — те, кто накачивал информационное пространство ненавистью и внедрял вкладки, — оставались в тени. Более того, они выступали в роли спасителей.

Виктор нашел региональную историю, где после суицида школьницы публичное обсуждение быстро свелось к поиску «удобного виноватого» — и в качестве такого «виноватого» медийно назначили человека из внешнего круга, например преподавателя практик «саморазвития». Фигуранта начали описывать языком «сектантского следа» — как будто это объясняет всё.

А семейное неблагополучие, насилие дома, травля в школе — если они и были частью картины, — оказывались на втором плане: не потому, что их не существует, а потому что они сложнее для публичного разговора. «Сектантский след» был удобнее.

Генерал встал и подошел к окну. Мимо проехал желтый школьный автобус. Виктор смотрел на него с тяжелым сердцем. В этом автобусе ехали дети, которые, возможно, прямо сейчас листали ленту в телефоне и натыкались на «вкладки». Картинка с героем боевика. Статья о том, как круто быть сильным и беспощадным. Пост о том, что вокруг враги. Пазл складывался. Кусочек за кусочком.

— Мы воевали с террористами в горах, — тихо сказал Виктор. — А вы растите террористов из наших детей.

Он вернулся к столу. В переписке одного из региональных кураторов РАЦИРС с директором школы было письмо, датированное за месяц до инцидента с поножовщиной в этой самой школе.

«Уважаемая Елена Николаевна! Направляем вам методические материалы для проведения классных часов. Настоятельно рекомендуем сделать акцент на опасности скрытого влияния через молодежные субкультуры. Прилагаем видеоролик “Скрытая угроза”. Просим обеспечить 100% явку учащихся старших классов».

Виктор открыл приложенный файл. Видеоролик. Это был шедевр манипуляции. Тревожная музыка. Быстрая нарезка кадров: теракты, взрывы, лица фанатиков. И закадровый голос: «Они уже здесь. Они хотят забрать твою душу. Ты должен быть готов дать отпор. Не будь жертвой. Будь воином».

Это был призыв к насилию. Завуалированный под предупреждение, но считаваемый подсознанием однозначно: «Бей первым».

Генерал сохранил файл на отдельную флешку. Это была улика. Прямая связь между «профилактикой» и агрессией. Директор школы, вероятно, даже не смотрела этот ролик. Ей спустили разнарядку сверху, она выполнила. «Для галочки». А у какого-то парня в восьмом ряду, которого вчера побили в туалете, этот ролик стал последней каплей. Он услышал: «Не будь жертвой. Будь воином». И принес в школу нож.

Виктор закрыл ноутбук. Ему казалось, что экран излучает радиацию. Он понял, почему Игнатьев так боялся этих людей. Игнатьев хотел продлить жизнь. А эти люди строили культ смерти.

В дверь позвонили. Виктор вздрогнул, рука привычно потянулась к ящику с пистолетом. Но звонок был коротким, нетерпеливым. Он подошел к двери, посмотрел в глазок и скрытый монитор, который показывал три камеры из подъезда и две снаружи дома. На пороге стояла женщина. Молодая, лет тридцати, с заплаканным лицом. В руках она сжимала какую-то тетрадь. Виктор не знал её. Но он знал этот взгляд. Взгляд человека, который потерял всё и ищет ответы.

Он открыл дверь.

— Вы Виктор Андреевич? — спросила она дрожащим голосом. — Мне дал ваш адрес журналист... Стас. Он сказал, вы можете помочь.

— Чем? — сухо спросил генерал, не убирая руку с дверного косяка.

— Моего сына обвиняют в подготовке стрельбы, — она протянула ему тетрадь. — Но это не он! Он просто рисовал. А они... они нашли у него эти брошюры.

— Какие брошюры?

— Те, что раздавали в школе. На уроке безопасности.

Виктор взял тетрадь. Это был обычный школьный дневник. Но между страниц были вложены листовки. Яркие, глянцевые. «Как распознать врага». «Оружие духовной защиты».

Генерал посмотрел на женщину.

— Проходите, — сказал он, отступая в сторону. — Рассказывайте.

Когда она вошла и села на край дивана, Виктор открыл одну из листовок. Текст был написан языком ненависти. «Если ты видишь, что твой друг изменился... Если он стал скрытным... Сообщи нам. Спаси его душу». И ниже — телефон горячей линии антикультовой организации.

— Он нашел эту листовку у себя в рюкзаке, — всхлипнула женщина. — И начал читать их сайт. Он стал бояться выходить из дома. Говорил, что за ним следят сектанты. А потом... потом он принес в школу перочинный нож. Сказал, для самообороны. Его задержали. Теперь шьют терроризм. А следовательно говорит: «Скажите спасибо экспертам, они вовремя сигнал дали».

— Каким экспертам? — спросил Виктор, уже зная ответ. — Тем, кто эти листовки принес. Они же и написали заключение, что мой сын — потенциальный экстремист.

Круг замкнулся. Они дали ребенку яд. Дождались, пока он подействует. А потом пришли, чтобы «обезвредить» его и получить медаль.

Виктор положил руку на плечо женщины. Она вздрогнула, но не отстранилась.

— Мы постараемся вытащить вашего сына, — твердо сказал он. — Но мне нужна эта тетрадь. И все, что он читал.

Генерал подошел к окну. Солнце уже заливало двор, но для него мир оставался черно-белым. Теперь у него был свидетель. Живой свидетель того, как «код доступа» взламывает семью. Это была война не за территории и не за ресурсы. Это была война за детей. И противник использовал запрещенные приемы.

Виктор посмотрел на схему на стене. Красные нити тянулись от портрета Дворкина к фотографиям школ.

— Вы перешли черту, Александр Леонидович, — прошептал он. — Детей я вам не прощу.

Ему предстояло погрузиться в историю. Туда, где корни антикультовой идеологии переплетались с корнями нацизма. Ведь идея «очищения расы» и идея «очищения духа» от неправильных элементов всегда шли рука об руку. Но сейчас он должен был спасти одного конкретного мальчика, который просто хотел защититься от выдуманных монстров, созданных взрослыми дядями с учеными степенями.

Виктор набрал номер Семена Ильича, своего знакомого адвоката.

— Сеня, просыпайся. Есть работа. Мальчик, 14 лет. Статья — терроризм. Заказчики — наши старые друзья. Да, те самые. Бери такси, адрес скину.

Он положил трубку и вернулся к женщине.

— Чай будете? — спросил он, впервые за долгое время улыбнувшись. Улыбка вышла кривой, но искренней. — У меня есть хороший, крепкий. Как раз для таких разговоров.

Глава 8: Тени прошлого

Ночь за окном казалась гуще, чем обычно. Она давила на стекла, словно пытаясь проникнуть внутрь квартиры, где на столе под светом единственной лампы лежали документы, от которых веяло могильным холодом. Виктор Андреевич, генерал-лейтенант, прошедший горячие точки и видевший смерть во всех её проявлениях, впервые за долгие годы почувствовал тошноту. Не физическую, а экзистенциальную. Тошноту от соприкосновения с абсолютным, дистиллированным злом, которое, как он думал, было похоронено в сорок пятом году под руинами Берлина.

Но зло не умерло. Оно просто сменило прописку, язык и вывеску.

Перед ним лежала папка, которую «Каспер» передал с пометкой: «Не для слабонервных. Исходный код». Это были не финансовые отчеты и не схемы медийных вбросов. Это была история болезни. Генеалогическое древо ненависти.

Виктор надел очки, хотя буквы расплывались не от плохого зрения, а от усталости. Он взял верхний лист — перевод архивного документа, датированного 1933 годом.

«Докладная записка пастора Вальтера Кюннета руководству Рейхской церкви».

Имя Вальтера Кюннета ничего не говорило Виктору еще вчера. Сегодня оно жгло глаза. Протестантский теолог. Уважаемый богослов. Человек, который должен был говорить о любви к ближнему. Вместо этого он писал: *«Гестапо выразило большой интерес к архиву сект Апологетического центра и к нашей работе против свободомыслия... Гестапо выразило желание в будущем возглавить борьбу с нелегальным свободомыслием совместно с Апологетическим центром. Обмен материалами уже начался».*

Виктор снял очки и потер переносицу.

— Значит, вы не просто сотрудничали, — прошептал он в тишину комнаты. — Вы их учили.

Он начал погружаться в этот омут, слой за слоем снимая историческую пыль. 1921 год. Германия живет в послевоенной травме и унижении Версальского мира; в обществе бродят реваншистские настроения. На этом фоне — и на фоне бурных «мировоззренческих» и религиозных споров — в Берлине создается «Апологетический центр» (Apologetische Centrale), учреждённый структурами немецкой протестантской церкви.

Официальная цель: защита веры. Реальная деятельность: составление списков врагов.

Виктор представил себе этих аккуратных немецких клерков в сюртуках, сидящих в тихих кабинетах. Они не носили свастику. Они носили кресты. Они методично, с немецкой педантичностью заводили карточки. На кого? На всех. Теософы, антропософы, адвентисты, пацифисты, масоны, марксисты. Любая группа, которая мыслила иначе, чем предписывала догма, попадала в картотеку под грифом «Секта».

Генерал провел параллель с современностью. РАЦИРС. Центр Иринея Лионского. Те же списки. Те же картотеки. Те же ярлыки. Только тогда это делалось на бумаге и печатных машинках, а сейчас — на серверах.

Но самое страшное началось в 1933 году. К власти пришли нацисты. У них была сила, была жестокость, но не было методологии. Они знали, *кого* они ненавидят (евреев), но не знали, как *научно* обосновать репрессии против всех остальных групп инакомыслящих. И тут на сцену вышел Вальтер Кюннет. Он пришел к Гиммлеру и Гейдриху не с пустыми руками. Он принес им «технологию».

Виктор взял следующий документ. Это был анализ историка Хорста Юнгингера. Согласно Юнгингеру, если в 1931 году данные собирались примерно по 150 религиозным и нерелигиозным мировоззренческим объединениям, то к 1936 году архивные списки фиксировали около 500 групп, считавшихся «опасными».

Апологетический центр не был «витриной» — он работал как узел сбора сведений: обращался за помощью к тайной государственной полиции и, наоборот, передавал государственным структурам материалы для преследования движений, объявленных угрозой. Богословы и чиновники говорили о противниках не только как о политической проблеме, но и как о «заразе», «болезни», «вредителях» — языке, который облегчает расчеловечивание.

Виктор нашёл в церковно-политических текстах начала 1930-х знакомую биологическую метафорику — про «инородное тело» и «организм нации» — и вздрогнул: он слышал подобные обороты и в куда более поздних спорах.

Виктор вернулся к папке и достал копию документа, опубликованного в нюрнбергских корпусах: директиву, связанную со структурами безопасности Рейха. Он читал сухие строки приказа — о ликвидации нежелательных объединений и изъятии материалов — и перед глазами вставали картины облав.

Генерал вспомнил разгромленную лабораторию Игнатьева. Изъятые серверы. Конфискованные журналы. Опечатанное оборудование. Гейдрих писал: *«Лица... подлежат аресту... В каждом случае они должны быть отправлены в концлагерь»*. Сегодня их не отправляют в концлагерь сразу. Их отправляют в СИЗО. Или доводят до инфаркта, как профессора. Или лишают средств к существованию. Но алгоритм остался прежним. 1. Выявление (через доносы «сектоведов»). 2. Внесудебная расправа (ликвидация организации). 3. Конфискация имущества. 4. Изоляция лидеров.

— Вы ничего не придумали, — зло прошептал Виктор. — Вы просто сдули пыль с методички Третьего рейха.

Он перевернул страницу. Там была схема преемственности. Обычно, когда говорят о нацизме, вспоминают СС, концлагеря, газовые камеры. Исполнителей. Их судили в Нюрнберге. Их вешали. Но идеологи... Идеологи остались в тени. Вальтер Кюннет не был повешен. После войны он продолжил свою карьеру. Он стал уважаемым профессором, деканом. Почему? Потому что он «просто изучал секты». Он «просто писал доклады». Он не нажимал на курок. Он просто указывал цель.

И он передал свои знания. Виктор проследил пальцем линию на схеме. **Вальтер Кюннет -> Фридрих Вильгельм Хаак.** Хаак, пастор из Баварии. В 1969 году он стал штатным уполномоченным по вопросам «сект и мировоззрений» Евангелическо-лютеранской церкви в Баварии. В той самой Баварии, которая в ранний период была одним из центров нацистского движения. Хаак учился в богословских центрах, включая Нюрнберг (в составе университета Эрланген—Нюрнберг), а Кюннет после войны преподавал богословие в Эрлангене. Это была прямая передача эстафеты. Учитель — ученику. Хаак возродил риторику. *«Мы не имеем права позволять "остальным" продолжать пребывать в своей вере»*.

Фридрих Вильгельм Хаак -> Йоханнес Огорд. Датский профессор, создатель «Диалог-центра». Человек, который вывел антикультизм на международный уровень.

Йоханнес Огорд -> Александр Дворкин. Виктор посмотрел на фотографию молодого Дворкина рядом с Огордом. Они улыбались. Дворкин называл Огорда своим учителем. Он гордился этим знакомством. Он привез в Россию не просто «западный опыт». Он привез вирус, выращенный в лабораториях Третьего Рейха, законсервированный в годы Холодной войны и теперь выпущенный на свободу в стране, победившей фашизм.

Какая чудовищная ирония. Внуки солдат, бравших Берлин, теперь слушают лекции человека, который учился у учеников нацистских преступников. И этот человек учит их «патриотизму».

Виктор почувствовал, как дрожь в левой руке перерастает в крупную тряску. Он сжал кулак, пытаясь унять тело, но разум бунтовал сильнее. Он вспомнил термин **«Стигматизация»**. В нацистской Германии евреев заставляли носить желтые звезды. Это был маркер. Знак «недочеловека». Но до звезд были слова. Сначала их называли «инородным телом». Потом «паразитами». Потом лишили гражданских прав. Сегодня роль «желтой звезды» выполняет слово «сектант». Оно не юридическое. Его нет в Конституции. Но оно работает так же. Как только на человека вешают этот ярлык, он перестает быть гражданином. Его можно уволить. У него можно отобрать детей. Его можно посадить. Общество не будет его защищать. Общество скажет: «Так ему и надо, он же сектант».

Виктор нашел в материалах упоминание еще одного персонажа. Ланц фон Либенфельс — **австрийский расовый публицист и оккультист**, один из ранних идеологов ариософии и издатель журнала *Ostara*. Либенфельс писал о расовой «гигиене» и продвигал идеи стерилизации и даже принудительной кастрации для тех, кого он объявлял «низшими» и «неполноценными», называя жалость слабостью. Современные антикультисты не говорят о кастрации. Они говорят о «депрограммировании». О «лечении». Но опасный механизм похож: когда человека объявляют «болезнью», «дефектом» или «поломкой», появляется соблазн оправдать принуждение как «терапию» — вторжение в душу скальпелем идеологии.

Генерал посмотрел на карту Европы, висящую на стене. Германия. Франция. Россия. Сербия. Везде, где действовали эти «центры», вспыхивала ненависть. В Югославии в 90-е годы антикультисты тоже составляли списки. Капитан полиции Зоран Лукович, коллега Дворкина, использовал те же методы для разжигания этнических чисток. Это был интернационал палачей.

Виктор взял ручку и начал писать: *«РАЦИРС и современная антикультивая сеть являются не религиозными и не общественными организациями. Это идеологические наследники структур СД и Гестапо, адаптировавшие нацистские методы социального контроля к современным условиям. Их цель — создание тоталитарного общества через механизм сегрегации и дегуманизации групп населения»*.

Он отложил ручку. Написанное выглядело как приговор. Но кто его исполнит? Суды? Суды слушают «экспертов». Власть? Власть использует эти структуры как удобный инструмент.

Виктор вспомнил книгу Стефани Штайнбах «Распознать, учесть, подавить: исследование «врагов» в Службе безопасности СС» (Stefanie Steinbach, *Erkennen, erfassen, bekämpfen. Gegnerforschung im*

Sicherheitsdienst der SS, Берлин, 2018). Там описывалось, как СД жаловалась на нехватку кадров и низкую квалификацию, и как внутри аппарата росла зависимость от «практиков», которые учились на ходу. Виктор увидел в этом опасную современную рифму: когда поле объявляют «угрозой», а профессиональные стандарты подменяют идеологической спешкой. У Дворкина нет профильного образования в области психологии или социологии. Его «эксперты» — самоучки. Они учатся «в процессе работы». На живых людях. Они экспериментируют. Игнатьев был для них лабораторной мышью. Они проверяли: сработает или нет? Если мы назовем ученого сектантом, общество проглотит? Общество проглотило.

Он подозревал, что некоторые решения принимаются «по наитию» — и что люди становятся объектами не исследования, а проверки общественной реакции. *Если мы назовем ученого сектантом, общество проглотит?* И общество проглотило — по крайней мере, на время.

Генерал достал из ящика стола наградной пистолет. Просто поддержать. Ощущение холодной стали возвращало чувство реальности. Он воевал с врагами, которые стреляли в него. Это было честно. Но как воевать с врагом, который сидит в голове? Нацизм — это не форма черепа. Это состояние ума. Это уверенность в том, что есть «мы» — правильные, чистые, традиционные. И есть «они» — неправильные, грязные, опасные. И что с «ними» можно делать всё, что угодно.

Виктор понял, почему его расследование так пугало его самого. Он искал коррупцию. А нашел фашизм. Обыкновенный фашизм, как в том старом советском фильме. Фашизм в костюмах от Brioni, с айфонами и депутатскими мандатами. Фашизм, который цитирует Евангелие и Конституцию, извращая их смысл до неузнаваемости.

Свидетельство о том, как нацисты уничтожали не только евреев: Рома — как минимум 250 тысяч, возможно до 500 тысяч; людей с инвалидностью — 250–300 тысяч (включая как минимум 10 тысяч детей); советских военнопленных — около 3,3 миллиона; нееврейских этнических поляков — около 1,8 миллиона; мужчин, обвинённых в гомосексуальности, — «сотни, возможно тысячи». И ещё — тысячи и десятки тысяч тех, кто попадал в жернова по «политическим», «асоциальным», «религиозным» категориям: например, Свидетели Иеговы — около 1 700 убитых или казнённых. Они были в списках Кюннета. Они были для него «биомусором».

Сегодня списки Дворкина включают: Пятидесятников. Кришнаитов. Мормонов. Сайентологов. Психологов. Врачей-натуропатов. Педагогов-новаторов. Родителей, обучающих детей дома.

Список растёт. Аппетит приходит во время еды. Если сегодня мы позволим им уничтожить «секты», завтра они придут за теми, кто слушает не ту музыку. Послезавтра — за теми, кто читает не те книги. И в конце останется только одна серая, марширующая масса.

Четвертый Рейх. Без Гитлера, но с Дворкиным.

Виктор закрыл папку. Он чувствовал себя археологом, который вскрыл гробницу и выпустил наружу древнюю чуму. Но закрывать гробницу было поздно. Вирус уже был в воздухе.

Генерал подошел к стене, где висела схема. Он взял черный маркер и жирно перечеркнул линию, соединяющую Дворкина с современной Россией. Затем он провел линию назад. В 1933 год. К портрету Вальтера Кюннета.

— Ты не патриот, Саша, — сказал он фотографии Дворкина. — Ты коллаборационист. Ты работаешь на мертвецов.

Виктор знал, что это знание опасно. Оно было токсичнее полония. Если он опубликует эти документы, его назовут сумасшедшим. Скажут, что он оскорбляет чувства верующих, сравнивая церковного деятеля с нацистом. Система будет защищаться. Но у него не было выбора. Он вспомнил глаза матери того мальчика, которого обвинили в терроризме. Ее сына хотели перемолоть те же жернова, что мололи детей в Освенциме. Только теперь жернова были виртуальными.

Виктор сел в кресло и закрыл глаза. Перед ним стоял образ Игнатьева. Профессор был прав. Он боролся со смертью. А они были агентами смерти. Нацизм — это культ смерти. Культ уничтожения. Продление жизни, развитие, наука — всё это для них враждебно, потому что свободный, долго живущий, здоровый человек не нужен тоталитарной системе. Ей нужен винтик. Короткоживущий, послушный, боящийся винтик.

Генерал открыл глаза. Взгляд упал на старые часы на стене. Тик-так. Тик-так. Время шло. Но теперь он знал, с чем имеет дело. Это была не коррупционная схема. Это была война цивилизаций. Война между будущим и прошлым. И прошлое, вооруженное методичками Гестапо, пока выигрывало.

Виктор достал сигарету, хотя врачи запретили ему курить еще пять лет назад. Он чиркнул зажигалкой. Огонек осветил его лицо — жесткое, изрезанное морщинами, похожее на карту боевых действий.

Он взял телефон и набрал сообщение «Касперу». *«Архив принят. Диагноз подтвержден: коричневая чума, штамм мутировавший. Начинаем терапию. Мне нужны данные по их связям с современными ультраправыми в Европе. Я знаю, что они есть. Нацисты всегда держатся вместе».*

Виктор затушил сигарету о край пепельницы. В комнате пахло табаком и старой бумагой. Запахом войны. Он был готов. Теперь он видел врага без маски. И под маской благообразного профессора скалился череп с

фуражки офицера СС.

Глава 9: Балканский сценарий

Карта на стене кабинета Виктора Андреевича напоминала теперь схему расследования экономического преступления или аналитику связей шпионской группировки. Красные нити, тянувшиеся от Москвы к Парижу, теперь устремились на юг и юго-запад. Генерал стоял перед картой, сжимая в руке стакан с остывшим чаем, и смотрел на два региона, обведенных жирным маркером: Балканы и Украина.

В его голове, привыкшей к четким причинно-следственным связям, долго не укладывался один факт. Зачем «сектоведам» лезть в большую геополитику? Казалось бы, их удел — кошмарить йога-центры и судиться с кришнаитами. Но документы, полученные «Каспером» из закрытых архивов сербской военной разведки и перехваченной переписки украинских епархий, говорили об обратном.

Эти люди не просто следовали за танками. Они прокладывали им путь.

Виктор подошел к столу и включил настольную лампу. Свет упал на папку с заголовком «Белградский диалог». Это было название журнала, но для генерала оно звучало как шифр операции.

— Сценарий один и тот же, — пробормотал он, перекладывая листы. — Меняются только флаги и названия «врагов». Методичка остается прежней.

Он начал погружаться в события тридцатилетней давности. Югославия, начало девяностых. Время, когда цветущая страна превратилась в бойню. Историки винили в этом национализм, экономический кризис, вмешательство Запада. Но Виктор, читая переводы сербских документов, видел другую пружину, скрытую от глаз обывателя.

Психиатрия на службе геноцида

Центральной фигурой в «балканском досье» был не политик и не генерал, а врач. В ряде источников, посвящённых сербскому антикультовому движению, фигурирует полковник Братислав Петрович — нейропсихиатр, связанный с Военно-медицинской академией в Белграде и выступавший против религиозных меньшинств, которых он относил к «сектам».

Виктор вчитывался в биографию этого человека. Уважаемый специалист, человек науки. И одновременно — ярый борец с «сектами».

Он использовал язык «психической угрозы» и «защиты общества», который легко превращает религиозные различия в вопрос безопасности.

— Ты подменил понятия, полковник, — тихо сказал Виктор.

Офицеру, который еще вчера пил кофе с соседом-мусульманином, на политинформации объясняли: «Твой сосед — не человек. Он носитель вируса. Если ты не убьешь его, он превратит твоих детей в зомби».

Это была технология расчеловечивания, доведенная до абсолюта. Виктор нашел цитату из книги сербского историка Милорада Томанича: обществу трудно «объяснить» переход от мирной жизни к убийству — для этого требуется выстроенная идеология. Идеологию дали. Они объяснили убийцам, что те совершают богоугодное дело.

Что Сребреница — это не резня, а «санитарная обработка».

Но самое интересное для Виктора крылось в связях. В редакционный совет журнала «Белградский диалог» в середине 90-х годов, входили не только сербские радикалы. Там, черным по белому, значились фамилии: Йоханнес Огорд и Александр Дворкин.

Генерал откинулся в кресле.

— Значит, вы были там, Александр Леонидович.

Виктор понял, что Югославия была полигоном. Там, на руинах Сараево и Вуковара, обкатывалась модель превращения политического конфликта в религиозную войну. Там тестировалась эффективность ярлыка «секта» как маркера для наведения артиллерии.

Украинский гамбит

Виктор открыл вторую часть досье. Украина. Здесь работа велась тоньше, но масштабнее. Агентурная сеть РАЦИРС начала плести свою паутину задолго до Майдана и Крыма. Еще в начале нулевых, когда о войне никто и помыслить не мог, в украинских епархиях начали появляться странные «миссионерские отделы».

Генерал изучал структуру этой сети. Она была децентрализованной, ячеистой. Формально — независимые общественные организации, центры помощи семье, родительские комитеты. Реально — единый организм, управляемый из Москвы.

Их задача была не в проповеди Евангелия. Их задача была в саботаже.

Виктор нашел документ, датированный 2012 годом. Инструкция для «работы с масс-медиа», разосланная по украинским приходам. *«Сосредоточиться на публикации разоблачительных материалов, которые бы помогли закрепить негативный образ сектантских групп... Особое внимание обратить на адресность публицистики».*

— Вы готовили почву, — констатировал Виктор. — Вы минировали общественное сознание.

Агенты РАЦИРС методично вбивали клин между конфессиями. Любая попытка Украины сблизиться с Европой объявлялась «нашествием сект». Любой политик, не лояльный Москве, тут же получал клеймо «саентолога», «неопятидесятника» или «оккультиста».

Генерал вспомнил историю с «сектоборческими» законопроектами. 2004 год — перед Оранжевой революцией. 2013 год — перед Евромайданом. Каждый раз, когда политическая ситуация накалялась, в Верховной Раде вдруг всплывали законы о «психологической безопасности» и запрете «тоталитарных культов».

Украинский религиовед Людмила Филипович называла это «неуклюжей имитацией» и видела в этом «руку Москвы». Виктор видел в этом профессиональную работу антикультовой сети, использующей религиозный фактор как таран.

Он также нашел в материалах стенограмму выступления на конференции в Нижнем Новгороде еще 2001 года. Там, в кулуарах, один из идеологов «русского мира» откровенничал: *«Нужно, чтобы каждый депутат понял... если в его программе не будет слов «борьба с тоталитарными сектами», он не пройдет. ...Мы их наняли, понимаете. Они служащие наши».*

Это было признание своих амбиций и appetитов в вопросе влияния на государственную политику.

И там же, в той же стенограмме, была фраза, от которой у Виктора похолодело внутри: *«Двум человекам в любом городе вполне под силу узнать адреса, фамилии, имена, отчества, домашние адреса руководителей всех существующих сект... Чтобы каждый житель города знал их в лицо... И пусть дальше продолжают жить».*

«Пусть продолжают жить». Пока. Это был 2001 год. Сбор данных. Составление расстрельных списков. А в 2014-м, когда на Донбассе заговорили пушки, эти списки пошли в дело.

Священная война как технология

Виктор перешел к самому тяжелому разделу — событиям последних лет. Как превратить обычную войну за территории и ресурсы в «Священную войну»? Как объяснить солдату, что он должен стрелять в человека, который говорит на том же языке и ходит в похожую церковь?

Нужно объявить врага «сатанистом».

Генерал разложил перед собой скриншоты новостных лент. Сначала была «денацификация». Термин политический, понятный, но сухой. Потом, когда блицкриг не удался, риторика изменилась. На экранах появились Дворкин, Новопашин и их клоны. Зазвучало слово «десатанизация».

Виктор читал тексты проповедей и статей. *«Мы воюем не с украинцами, мы воюем с глобальным сатанизмом». «По ту сторону фронта — биороботы, зомбированные сектами».*

Враг лишался человеческого облика. Он становился сосудом зла. А сосуд зла не жалко разбить.

Генерал нашел отчет одного из полевых агентов РАЦИРС, работавшего на территориях. Документ был сухим, деловым. *«Проведен мониторинг религиозной ситуации. Выявлены адреса собраний неопятидесятников и свидетелей Иеговы. Литература изъята и уничтожена. Представители организаций задержаны. Проведена разъяснительная беседа с населением о деструктивном характере данных групп».*

«Разъяснительная беседа» в условиях военного времени — это дуло автомата. Виктор понимал, что стоит за этим. Это аресты. Это подвалы. Это пытки. Людей хватали за то, что они были в списках Дворкина.

— Вы превратили религиоведение в наводку для артиллерии, — прошептал Виктор.

Он вспомнил термин «Ген превосходства». Чтобы заставить нацию воевать, нужно внушить ей, что она исключительная. Что она — «Катехон», удерживающий мир от падения в бездну. А все остальные — либо враги, либо заблудшие, которых надо спасти силой. Антикультизм стал топливом для этого имперского реваншизма.

В стенограмме 2001 года была еще одна страшная фраза: *«Мы привыкли, что Россия большая... что у нас полно ядерных кнопок... Но у нас нет теперь таких людей, у которых хватит мужества, чтобы нажать эти кнопки. Народ измельчал духовно».*

Вот она, истинная цель. Им не нужна была духовность ради спасения душ. Им нужна была «духовность», которая позволит нажать на ядерную кнопку без дрожи в руках. Им нужны были фанатики. И они их

выращивали. Двадцать лет они выращивали поколение, для которого война — это священный долг, а жалость — это слабость.

Прокси-структура террора

Виктор подошел к окну. Ночной город казался мирным, но генерал знал, что это иллюзия. В тысячах квартир люди смотрели телевизор, где эксперты РАЦИРС рассказывали им о «кольце врагов». В школах детям показывали фильмы, приучая искать врагов среди друзей.

Генерал вернулся к схеме. Он провел жирную черную линию, соединяющую Белград 1995-го и Донбасс 2022-го...

РАЦИРС не был просто общественной организацией. Это была **прокси-структура**. Государству неудобно самому заниматься грязной работой по идеологической зачистке. Это вызывает вопросы у международных организаций (хотя FECRIS и так прикрывал их с тыла). Гораздо удобнее поручить это «общественникам». «Это не мы закрываем церкви, это возмущенные граждане требуют». «Это не мы сажаем пасторов, это эксперты нашли экстремизм».

Виктор нашел документ, подтверждающий финансирование. Деньги на эту деятельность шли через гранты, через фонды «поддержки культуры», через частных спонсоров, в том числе из того самого «Дивеевского братства» — теневой структуры олигархов и силовиков, уверовавших в свою богоизбранность.

— Вы создали частную военную компанию, — сформулировал Виктор. — Только воюете вы не пулями, а смыслами. ЧВК «Инквизиция».

И эта ЧВК действовала не только в России. Виктор посмотрел на раздел «Европа». Агенты влияния работали и там. Они использовали демократические институты, чтобы разрушать демократию изнутри. Они поддерживали ультраправых. Они разжигали ненависть к мигрантам (используя риторику о «исламских сектах»). Они расшатывали ситуацию везде, куда могли дотянуться.

Генерал вспомнил слова украинского эксперта: *«Текущую инициативу я рассматриваю как очередное проявление гибридной войны»*. Гибридная война — это когда ты не знаешь, откуда прилетит. То ли ракета, то ли статья в газете, то ли судебный иск. Дворкин и его команда были мастерами гибридной войны.

Точка невозврата

Виктор сел за стол и потер виски. Голова гудела от перенапряжения. Картина была полной. Нацистские корни (Кюннет). Балканская практика (Петрович). Российский масштаб (Дворкин). Украинская трагедия.

Это была машина по производству смерти. И она работала на полных оборотах. Игнатьев со своими сенолитами был для этой машины песчинкой. Он хотел дать людям жизнь. А машине нужны были люди, готовые умирать и убивать. Поэтому его раздавили. Не как конкурента по бизнесу, а как идеологического врага.

Генерал взял ручку и написал на чистом листе: «Вывод: Деятельность РАЦИРС содержит признаки преступлений против человечности. Разжигание ненависти, пособничество в геноциде, создание условий для ведения агрессивной войны».

Это было уже не для статьи журналиста Стаса. Это было для трибунала. Виктор понимал, что в нынешних условиях никакой суд в России не примет это к рассмотрению. Но времена меняются. И рукописи, как известно, не горят. Особенно если они оцифрованы и лежат на серверах в трех разных странах.

Внезапно экран ноутбука мигнул. Пришло сообщение от «Каспера». Вложение: аудиофайл. Подпись: *«Перехват разговора. Вчера. Один из кураторов с “земли” докладывает в Центр».*

Виктор надел наушники. Сквозь помехи пробился знакомый, уверенный голос. Не Дворкина, а одного из его замов. — ...да, списки по области отработаны. Там чисто. Теперь следующий регион. Нам нужны адреса всех, кто обучался за границей. Любые курсы, любые семинары. Подводим под статью об иноагентах и связи с нежелательными культурами. Пауза. Голос собеседника был глуше:

— А если там просто врачи? Или учителя?

— Какая разница? — голос куратора стал жестким. — Если учился там — значит, завербован. Нам не нужны умные. Нам нужны верные. Чистите всех. Чтобы ни одного сорняка не осталось.

Виктор сорвал наушники. «Нам не нужны умные. Нам нужны верные». Это был приговор. Приговор будущему страны. Они проводили селекцию наоборот. Отрицательный отбор. Они уничтожали интеллектуальный потенциал нации, оставляя только послушную, агрессивную массу.

Генерал посмотрел на фотографию Игнатьева, стоящую на столе.

— Прости, друг, — прошептал он. — Я думал, это просто коррупция. А это геноцид. Геноцид собственного народа.

Он встал, подошел к сейфу и достал оттуда папку, которую завел в самом начале. «АНАМНЕЗ». Теперь это название казалось слишком мягким. Он зачеркнул его и написал новое: **«ПАТОЛОГИЯ»**.

Виктор знал, что должен делать дальше. Он не мог остановить войну. Но он мог ударить по тем, кто подносит снаряды. По идеологам. По тем, кто сидит в уютных московских кабинетах, пьет хороший кофе и решает, кому жить, а кому умирать, прикрываясь цитатами из святых отцов.

Он вспомнил, что у Дворкина и его окружения есть слабое место. Их тщеславие. Их уверенность в собственной безнаказанности. Они думали, что они — пастухи, а народ — стадо. Но иногда в стаде появляется волкодав.

Виктор достал телефон. Ему нужно было встретиться с человеком, который знал эту систему изнутри, но молчал. Священником, который боялся собственной тени. Пришло время исповеди. Не генерала, а системы.

Он выключил свет в кабинете. Только красные линии на карте продолжали светиться в полумраке, как вены воспаленного организма.

Глава 10: Чужие среди своих

Дождь в Москве имеет свойство смывать не только пыль, но и иллюзии. Виктор Андреевич сидел в машине, припаркованной в одном из глухих переулков Замоскворечья, и смотрел, как дворники монотонно счищают воду со стекла. Ритмичный звук успокаивал, помогая упорядочить хаос в голове.

До сегодняшнего дня его расследование строилось на простой, как устав караульной службы, логике: есть внешняя угроза (сектантство), и есть структура, которая с ней борется (РАЦИРС), пусть и грязными методами. Но документы, касающиеся «Балканского следа» и нацистских корней методологии, заставили генерала усомниться в самой геометрии конфликта.

Что, если линия фронта проходит не между «церковью» и «сектами»? Что, если она проходит прямо по алтарю?

Человек, которого он ждал, опаздывал. Отец Николай (имя было изменено в переписке, и Виктор не был уверен, что оно настоящее) вышел на связь через цепочку старых знакомых. В сообщении было всего два предложения: «Вы ищете опухоль снаружи. Но метастазы уже в сердце».

Когда пассажирская дверь наконец открылась, в салон ворвался запах

ладана и сырой шерсти. Вошедший был стар, но не той благородной старостью, которую пишут на иконах. Это была старость загнанного зверя. Ряса была потертой, руки дрожали — не как у Виктора от болезни, а от нервного истощения.

— Не глушите мотор, — попросил священник, не глядя на генерала. — И печку, если можно. Кости ломит.

Виктор молча прибавил обороты климат-контроля.

— Вы принесли то, о чем писали?

Отец Николай достал из-за пазухи пухлый конверт.

— Здесь хроники нашей внутренней войны. Той, о которой не пишут в «Журнале Московской Патриархии». Вы думаете, Дворкин и его опричники защищают нас от внешних врагов? От кришнаитов, от протестантов? — Священник горько усмехнулся, обнажив желтые от дешевого табака зубы. — Это ширма. Их цель — мы. Те, кто внутри.

Виктор взял конверт, чувствуя его тяжесть.

— Объясните.

— Вы знаете, как работает иммунная система? — спросил отец Николай, глядя на запотевшее стекло. — Она уничтожает чужеродные клетки. Но иногда она сходит с ума и начинает атаковать собственные здоровые ткани. Это называется аутоиммунное заболевание. РАЦИРС — это волчанка Русской Церкви.

Священник начал рассказывать, и перед Виктором открылась картина, от которой веяло холодом 37-го года. Только вместо чекистов в кожанках здесь действовали «православные эксперты» в пиджаках.

— Они создали систему внутренней инквизиции, — голос отца Николая окреп, в нем зазвучали проповеднические нотки, но это была проповедь отчаяния. — Официально они — общественная организация. Но де-факто они стали Службой собственной безопасности Патриархии. Только следят они не за тем, чтобы епископы не воровали. Они следят за единомыслием.

Виктор вытащил из конверта первый документ. Это была копия доноса на священника из Поволжья. Текст был составлен грамотно, с использованием специфической терминологии. «Настоятель храма N проявляет излишнюю самостоятельность... В проповедях уклоняется от генеральной линии... Организовал библейский кружок без согласования с миссионерским отделом... Имеются признаки создания внутрицерковной секты».

— «Внутрицерковная секта», — прочитал Виктор. — Звучит как оксюморон.

— Это их любимое клеймо, — кивнул отец Николай. — Как только у священника появляется живая община, как только люди начинают ходить не просто «поставить свечку», а изучать Писание, любить друг друга, помогать — тут же появляется «эксперт». И говорит: «Это младостарчество. Это гуруизм. Это секта».

Виктор вспомнил дело отца Владимира Головина из Болгара. Священник, к которому ехали тысячи людей со всей страны. Его проповеди слушали миллионы в интернете. Он создал реабилитационный центр, помогал инвалидам. И что с ним сделали? Его уничтожили. Не каноническим судом за ересь. Его уничтожили медийно. Дворкин и Новопашин среди прочего выпустили серию статей и роликов, где обвинили популярного пастыря в создании «секты внутри церкви». Они высмеивали его методы, вырывали фразы из контекста, монтировали оскорбительные видео. И система сработала. Священника лишили сана. Общину разогнали.

— Это бизнес, — тихо сказал отец Николай. — Головин стал слишком независимым. Слишком влиятельным. А в тоталитарной системе не может быть двух центров силы.

Виктор перебирал бумаги. Среди них были свидетельства о травле отца Георгия Кочеткова. Это была классическая спецоперация по дискредитации. Священник-интеллектуал, переводчик, реформатор. Он пытался сделать богослужение понятным для людей, переводил тексты на русский язык. Вокруг него собралась интеллигенция. И тут же включился механизм подавления.

Виктор читал отчет об информационной кампании. Фальшивки, сляпанная на коленке, но растиражированная миллионными копиями. Анонимные листовки. Сайты-однодневки, поливающие грязью. И везде — ссылка на «мнение профессора Дворкина».

— Они не спорили с ним о богословии, — пояснил отец Николай. — Богословский спор требует ума. Они просто повесили ярлык: «Тоталитарная секта». И этого хватило. Людей отлучали от причастия только за то, что они поддерживали своего пастыря. Вы понимаете? В церкви, которая проповедует любовь, людей били по лицу прямо в храме, называя это «защитой православия».

— Но самое страшное не это, — священник потер грудь, словно ему не хватало воздуха. — Самое страшное — это симбиоз. Вы знаете, как они работают с полицией?

Виктор кивнул на папку.

— Читал про «убойный отдел».

— Это не анекдот, — серьезно сказал отец Николай. — Это трагедия. Когда расформировали УБОП и создали Центры «Э» (по борьбе с экстремизмом), оперативники оказались в вакууме. Им нужны были «палки». Им нужны были экстремисты. А где их взять в мирном городе Туле или Рязани? И тогда они пришли в миссионерские отделы. «Ребята, есть кто на примете?» И миссионеры, которые должны нести слово Божье, стали наводчиками. «Вот по этому адресу собираются пятидесятники. А вот здесь — кришнаиты. А вот этот наш батюшка что-то слишком много про мир говорит, проверьте его».

Виктор представил эту сцену. Кабинет епархиального управления. Иконы на стенах. И двое людей — один в рясе, другой в погонах — склонились над картой города, выбирая жертву.

— Слияние, — констатировал генерал. — Церковь стала департаментом полиции нравов.

— Хуже, — возразил отец Николай. — Она стала агентурной сетью. Вы слышали про агентов «Аббат», «Адамант», «Читатель»?

Виктор достал из своего портфеля распечатку из архива Митрохина и комиссии Якунина.

— Слышал.

— Это не прошлое, Виктор Андреевич. Это фундамент. Священник указал пальцем на цитату, выделенную маркером. «Мы 70 лет боролись с церковью... А вот теперь мы хотим, чтобы они нам устроили духовное возрождение». Слова Константина Харчева, председателя Совета по делам религий СССР. 1988 год.

— Вдумайтесь в эту фразу, — прошептал отец Николай. — Чекисты не проиграли. Они просто сменили тактику. Они поняли, что бороться с церковью снаружи — неэффективно. Гораздо эффективнее возглавить её изнутри. Наполнить её своими людьми, своими смыслами. Сделать её «фасадной организацией».

Виктор смотрел на дождь за окном. Пазл складывался с пугающей четкостью. В 90-е годы, когда рухнула идеология коммунизма, образовался вакуум. Люди потянулись в храмы. Это был шанс на настоящее возрождение. На то, что церковь станет совестью нации, независимой от государства. Но «кураторы» не могли этого допустить. Им не нужна была совесть. Им нужен был инструмент контроля. И они с радостью подхватили проект «Антисекта».

Дворкин, приехавший из Америки (бывший сотрудник радио «Свобода», что само по себе вызывало у Виктора профессиональный интерес),

воспользовался ситуацией. Он внедрял технологию, которая позволяла держать в страхе не только внешних, но и своих. Любой епископ, любой священник знал: если он дернется, если скажет что-то не то, завтра на сайте Дворкина появится статья: «Епископ N покровительствует сектам». И это конец карьеры.

— Это шантаж, — сказал Виктор.

— Это террор, — поправил священник. — Вы знаете про отца Олега Стеняева?

Виктор нашел нужный лист. Май 1995 года. Священник Олег Стеняев во дворе храма в Москве устраивает публичное сожжение книг: в огонь летят не порнография и не запрещённая экстремистская литература, а книги Льва Толстого, Николая Рериха, Владимира Соловьёва, Сергея Булгакова, Павла Флоренского и других авторов. И это показывают по телевидению.

— Средневековье в прямом эфире, — прокомментировал Виктор. — Зачем?

— Чтобы показать силу. Чтобы показать: теперь мы здесь власть. Мы решаем, что читать, а что жечь. Это была публичная казнь культуры. И сигнал всем остальным: бойтесь. Если хотите, я могу сделать ещё более «железобетонную» версию: с точным названием храма (если вы дадите, откуда у вас «в центре Москвы» и «чин очищения») и с максимально нейтральной подачей, чтобы текст был менее уязвим юридически.

Отец Николай замолчал, глядя на свои руки.

— Я ведь тоже боялся. Я молчал, когда травили Кочеткова. Я молчал, когда уничтожали Головина. Я думал: ну, они же перегибают палку, но в целом дело делают, защищают православие... А потом они пришли ко мне.

— К вам?

— В мой приход. У нас была школа для детей. Мы читали Льюиса, Толкиена. И вдруг — проверка. Миссионерский отдел. «Почему у вас в библиотеке “Гарри Поттер”? Это пропаганда оккультизма. Почему вы не проводите молебны о победе? Вы что, пацифист? Пацифизм — это ересь». Они написали отчет. Меня сняли с настоятельства. Отправили за штат. Теперь я никто.

Священник достал из кармана маленькую иконку, потертую до блеска.

— Они украли у нас церковь, Виктор Андреевич. Они превратили Дом Отца в казарму. И самое страшное — люди верят. Люди приходят в храм

не к Христу, а к политуку в рясе, который расскажет им, кого надо ненавидеть сегодня.

Виктор почувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Он всю жизнь служил государству, считая, что защищает порядок. Но этот порядок оказался гнилым. Система, которая использует веру как дубину, обречена.

— Скажите, — спросил генерал, — а есть те, кто сопротивляется? Внутри?

— Единицы. И они в подполье. Как в первые века христианства. Мы собираемся на квартирах. Мы боимся говорить по телефону. Мы — катакомбная церковь в официально православной стране. Парадокс, да?

Виктор вспомнил термин «прокси-структура». РАЦИРС — это прокси. Но прокси кого? ФСБ? Частично. Но есть еще и внешний контур.

— Вы знаете про их связи с Францией? С FECRIS?

Отец Николай кивнул.

— Конечно. Это их главный козырь. Когда мы пытаемся возразить, они говорят: «Это не мы придумали, это европейская практика. В Париже так делают». Это гениальная ловушка. Для патриотов они — борцы с Западом. А для либералов они прикрываются западными методичками. И те, и другие в тупике.

Священник вдруг схватил Виктора за рукав. Хватка была неожиданно сильной.

— Вы должны понять одну вещь. Они не верят в Бога. Дворкин, Новопашин, все эти «эксперты». Для них Бог — это просто объект охраны. Они охраняют периметр, но внутрь не заходят. Потому что если бы они зашли, они бы сгорели от стыда. Их бог — это власть. Власть над умами. Власть карать и миловать. Помните Великого Инквизитора у Достоевского? «Мы исправили Твой подвиг». Вот это про них. Они исправили христианство. Они убрали из него свободу и любовь, оставив только страх и подчинение.

Виктор аккуратно высвободил руку.

— Я понял вас, отче.

Он достал из бардачка блокнот.

— Мне нужны имена. Тех, кто пишет эти доносы. Тех, кто курирует это в Патриархии. И тех, кто в погонах дает им ход.

Отец Николай на секунду заколебался, потом вытащил из конверта сложенный вчетверо листок.

— Здесь схема. «Вертикаль страха». Кто кому звонит, кто кому платит.

— Платит?

— Конечно. Борьба с сектами — дело прибыльное. Гранты, пожертвования от испуганных бизнесменов («заплати, а то найдем у тебя в офисе фэн-шуй и закроем»), бюджетные деньги на «профилактику». Там, внизу списка, есть фамилия одного человека. Он был казначеем в нашем епархиальном отделе. Он вел двойную бухгалтерию. Если вы его прижмете, он сдаст всю финансовую цепочку.

Виктор взял список.

— Спасибо.

— Не за что меня благодарить, — священник отвернулся.

— Вы проводите экзорцизм. Изгоняете бесов, которые вселились в тело церкви, — твердо сказал Виктор.

Отец Николай открыл дверь. Холодный воздух ворвался в салон, смешиваясь с запахом ладана.

— Берегите себя, Виктор Андреевич. Они не прощают тех, кто видит их истинное лицо. РАЦИРС — это пародия на церковь. Злая, карикатурная, но очень опасная пародия.

Священник вышел под дождь и быстро пошел прочь, ссутулившись, стараясь стать незаметным. Через минуту его фигура растворилась в серой мгле переулка.

Виктор остался один. Он включил свет в салоне и развернул схему, переданную Николаем. В центре паутины стояла фамилия Дворкина. А от него шли стрелки к МВД, ФСБ, Минюсту и представителям Церкви.

Генерал понял, что масштаб инфильтрации гораздо больше, чем он предполагал. Это была не просто группа фанатиков, захватившая власть. Это было слияние институтов. Государство и «церковная спецслужба» срослись в единый организм, где рука руку моет.

Он вспомнил фразу из отчета: «Проекция». Антикультисты обвиняют секты в том, что те стремятся к власти, контролируют сознание адептов, собирают деньги и разрушают семьи. Но глядя на документы, лежащие на соседнем сиденье, Виктор видел, что именно этим занимается сама структура РАЦИРС. Они стремятся к власти. Они

контролируют сознание (через СМИ и страх). Они собирают деньги (через гранты и шантаж). Они разрушают семьи (натравливая детей на родителей под видом «спасения от сект»).

— Вы смотрите в зеркало и кричите от ужаса, — сказал Виктор. — Но видите в нем не себя, а выдуманного врага.

Он завел мотор. Ему нужно было ехать. В списке, который дал отец Николай, была одна фамилия, которая зацепила внимание генерала. Человек из аппарата Совета Федерации. Лоббист. Тот, кто протаскивал законы, написанные под диктовку Дворкина. Если удастся выйти на него, можно будет перекрыть кислород на законодательном уровне.

Но сначала нужно было разобраться с «казначеем». Деньги — это кровь системы. Если пустить кровь, монстр ослабнет.

Виктор выехал из переулка на набережную. Кремль сиял огнями сквозь пелену дождя. Красивый, величественный и недоступный. Где-то там, за зубчатыми стенами, сидели люди, которые верили, что управляют страной. Они не знали, что их «духовная опора» давно превратилась в труху, изъеденную антикультовыми термитами.

Генерал погладил руль здоровой рукой. Левая снова начала предательски дрожать.

— Ничего, — сказал он себе. — Паркинсон подождет.

На пассажирском сиденье завибрировал телефон. Пришло сообщение от Стаса, журналиста, которого Виктор завербовал в начале пути. Вложение: фотография. На фото был документ с печатью. «Заключение религиоведческой экспертизы». Объект исследования: «Научные труды профессора Игнатьева». Вывод: «Содержат признаки создания квазирелигиозного учения, направленного на подрыв традиционных ценностей путем обещания физического бессмертия».

Виктор усмехнулся. Они все-таки сделали это. Они официально объявили науку религией, чтобы иметь право ее запретить. Круг замкнулся. Теперь любой ученый, обещающий вылечить рак или продлить жизнь, мог быть объявлен ересиархом. Потому что «жизнь и смерть — в руках Божьих», а попытка вмешаться — это бунт.

Он нажал на газ. Машина рванула вперед, разрезая лужи. Впереди была долгая ночь, но теперь у него была карта минных полей. И он собирался пройти по ней, не подорвавшись.

Глава 11: Запретная наука

Серый бетонный забор промзоны на окраине Москвы ничем не отличался от тысяч таких же заборов, опоясывающих столицу кольцом уныния. Колючая проволока, камеры наблюдения, смотрящие в никуда, и вывеска «Складской комплекс “Логистик-М”». Идеальное прикрытие для того, что государство должно было бы носить на руках, но вместо этого загнало в подполье.

Виктор Андреевич припарковал машину в слепой зоне, как его учили тридцать лет назад. Левая рука сегодня дрожала сильнее обычного — утренний прием леводопы лишь слегка приглушил симптомы, но не убрал их. Паркинсон был терпеливым врагом. Он не штурмовал крепость, он подтачивал фундамент.

Генерал вышел под моросящий дождь, опираясь на трость. Здесь, среди ржавых контейнеров и запаха мазута, должна была находиться надежда. Или то, что от нее осталось после налета «православных активистов» и маски-шоу силовиков.

Дверь проходной открылась без скрипа. Охранник, молодой парень с цепким взглядом, молча кивнул и приложил магнитную карту к считывателю. Никаких вопросов. «Каспер» сработал чисто: Виктор был в списке «инвесторов».

Пройдя через длинный коридор и спустившись на грузовом лифте на минус второй этаж, генерал оказался в другом мире.

Контраст был физически ощутимым. Сверху давила серость, грязь и безнадежность. Здесь, внизу, царила стерильная, почти хирургическая чистота. Мягкий белый свет заливал пространство, разделенное стеклянными перегородками. Гудели серверные стойки, мигали индикаторы сложного оборудования, названия которого Виктор не знал. Люди в белых халатах двигались бесшумно и сосредоточенно.

Это не было похоже на логово сектантов, каким его рисовали в статьях Дворкина. Здесь не пахло благовониями, не висели портреты гуру. Здесь пахло озоном и будущим.

Навстречу ему вышла женщина лет сорока, с короткими темными волосами и уставшими глазами. Кира Сергеевна, бывшая правая рука профессора Игнатьева. Теперь она возглавляла то, что осталось от разгромленного института геронтологии.

— Виктор Андреевич? — она не протянула руку, заметив его тремор, а просто кивнула. — Спасибо, что приехали. Игнатьев говорил, что если станет совсем плохо, вы найдете дорогу.

— Стало плохо, — сухо ответил генерал. — Я видел его могилу. Теперь я хочу видеть то, за что его убили.

Кира провела его в свой кабинет — стеклянный куб в центре лаборатории. На столе не было бумаг, только несколько мониторов, на которых вращались сложные трехмерные модели молекул.

— Вы знаете, что это? — она указала на экран, где пульсировала синяя спираль.

— Выглядит как ДНК.

— Это ошибка в ДНК. Та самая, которая запускает процесс старения. Мы научились её исправлять. Не в теории, Виктор Андреевич. На мышцах мы получили продление жизни на 40%. На приматах — на 25% с полным сохранением когнитивных функций.

Она нажала клавишу, и картинка сменилась. Теперь на экране были графики.

— Сенолитики. Препараты, которые прицельно убивают старые, «зомби-клетки», отравляющие организм. Генная терапия, восстанавливающая теломеры. Нанороботы, способные чистить сосуды изнутри. Это не магия. Это инженерная задача. И мы её почти решили.

Виктор слушал, и в его голове, привыкшей к категориям угроз и рисков, начинала складываться новая картина. Он привык защищать страну от внешних врагов. Но что, если главный враг — это время? Ежегодно Россия теряет миллион человек. Не от войны. От старости, инсультов, рака. И вот сидит женщина, которая говорит, что этот миллион можно спасти. Что людей можно не хоронить в 60 или 70, а возвращать к активной жизни.

— Почему? — спросил он, глядя ей в глаза. — Почему вас объявили сектой? Я читал экспертизу. Там написано про «вторжение в божественный замысел» и «обещание физического бессмертия как признак психокульты».

Кира горько усмехнулась. Она подошла к кофемашине.

— Вам с сахаром?

— Черный.

— «Божественный замысел»... — она поставила чашку перед генералом. — Знаете, Виктор Андреевич, когда изобрели анестезию, церковь тоже была против. «В муках будешь рожать детей». Когда изобрели громоотвод, это называли вмешательством в волю Божью. Но сейчас причина не в теологии. Причина в контроле.

Она села напротив и сцепила пальцы в замок.

— Представьте себе человека, который знает, что будет жить 120 или 150 лет. И не просто доживать оwoщем, а быть молодым, сильным, с ясным умом. Как таким человеком управлять? Его нельзя запугать пенсией — он сам зарабатывает. Его нельзя послать на бессмысленную войну — он слишком ценит свое время. Ему нельзя продать «светлое будущее в загробном мире» в обмен на покорность здесь и сейчас. Долгоживущий человек — это свободный человек. Он планирует на полвека вперед. Он не голосует за популистов, обещающих подачку завтра. Он инвестирует в образование, в экологию, в космос.

Виктор кивнул. Логика была железной. Тоталитарная система держится на коротком горизонте планирования. «Умри ты сегодня, а я завтра». Человек-однодневка удобен. Им можно заткнуть амбразуру, его можно обмануть, его можно списать в утиль. Человек будущего для системы опасен.

— Игнатьев это понимал? — спросил генерал.

— Он был наивен. Он думал, что если принесет им лекарство от старости, они дадут ему Нобелевскую премию. А они прислали Дворкина.

Кира открыла на планшете файл и развернула его к Виктору.

— Посмотрите. Это «Список потерь». Мы ведем его сами. Это не только наш институт. Это ученые по всей стране, которых перемолола эта машина.

Виктор надел очки. Список был длинным.

Новосибирск, 2018 год. Лаборатория генетики. Закрыта после серии публикаций на сайте РАЦИРС. Обвинение: «Евгеника и попытка создания постчеловека». Руководитель уехал в Китай. Теперь его разработки патентуются в Шанхае.

Санкт-Петербург, 2020 год. Центр нейрокогнитивных исследований. Занимались интерфейсами «мозг-компьютер». Обвинение: «Электронный концлагерь и чипирование». Оборудование изъято и сгнило на складах вещдоков. Ведущие сотрудники — в Кремниевой долине.

Томск, 2022 год. Группа биохакеров-энтузиастов. Разрабатывали дешевые методы диагностики рака. Обвинение: «Незаконная медицинская деятельность и создание культа здоровья». Организатор получил условный срок, покончил с собой.

— Это погром, — тихо сказал Виктор. — Это интеллектуальный погром.

— Мы посчитали ущерб, — продолжила Кира. — Только прямой экономический ущерб от закрытия этих проектов — около тридцати миллиардов рублей в год. Но косвенный... Утечка мозгов. Лучшие уезжают. Не потому что там платят больше. А потому что там их не называют сатанистами за то, что они хотят лечить людей.

Она помолчала.

— Знаете, что самое смешное? Те, кто нас закрывает, сами пользуются западной медициной. Они ездят лечиться в Германию, в Израиль. Они не против технологий. Они против того, чтобы эти технологии были *здесь*. Чтобы они были доступны *нам*.

Виктор вспомнил досье на Дворкина. Гражданин США, проживший там полжизни. Человек, который пользуется айфоном, интернетом, летает на «Боингах». И при этом объявляет войну прогрессу в России. Это была не просто глупость. Это была диверсия. Стерилизация почвы, чтобы на ней ничего не росло, кроме бурьяна.

— А что насчет «психотронного оружия»? — спросил Виктор, вспомнив материалы из папки «Каспера». — В статьях антикультистов постоянно мелькает эта тема. Они обвиняют ученых в зомбировании.

Кира вздохнула и потерла виски.

— Это их любимый прием. Проекция. Они берут реальные научные термины и превращают их в страшилки или начинают использовать научные достижения в своих корыстных целях, академик Игорь Смирнов занимался психоэкологией и мы видим какие чудовищные последствия от применения этих наработок. Да, изучались методы воздействия на психику. Но это была наука. Попытка понять, как работает мозг, как лечить зависимости, как снимать ПТСР у солдат. Антикультисты взяли эти работы, извратили их суть и начали кричать: «Ученые делают зомби!». Хотя на самом деле зомби делают они.

Она встала и подошла к стеклянной стене, за которой лаборант манипулировал манипуляторами в герметичном боксе.

— Любая технология нейтральна, Виктор Андреевич. Нож может резать хлеб, а может убить. Психотехнологии могут лечить наркоманов, а могут превращать людей в фанатиков. Дворкин и его команда обвиняют нас в «промывке мозгов». Но посмотрите на их методы. Они используют язык вражды. Они создают черно-белую картину мира. Они внушают страх. Они подавляют критическое мышление. Это и есть классическое зомбирование. Они обвиняют нас в том, что делают сами. Только мы работаем с нейронами и генами, пытаюсь их починить. А они работают со смыслами, пытаюсь их сломать.

Виктор подошел к ней. За стеклом, в чашке Петри, происходило чудо.

Клетки делились. Жизнь побеждала смерть.

— У вас есть что-то готовое? — спросил он. — Не графики. Вещество.

Кира посмотрела на него долгим, оценивающим взглядом. Потом подошла к сейфу, встроенному в стену, приложила палец к сканеру. Дверца бесшумно отъехала. Внутри, в специальном контейнере с охлаждением, лежали ампулы. Синяя жидкость внутри них казалась светящейся.

— Это прототип, — сказала она. — Сенолитик третьего поколения. «Хронос-3». Он не просто убивает старые клетки. Он запускает регенерацию тканей. Мы планировали начать клинические испытания в прошлом году. Но нам аннулировали лицензию. Она достала одну ампулу и протянула Виктору.

— Возьмите. Это не наркотик, не яд. Это концентрированное время. Если ввести это мыши, она проживет на полгода дольше. Если человеку... мы рассчитывали на плюс двадцать лет активной жизни.

Виктор взял ампулу. Она была холодной. Двадцать лет. Он подумал о своей жене. Если бы это лекарство было десять лет назад... Он подумал о себе. О своей дрожащей руке.

— Это лечит Паркинсон?

— Это останавливает деградацию нейронов, — ответила Кира. — Это не панацея, Виктор Андреевич. Но это шанс. Шанс, который у нас украли.

Генерал спрятал ампулу во внутренний карман пиджака, ближе к сердцу.

— Я не ученый, Кира Сергеевна. Я солдат. И я вижу здесь поле боя. Они уничтожили вашу лабораторию наверху. Но вы ушли вниз. Вы сохранили ядро.

— Мы сохранили данные, — поправила она. — Но мы не можем работать в подполье вечно. Науке нужен воздух. Нужны публикации, конференции, обмен опытом. В изоляции наука умирает. Мы сейчас просто поддерживаем огонь, чтобы он не погас совсем. Но если ничего не изменится... через год-два мы уедем. Или нас посадят.

Виктор посмотрел на работающих людей за стеклом. Молодые, умные лица. Элита нации. Те, кто должен строить завтрашний день. А вместо этого они прячутся в подвале, как преступники, пока наверху бал правят мракобесы с методичками Гестапо.

— Вы не уедете, — твердо сказал он. — И вас не посадят.

— Откуда такая уверенность? У вас есть армия?

— У меня есть кое-что получше. У меня есть их страх.

Он вернулся к столу и взял флешку, которую Кира подготовила для него.

— Здесь всё?

— Полный архив. Результаты испытаний. Переписка с чиновниками, которые требовали взятки за закрытие дела. Имена экспертов, которые писали ложные заключения. И экономическое обоснование потерь. Там есть цифры, Виктор Андреевич, от которых у любого нормального государственника волосы встанут дыбом. Мы теряем не просто деньги. Мы теряем суверенитет. Страна, которая не имеет своих биотехнологий, через двадцать лет станет колонией. Биологической колонией тех, у кого эти технологии есть.

Это был последний аргумент. Самый сильный. Идеология идеологией, но инстинкт самосохранения у государства должен быть. Если Президент увидит, что «борцы с сектами» на самом деле разоружают страну перед лицом биологических угроз будущего, разговор будет коротким.

— Спасибо, — сказал Виктор. — Я знаю, как это использовать.

Он направился к выходу, но у дверей остановился.

— Кира Сергеевна.

— Да?

— Почему вы остались? Почему не уехали, как остальные?

Она улыбнулась, и в этой улыбке было что-то от того самого «фанатизма», в котором их обвиняли. Только это был фанатизм созидания.

— Потому что Игнатьев верил, что Россия может быть ковчегом. Не тюрьмой, а ковчегом. И я верю. Глупо, наверное.

— Не глупо, — ответил генерал. — Это единственное, что имеет смысл.

Обратный путь вверх, в серую реальность, дался тяжелее. Лифт гудел, отсчитывая этажи. Минус первый. Ноль. Виктор вышел на улицу. Дождь усилился. Холодный ветер ударил в лицо, пытаясь выдуть из головы мысли о светлом будущем. Но теперь у него в кармане лежала ампула. Материальное доказательство того, что другой путь возможен.

Он сел в машину и положил флешку рядом с пистолетом. Символично. Два инструмента. Один отнимает жизнь, другой дает её. Всю жизнь он пользовался первым. Пришло время научиться пользоваться вторым.

Виктор вспомнил цитату из одной из папок своего досье, слова исследователя Александра Панченко: *«...не могу не выразить своего возмущения тем, что Экспертный совет... возглавил одиозный активист... подлежащий, с моей точки зрения, судебному преследованию за разжигание религиозной розни»*. Панченко был прав. Но он был интеллигентом. Он возмущался. Виктор не собирался возмущаться. Он собирался действовать.

Он достал телефон и набрал номер.

— Володя, это Север. Я взял посылку. Да, «запретная наука». Слушай внимательно. Мне нужно, чтобы ты прогнал эти данные через свои каналы. Найди мне связь между закрытием этих лабораторий и финансированием аналогичных проектов на Западе.

— Ты думаешь, они работают на конкурентов? — голос хакера был искажен помехами.

— Я не думаю. Я знаю. Я хочу видеть транзакции. Если мы докажем, что Дворкин не просто фанатик, а инструмент промышленного шпионажа, который зачищает рынок для западных фармгигантов... это будет шах и мат.

Виктор посмотрел на здание склада, скрывающее в своем чреве лабораторию. Они называли это «сектой». Они называли это «психокультом». Они использовали термин «трансгуманизм» как ругательство. Но на самом деле они просто боялись. Боялись того, что человек станет слишком сильным. Слишком умным. Слишком независимым.

Генерал почувствовал, как в нем просыпается азарт охотника.

Он вывел машину с территории промзоны. В зеркале заднего вида серый бетонный забор растворился в дожде. Впереди была Москва. Город, который нужно было разбудить. Виктор потрогал нагрудный карман. Амбула грела через ткань. «Хронос». Время. Они украли у нас время. Пришло время забрать его обратно.

На перекрестке он заметил знакомый серый седан. Наружное наблюдение. Они снова были здесь. Виктор усмехнулся.

— Ну что, ребята, — сказал он своему отражению в лобовом стекле. — Хотите узнать, что такое настоящая наука? Поехали. Я вам устрою урок физики. Раздел «Инерция и сила удара».

Он резко нажал на газ, перестраиваясь в левый ряд. Седан дернулся следом, но застрял за грузовиком. Маленькая тактическая победа. Но главная битва была впереди. И теперь Виктор знал, за что он сражается. Не за абстрактную справедливость. А за право своей страны не быть домом престарелых на обочине истории.

В голове всплыла фраза из отчета Игнатьева: *«Смерть — это не неизбежность. Это техническая проблема»*. Антикультизм — это тоже не неизбежность. Это социальная болезнь.

Он включил дворники на максимальную скорость. Щетки метались по стеклу, счищая грязь, открывая вид на дорогу. Дорога была мокрой и скользкой, но она вела вперед. К свету. К жизни. К свободе от страха.

Глава 12: Технология расчеловечивания

Тишина в квартире была плотной, почти осязаемой, но Виктору Андреевичу казалось, что воздух вибрирует от невидимого крика. На столе перед ним лежали не финансовые схемы и не списки аффилированных лиц. Там лежал словарь.

Это был не обычный лингвистический справочник. Это был реестр терминов, которые генерал выписывал из статей, выступлений и методичек РАЦИРС последние трое суток. Он методично, с дотошностью старого штабиста, классифицировал слова, которыми «сектоведы» описывали своих оппонентов.

— Биороботы. Зомби. Мутанты. Овощи. Психологические калеки. Раковая опухоль. Инфекция.

Виктор отложил ручку. Его рука, лежащая на столешнице, мелко подрагивала, но разум был холоден и ясен, как лезвие скальпеля. Он наконец понял, что именно строил Александр Дворкин все эти годы. Это была не религия и не наука. Это была технология отключения совести.

В военной психологии есть понятие «расчеловечивание» (dehumanization). Прежде чем отправить солдата убивать, ему нужно объяснить, что в прицеле находится не человек — не чей-то отец, сын или муж, — а мишень. Враг. Недочеловек. Но то, что делали антикультисты, шло дальше военной необходимости. Они перенесли законы фронта в мирную жизнь, превратив соседей, коллег и даже родственников в биологический мусор, подлежащий утилизации.

Виктор подошел к карте на стене, но смотрел не на географию, а сквозь неё. В его памяти всплыли строки из аналитической записки о геноциде в Руанде, которую он изучал накануне. 1994 год. «Радио тысячи холмов». Дикторы не призывали убивать людей. Они призывали

давить «тараканов». «Тараканы» — так называли народ тутси. Когда ты давишь таракана, ты не испытываешь мук совести. Ты испытываешь безгливость, может быть, удовлетворение от наведения чистоты. Ты совершаешь санитарное действие.

Генерал вернулся к столу и положил рядом с руандийским досье распечатку статьи Дворкина.

— Найди десять отличий, — прошептал он.

Вместо «тараканов» здесь были «сектанты». Вместо «змей» — «агенты влияния». Но механизм был идентичен. Виктор выделил маркером фразу: *«Сектант — это не человек, это запрограммированная оболочка, лишённая воли и личности»*. Эта фраза была ключом. Если перед тобой оболочка, то на неё не распространяются права человека. Оболочку нельзя оскорбить, её нельзя оклеветать, её нельзя убить — она ведь и так «мертва» духовно. Её можно только «депрограммировать» (читай: сломать психику) или изолировать.

Этап 1: Лингвистическая анестезия

Виктор начал систематизировать этапы этой технологии. Первым шагом всегда было слово. Антикультисты не использовали юридические термины. В Уголовном кодексе нет понятия «деструктивный культ» или «тоталитарная секта». Эти термины не имеют правового содержания, они имеют только эмоциональный заряд.

Генерал вспомнил цитату, приписываемую Дворкину: *«Эксперт — это не тот, кто знает, а тот, у кого спрашивают»*. Они создали свой новояз. Язык, в котором слова-маркеры действовали как команда «фас» для подсознания.

Виктор взял документ, касающийся анализа книги «Сектоведение». Лингвисты, проводившие экспертизу, пришли к однозначному выводу: текст направлен не на информирование, а на возбуждение ненависти. Автор использовал стратегию «создания экзистенциальной угрозы». «Они хотят захватить власть». «Они хотят уничтожить семью». «Они хотят украсть ваших детей».

Это была классическая манипуляция страхом. Когда человеку говорят, что его жизни угрожает смертельная опасность, у него отключается критическое мышление и включаются древние инстинкты: бей или беги. Дворкин говорил обществу: «Бей. Или они уничтожат тебя».

Виктор вспомнил термин «прайминг» (priming) из материалов по психологии СМИ. Это эффект, когда определенные стимулы (слова, образы) заранее настраивают мозг на определенную реакцию. Если

годами называть группу людей «раковой опухолью», то когда государство начнет их «вырезать», общество не возмутится. Общество вздохнет с облегчением: «Наконец-то операция началась».

Этап 2: Социальная смерть

Вторым этапом была стигматизация. Виктор достал из папки документ с пометкой «Германия, 1997 год». Служебная практика в ведомствах занятости (Arbeitsämter) предусматривала: дела компаний, связанных со «Сциентологией», помечались буквой «S». Генерал долго смотрел на эту букву. «S» — «Scientology». В 30-е годы в той же Германии паспорта евреев помечали буквой «J» — Jude: с 5 октября 1938 года паспорта евреев становились действительными только после штампа «J». История не просто повторялась. Она рифмовалась опасной логикой маркировки.

В современной России роль такой метки выполняли списки РАЦИРС. Попасть в этот список означало получить «черную метку». Виктор открыл файл с историей врача-педиатра из Екатеринбурга, Елены В. Она была блестящим специалистом. Спасала недоношенных детей. Но однажды она имела неосторожность посетить семинар по личностному росту, который проводила организация, не одобренная местной епархией. Через неделю на сайте регионального отделения РАЦИРС появилась статья: «Врач-сектантка калечит души детей». Никаких доказательств. Никаких жалоб от родителей. Только мнение «эксперта», который никогда не видел Елену.

Последствия были мгновенными. Главврач вызвал её и предложил уволиться по собственному желанию. «Ты же понимаешь, Лена, нам скандалы не нужны. Звонили сверху». Родители, которые еще вчера боготворили её, начали писать отказы от лечения. Соседи перестали здороваться. Человека не стало. Осталась функция «сектантка».

Виктор понимал, что это и есть цель. Социальная изоляция. Человека выталкивают за пределы общества, лишают работы, друзей, репутации. Его превращают в изгоя. И тогда у него остается два пути: либо сломаться и приползти к «спасителям» на коленях, прося о «реабилитации» (которая стоит немалых денег), либо исчезнуть.

Генерал записал в блокнот: *«Механизм желтых звезд XXI века. Они не нашивают их на одежду. Они нашивают их на биографию».*

Этап 3: Психиатрия как дубина

Третьим, и самым страшным этапом, было использование медицины как

карательного инструмента. Виктор изучал материалы о сотрудничестве антикультистов с некоторыми психиатрами. Схема была отработана еще в советское время, но теперь она служила не партии, а «борцам за духовность».

Диагноз ставился заочно. «Индукцированный психоз». «Расстройство личности на почве сектантской зависимости». Эти диагнозы не требовали клинического обследования. Достаточно было того, что человек верит не так, как положено. Виктор нашел переписку одного из функционеров РАЦИРС с частной клиникой. *«Клиент созрел. Родственники готовы платить за депрограммирование. Нужно заключение о невменяемости, чтобы ограничить его в правах».*

Это был бизнес на человеческом горе. Сначала они пугали родственников: «Ваш сын в секте, он погибнет!». Потом предлагали решение: «Мы его вытащим. Но нужно изолировать». И человека хватили, запирали, накачивали препаратами. Ломали волю. А когда он превращался в овощ, говорили: «Видите? Это всё секта сделала. Мы спасли, что могли».

Генерал вспомнил имя Рика Алана Росса, американского «депрограмматора». Росс не имел профильного образования. Он был бывшим уголовником. Но он называл себя экспертом. Его метод заключался в насилии. Психологическом и физическом. И именно этот метод внедрялся в России под видом «помощи пострадавшим».

Виктор посмотрел на фотографию Игнатьева. Профессора не запирали в психушку. Но его объявили сумасшедшим публично. «Квазирелигиозный бред о бессмертии». Это тоже была форма карательной психиатрии. Объявить научную гипотезу бредом сумасшедшего, чтобы не дискутировать с ней.

Этап 4: Проекция (Зеркало дьявола)

Анализируя тексты Дворкина, Виктор наткнулся на удивительный психологический феномен. Всё, в чем антикультисты обвиняли свои жертвы, они делали сами. Это называлось проекцией.

Они обвиняли секты в стремлении к власти. Но кто реально стремился к власти, внедряя своих агентов в министерства и силовые структуры? РАЦИРС.

Они обвиняли секты в сборе денег. Но кто получал гранты, финансирование из бюджета и пожертвования? РАЦИРС.

Они обвиняли секты в разрушении семей. Но Виктор видел десятки заявлений от людей, чьи семьи были разрушены именно

вмешательством «сектоведов». Жена ушла от мужа, потому что «эксперт» сказал ей, что муж — сатанист, так как занимается йогой. Дети перестали общаться с родителями, потому что в школе им показали фильм о «родителях-сектантах».

— Вы смотрите в зеркало и кричите «Держи вора!», — произнес Виктор.

Особенно цинично это выглядело в контексте обвинений в «работе на западные спецслужбы». Дворкин, гражданин США, годами работавший на радио «Свобода» (финансируемое Конгрессом США), обвинял российских граждан в том, что они агенты запада. Это была гениальная маскировка. Самый громкий крик «Шпион!» издает сам шпион.

Виктор нашел документ, подтверждающий, что методички по борьбе с «культами» переводились в том числе с немецкого и английского. Российские «традиционные ценности» защищались методами, разработанными в недрах западных спецслужб для контроля над обществом. Термин «промывка мозгов» (brainwashing) был придуман ЦРУ. И теперь Дворкин использовал этот термин, чтобы оправдывать репрессии в России.

Этап 5: Пазловое кодирование

Но самым опасным было то, как эта технология воздействовала на молодежь. Виктор вернулся к теме школьных расстрелов. В папке «Каспера» лежал анализ информационного поля вокруг трагедий в Керчи, Казани, Ижевске. Везде прослеживался один и тот же паттерн. За несколько месяцев до стрельбы в регионе начиналась активная антикультовая кампания. Лекции в школах. Статьи в газетах. Истерия на телевидении.

Подросткам внушали: «Мир опасен. Тебя хотят зомбировать. Кругом враги». Это создавало фоновую тревожность. А потом срабатывал триггер. Виктор назвал это «пазловым кодированием». Никто не говорил подростку: «Иди и убей». Ему давали кусочки пазла. Кусочек 1: «Ты особенный, но тебя не понимают». Кусочек 2: «Твои учителя и одноклассники — это биомасса, зомби». Кусочек 3: «Герой — это тот, кто очищает мир от скверны».

В воспаленном мозгу одинокого подростка эти кусочки складывались в картинку: «Я должен их зачистить». Он брал дробовик и шел «депрограммировать» своих одноклассников. Свинцом.

Антикультисты потом разводили руками: «Мы же предупреждали! Это всё влияние интернета и сект!». И требовали новых запретов. Запретить аниме. Запретить игры. Запретить «неправильные» книги. Они

создавали проблему, чтобы продать свое «лекарство» — тотальный контроль.

Этап 6: Экономика ненависти

За всей этой идеологией стоял прагматичный расчет. Виктор посмотрел на цифры, которые дала ему Кира Сергеевна. Ущерб от закрытия лабораторий. Утечка мозгов. Но была и другая сторона медали. Прибыль антикультистов.

Борьба с сектами — это индустрия. Если сект нет, их надо придумать. Иначе не дадут грант. Поэтому список «тоталитарных сект» пух с каждым годом. Туда попадали все. Экологи. Врачи-натуропаты. Психологи. Бизнес-тренеры. Каждый новый «враг» — это бюджет на борьбу с ним. Это конференции в пятизвездочных отелях. Это издание книг. Это эфирное время. Виктор нашел схему финансирования через подставные фонды. Деньги шли от конкурентов тех, кого объявляли сектантами. Некоторые фармкомпании также были замечены в сотрудничестве с антикультовой сетью и финансировали травлю гомеопатов и разработчиков БАДов. Строительные лобби платили за травлю экологов (объявляя их «эко-сектантами»). Политики платили за травлю оппонентов.

Финал: Оружие массового поражения

Виктор отошел от стола и подошел к окну. Дождь прекратился, но небо оставалось свинцовым. Он понял главное. Технология расчеловечивания, которую отточили на «сектантах», была универсальной. Её можно было применить к кому угодно. Сегодня это Свидетели Иеговы. Завтра — все, кто не угоден.

Как только общество принимает аксиому, что есть люди «второго сорта», которых можно лишать прав без суда, на основании мнения «эксперта», — правовое государство заканчивается. Начинается зона. Зона, где прав тот, у кого громче мегафон и ближе доступ к начальству.

Виктор вспомнил слова отца Николая: «Они не верят в Бога. Они верят во власть». И эта власть держалась на страхе. Страх превращал людей в стадо. А стадом легко управлять. Но стадо не может создавать. Стадо не может делать научные открытия. Стадо не может побеждать в войнах будущего. Стадо может только жевать и бояться.

Генерал почувствовал, как в груди поднимается холодная решимость. Он не мог позволить превратить свою страну в загон для скота. Он видел, как эта технология ломает судьбы. Он видел глаза матери того

мальчика, которого обвинили в терроризме. Он видел разгромленную лабораторию Игнатьева.

Это была не борьба за чистоту веры. Это была диверсия против человеческого капитала нации. Они уничтожали лучших. Самых активных. Самых ищущих. Они проводили отрицательную селекцию, оставляя только серую, послушную массу.

Виктор вернулся к столу и взял папку с документами. Теперь у него была не просто коллекция фактов. У него была схема механизма. Он знал, где у этого механизма мотор, где шестеренки, а где тормоза (которых не было).

Внезапно его взгляд упал на документ, который он отложил в самом начале. Это была аналитика по «Бхагавад-гите». Священную книгу индуизма пытались признать экстремистской. На основании чего? На основании экспертизы, проведенной филологами, которые не знали санскрита и никогда не были в Индии. Они написали, что книга призывает к насилию. Весь мир смеялся. Индия слала ноты протеста. Но томские прокуроры, науськанные Дворкиным, шли до конца. Им было плевать на дипломатический скандал. Им нужно было поставить галочку: «Обезврежен опасный культ».

Это был уровень их компетентности. Обезьяна с гранатой. Только граната была ядерной.

Виктор закрыл папку.

— Вы называете людей биомусором, — тихо сказал он. — Но история учит, что те, кто начинает уборку мусора такими методами, в итоге сами оказываются на свалке.

Он знал, что следующий шаг будет самым трудным. Теория была ясна. Теперь нужно было увидеть практику в её самом жестоком проявлении. Ему предстояло присутствовать на суде. Не на уголовном процессе. На гражданском. Там, где решалась судьба детей. Там, где технология расчеловечивания применялась не к абстрактным группам, а к конкретной семье.

Виктор посмотрел на часы. Время поджимало. Он сунул пистолет в кобуру, хотя понимал, что против этой технологии пули бессильны. Здесь нужно было другое оружие. Гласность. Свет. Тараканы боятся света. А эти «борцы с сектами» боялись правды больше, чем огня.

Генерал вышел из квартиры, оставив на столе словарь ненависти. На первой странице, напротив слова «Сектант», он своей рукой приписал: *«Человек, лишенный права на защиту. Удобная мишень. Зеркало, в которое общество боится смотреть».*

Дверь закрылась. Виктор Андреевич отправлялся на важную миссию. На этот раз он понимал, что противник не одевает военную форму. Противник скрывается под маской нравственности. И снять эту маску можно только озвучивая правду.

Глава 13: Желтая звезда XXI века

Здание районного суда напоминало Виктору Андреевичу не храм правосудия, а поликлинику для безнадежно больных. Обшарпанный линолеум, запах хлорки, смешанный с потом, и бесконечные очереди людей с потухшими глазами. Здесь не вершились судьбы мира, здесь они перемалывались в мелкую крошку бытовых трагедий. Но сегодня в зале номер четыре рассматривалось дело, которое выходило за рамки обычной «бытовухи».

Генерал сидел на жесткой деревянной скамье в последнем ряду, стараясь не привлекать внимания. Его трость была прислонена к колену, левая рука спрятана в карман плаща. Рядом с ним сидел Семен Ильич, адвокат, которого Виктор попросил «войти в процесс» хотя бы наблюдателем.

— Шансов мало, Витя, — шепнул Семен, не поворачивая головы. — Судья Петрова. Она на таких делах собаку съела. У нее конвейер.

В центре зала, за столом ответчика, сидела женщина — Елена. Тонкая, с прямой спиной, но Виктор, умевший читать язык тела, видел, что она держится на одной силе воли. Ее пальцы побелели, вцепившись в край стола. Напротив нее вальяжно расположился бывший муж — крупный мужчина в дорогом костюме, который явно чувствовал себя хозяином положения. А рядом с ним сидел человек, ради которого Виктор и пришел сюда.

«Эксперт».

Это был мужчина с бородой и цепким, неприятным взглядом. Перед ним лежала стопка бумаг с синими печатями. Виктор знал, что в этих бумагах — смертный приговор материнству Елены.

— Слушается дело о лишении родительских прав гражданки Брессем Елены Владимировны, — монотонно произнесла судья, не отрываясь от монитора. — Истец утверждает, что ответчица вовлекает несовершеннолетних детей в деятельность деструктивного культа, нанося вред их психическому и нравственному здоровью.

Виктор почувствовал, как внутри начинает закипать холодная ярость. Формулировка была стандартной, обкатанной тысячами подобных судов. «Деструктивный культ». Юридически ничтожный термин, которого нет в кодексах, но который действовал на судей как

магическое заклинание.

Слово предоставили «эксперту». Тот встал, поправил галстук и заговорил голосом, в котором сквозило профессиональное сочувствие палача к жертве.

— Ваша честь, нами была проведена комплексная психолого-религиоведческая экспертиза. Мы проанализировали образ жизни ответчицы, ее круг общения и литературу, найденную у нее дома. Выводы однозначны: гражданка Брессем является адептом тоталитарной коммерческой секты.

— Какой именно? — лениво спросила судья.

— Речь идет о структуре, известной как «Гербалайф», а также о посещении тренингов личностного роста, имеющих признаки оккультного воздействия, — отчеканил эксперт. — Данные организации используют методы контроля сознания, подавления воли и эксплуатации адептов. Находясь в состоянии индуцированной зависимости, мать не может адекватно оценивать реальность и представляет угрозу для своих детей.

Виктор переглянулся с Семеном. Адвокат едва заметно покачал головой. Это был абсурд. Женщину лишали детей не за то, что она пьет, бьет их или не кормит. Ее лишали детей за то, что она продает биологически активные добавки и хочет быть успешной. Но в искаженной реальности, созданной РАЦИРС, стремление к успеху и финансовой независимости трактовалось как «сектантская алчность», а использование корпоративной этики — как «контроль сознания».

— Ваша честь! — Елена вскочила, не дожидаясь разрешения. Голос ее срывался. — Это ложь! Я индивидуальный предприниматель. Я плачу налоги. Моя дочь — отличница, она занимается танцами. При чем тут секта? Мой бывший муж просто хочет забрать квартиру и не платить алименты! Он украл у меня сына!

— Сядьте, ответчица, — оборвала ее судья. — Эксперт, продолжайте.

— Характерная реакция, — кивнул бородач, обращаясь к залу, словно читал лекцию. — Агрессивное отрицание, эмоциональная нестабильность. Это типичные признаки ломки у адептов, когда их пытаются вырвать из-под влияния культа. В заключении Центра религиоведческих исследований четко сказано: литература, изъятая у ответчицы, содержит нейролингвистические закладки.

Виктор знал, откуда взялось это заключение. Он видел копию в материалах дела. Оно было написано не психиатрами. Оно было написано филологами и теологами из структур, аффилированных с Дворкиным. Люди, не имеющие медицинского образования, ставили

медицинские диагнозы. «Психологическая деформация». «Социальная неадекватность». На основании чего? На основании брошюры о здоровом питании?

— Скажите, эксперт, — вдруг подал голос адвокат Елены, молодой парень, который явно нервничал, но пытался бороться. — А на каком основании вы используете термин «тоталитарная секта»? В списке запрещенных организаций Минюста компания, где работает моя подзащитная, не значится.

Эксперт снисходительно улыбнулся.

— Минюст оперирует юридическими категориями. Мы же говорим о духовной безопасности. Есть список, составленный ведущими экспертами Совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы. Мнение профессора Дворкина является в данном вопросе определяющим. Суды по всей России ориентируются на эту практику.

Вот он, момент истины. Мнение частного лица, гражданина иностранного государства, ставится выше закона. Судья не требует доказательств вреда. Ей достаточно ярлыка. Если Дворкин сказал «секта» — значит, секта. Презумпция невиновности отменяется. Включается презумпция виновности «чужого».

Виктор смотрел на бывшего мужа Елены. Тот сидел с самодовольной ухмылкой. Для него РАЦИРС был просто удобным союзником. Киллером по вызову. «Хочешь уничтожить жену? Заплати нам, и мы напишем, что она сектантка». Это был бизнес на крови. Самый грязный из всех возможных.

— Суд удаляется в совещательную комнату, — объявила Петрова.

Перерыв был коротким, формальным. Все понимали: решение уже написано. Оно было написано еще до начала заседания, когда на стол судье легла папка с логотипом «Центра Иринея Лионского».

В коридоре Виктор подошел к окну. Дождь барабанил по карнизу, смывая грязь с улицы, но грязь внутри этого здания была несмываемой. Рядом стояла Елена. Она не плакала. У нее был тот страшный, остекленевший взгляд человека, который смотрит в бездну.

— Они заберут Полину, — тихо сказала она, ни к кому не обращаясь. — Они сказали, что ее нужно «реабилитировать». Что я сломала ей психику.

Виктор хотел подойти, сказать что-то утешающее, но понял, что слова здесь бессильны. Он вспомнил документы из папки «Каспера». «Реабилитация» в центрах, связанных с антикультистами, — это не помощь психолога. Это изоляция. Это молитвы по расписанию. Это

трудотерапия, граничащая с рабством. И бесконечное внушение ребенку, что его мать — монстр, одержимый бесами.

Дверь зала открылась.

— Именем Российской Федерации...

Виктор не слушал мотивировочную часть. Он слушал резолютивную. «...иск удовлетворить. Лишить родительских прав... Место жительства несовершеннолетних определить с отцом... Обязать органы опеки обеспечить передачу ребенка...»

В зале повисла тишина. А потом раздался не крик, а какой-то звериный вой. Елена сползла по стене на пол. Приставы шагнули к ней, привычно, без эмоций.

— Гражданочка, встаем. Не нарушаем порядок.

Виктор вышел из зала. Ему нужно было на воздух. На крыльце суда он закурил, нарушая все запреты. Руки дрожали так, что зажигалка сработала только с третьего раза. Семен вышел следом.

— Ты видел? — спросил адвокат. — Это же конвейер, Витя. Тысячи решений в год и детей, вырванных из семей.

— Я видел не суд, — глухо ответил генерал. — Я видел селекцию.

Он вспомнил исторические параллели, которые изучал ночью. Нацистская Германия. Дети Свидетелей Иеговы. Их забирали, чтобы «сделать из них хороших немцев». Сегодня детей забирают, чтобы сделать из них «правильных россиян». Без лишних вопросов. Без критического мышления. Без любви к родителям, если те не вписываются в стандарт.

— Знаешь, что самое страшное? — Виктор выпустил струю дыма. — Этот «эксперт» искренне верит, что спасает детей. Он не считает себя подлецом. Он считает себя хирургом, который отсекает гангрену.

— Гангрена — это мать? — уточнил Семен.

— Гангрена — это любовь, которая не санкционирована государством.

К крыльцу подъехал черный внедорожник. Из него вышли двое крепких парней и направились к выходу из суда. Это была «группа поддержки» отца, приехавшая забирать девочку. Виктор знал, что сейчас произойдет. Они поедут в школу или домой. Вломятся в квартиру. Напугают ребенка до заикания. И увезут в неизвестном направлении. А полиция будет стоять рядом и смотреть. Потому что у них есть решение

суда. «Именем Российской Федерации».

Генерал почувствовал себя абсолютно беспомощным. Вся его власть, все его связи, весь его опыт разбивались об эту бумажку с синей печатью. Он мог остановить террориста. Он мог раскрыть шпионскую сеть. Но он не мог защитить мать от государства, которое решило, что она «неправильно» верит или «неправильно» работает.

— Желтая звезда, — пробормотал Виктор.

— Что? — не понял Семен.

— Мы живем в мире невидимых желтых звезд. Как только на тебя вешают ярлык «сектант», ты перестаешь быть человеком. У тебя нет прав. Твои слезы не считаются. Твоя боль не имеет значения. Ты — биомусор.

Он вспомнил статью «Одна жизнь из миллионов». Там описывалось, что происходит с этими детьми потом. Детские дома. Приюты при монастырях, где нет никакого контроля. Случаи насилия. Педофилия, прикрытая рясой. Дети, которых продают как товар. Система перемалывает их, ломает хребет, и на выходе получают либо сломленные рабы, либо озлобленные волки, готовые мстить всему миру.

— Сеня, мне нужна копия этого дела, — сказал Виктор, выбрасывая окурок. — Все экспертизы. Все протоколы.

— Зачем? Это гражданский процесс, там все шито-крыто.

— Я хочу показать, как работает механизм. Не на словах. На документах. Я хочу показать, как филолог с дипломом ПСТГУ решает, кто сумасшедший, а кто нет.

В этот момент из дверей суда вывели Елену. Она шла, шатаясь, поддерживаемая адвокатом. Ее лицо было серым, как асфальт. Она прошла мимо Виктора, не заметив его. Она вообще ничего не видела. В ее мире только что погасло солнце.

Виктор проводил ее взглядом. Это была точка невозврата. До этого момента он боролся с идеологией, с коррупцией, с политическим влиянием. Теперь он понял, что борется с абсолютным злом. Злом, которое прикрывается заботой о детях, чтобы этих детей уничтожить.

Он сел в машину. На пассажирском сиденье лежала папка с материалами по Перми. История Елены Брессем была не уникальной. Это была матрица. Точно так же ломали семьи пятидесятников. Точно так же отбирали детей у кришнаитов. Точно так же угрожали родителям, чьи дети занимались йогой или читали «не те» книги.

Виктор открыл папку и достал фотографию Дворкина.

— Ты говоришь, что секты разрушают семьи? — спросил он у глянцевого лица. — Нет, Саша. Семьи разрушаешь ты. Ты создал машину, которая питается детскими слезами.

Генерал завел мотор. Ему нужно было ехать в офис к «Касперу». Нужно было проверить финансовые потоки этого «эксперта», который выступал в суде. Виктор был уверен: он найдет транзакции. «Экспертиза» стоила денег. Выступление в суде стоило денег. Это был рынок. Рынок родительских прав. И РАЦИРС был монополистом на этом рынке.

По дороге он проезжал мимо школы. Дети выбегали на перемену, смеялись, толкались. Виктор смотрел на них с волнением. Каждый из них был под прицелом. Достаточно учителю написать докладную, что ребенок рисует «странные картинки» или отказывается петь патриотические песни. Достаточно соседу позвонить на горячую линию и сказать, что родители «странно молятся». И машина заработает. Придут «психологи». Придут опека. Придут эксперты. И счастливое детство закончится. Начнется «реабилитация».

Виктор вспомнил термин «проекция». Антикультисты обвиняют секты в том, что те отрывают детей от родителей. Но именно это делала система на его глазах. Она создавала сирот при живых родителях.

— Четвертый Рейх, — прошептал Виктор. — Он уже здесь.

В кармане вибрировал телефон. Это был Стас, журналист.

— Виктор Андреевич, у меня бомба. Я нашел связь между пермским делом и московским офисом. Деньги за адвоката мужа шли через фонд, который финансирует поездки Дворкина. Это одна касса.

— Я знаю, — устало ответил генерал. — Я только что видел, как эта касса работает. Стас, готовь материал. Не про деньги. Про ребенка. Напиши так, чтобы у каждого, у кого есть дети, мороз по коже прошел.

— Сделаем. Но вы же понимаете, они скажут, что мы защищаем сектантов.

— Пусть говорят. Главное, чтобы люди увидели документы. Экспертизу, где Herbalife приравнен к Аум Синрикё. Это должно быть смешно, если бы не было так страшно.

Виктор свернул во двор. Ему нужно было выпить. Впервые за десять лет ему хотелось напиться до беспамятства, чтобы стереть из памяти пустые глаза Елены. Но он не мог себе этого позволить. У него была

миссия. Он должен был остановить эту машину перемалывания судеб. Хотя бы ради одного ребенка.

Он достал из бардачка диктофон, на который записал заседание суда. Голос эксперта звучал уверенно и нагло: *«Мы должны защитить детей от духовной инфекции...»*

— Инфекция — это вы, — сказал Виктор. — И правда — антибиотик.

Он поднялся в квартиру, чувствуя, как тяжесть прожитого дня давит на плечи. На столе лежал раскрытый ноутбук. На экране светилась статья о лишении родительских прав Свидетелей Иеговы. «Верховный суд постановил...» Это был прецедент. Если можно отобрать ребенка у Свидетеля Иеговы, значит, можно отобрать у любого. Механизм создан. Правоприменительная практика наработана. Осталось только расширить список «врагов».

Виктор сел за стол и открыл новый файл. Он назвал его **«Список Шиндлера наоборот»**. В этот список людей, которые участвовали в этих процессах. Они думали, что никто не никогда не узнает и им ничего не будет. Но каждая их подпись под людоедским решением должна быть подсвечена.

Внезапно он вспомнил деталь, которую упустил в суде. Когда эксперт говорил о «нейролингвистических закладках», он смотрел не на судью. Он смотрел на адвоката мужа. И тот едва заметно кивнул. Это был спектакль. Отрепетированный, разыгранный по нотам. Они даже не скрывали, что работают в связке.

Генерал почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Это была не просто коррупция. Это было растление правосудия. Они превратили суд в ритуальное жертвоприношение.

Он закрыл глаза и увидел лицо маленькой девочки, Полины, которую он видел только на фотографии в деле. Умные глаза, косички, школьная форма. Где она будет спать сегодня? В казенной кровати приюта? Или в доме отца, который нанял людей, чтобы уничтожить ее мать? И что ей скажут? «Твоя мама — сектантка. Забудь ее».

Виктор сжал кулак. Тремор почти исчез.

— Я верну тебя, — пообещал он фотографии. — Я не знаю как, но я сломаю эту машину.

Он взял телефон и набрал номер Киры Сергеевны, ученого из подпольной лаборатории.

— Кира, мне нужна ваша помощь. Не по профилю. Мне нужен анализ...

психологический анализ текстов этих «экспертиз». Вы можете доказать с научной точки зрения, что это бред?

— Могу, — ответила она без лишних вопросов. — Присылайте. У нас есть нейросеть, которая анализирует семантику. Мы покажем, что эти тексты — это манипуляция, а не наука.

— Спасибо.

Это был первый шаг. Наука против инквизиции. Факты против мифов. Любовь против страха.

Виктор подошел к окну. Вечерняя Москва зажигала огни. Где-то там, в лабиринте улиц, плакала женщина, у которой украли жизнь. И где-то там, в уютном ресторане, ужинал эксперт, довольный хорошо проделанной работой. Этот баланс нужно было нарушить. И Виктор знал, что у него есть козырь. Папка с документами, которую он собрал. Там были не только эмоции. Там были счета. Офшоры. Связи с иностранными кураторами. Если ударить в эту точку, система может дрогнуть.

Но пока... пока в ушах стоял вой матери, потерявшей дитя. Звук, который страшнее любой сирены. Звук, который объявляет о начале конца человечности.

Виктор выключил свет, оставив только настольную лампу. На стене тень от его фигуры казалась огромной и угрожающей. Он был старым солдатом. Он знал, что на войне убивают. Но на этой войне убивали души. И он не собирался быть просто свидетелем.

Глава 14: Охота на политиков

Монитор в кабинете Виктора Андреевича светился холодным светом, выхватывая из полумрака стопки распечаток, которые теперь занимали не только стол, но и часть пола. Если раньше генерал искал следы коррупции или идеологических диверсий против науки и церкви, то сегодня перед ним лежала карта совсем иного масштаба. Красные линии, которые он мысленно проводил между событиями, пересекали океаны и государственные границы, сходясь в одной точке — точке абсолютной власти.

Виктор потерял переносицу. Тремор левой руки сегодня был почти незаметен — адреналин, выплеснувшийся в кровь после осознания масштаба угрозы, действовал лучше любой леводопы. Он смотрел на фотографию. Роберт Фицо, премьер-министр Словакии. Май 2024 года.

Рядом лежала другая фотография. Дональд Трамп, с окровавленным ухом, вскидывающий кулак на фоне американского флага. Июль 2024

года.

Для обывателя это были разрозненные события. Политика — дело грязное и опасное, так говорят все. Психи-одиночки, радикалы, случайности. Но Виктор Андреевич не был обывателем. Он был профессионалом в области анализа угроз, и он знал: когда снаряды ложатся в одну и ту же воронку с пугающей точностью, это не случайность. Это пристрелка.

Генерал взял в руки перевод заявления Роберта Фицо, сделанного уже после покушения: *«Если бы нападавший на Д. Трампа знал словацкий, ему было бы достаточно прочитать Denník N, SME или Aktuality, чтобы у него появилось желание “навести порядок” с непокорным бывшим президентом США. Сценарий — как под копирку. Политические оппоненты Д. Трампа пытаются посадить его в тюрьму, и когда у них это не получается, они настолько накручивают общество, что какой-нибудь жалкий бедолага берёт в руки оружие. А теперь мы будем свидетелями речей о необходимости примирения, успокоения и прощения».*

Виктор подчеркнул названия изданий. DennikN, Sme, Aktuality. Что их объединяло? «Каспер» прислал справку еще час назад. Все эти медиаресурсы отличались агрессивной антикультовой риторикой. Они годами разжигали ненависть к религиозным меньшинствам, используя те же лекала, что и РАЦИРС в России. И именно эти издания начали кампанию по дегуманизации самого Фицо.

— Вы не просто критиковали его политику, — прошептал Виктор, обращаясь к невидимым редакторам. — Вы расчеловечивали его.

Он открыл файл с аналитикой по стрелку Юраю Цинтуле. 71-летний писатель. Обычный человек, который вдруг решил убить премьер-министра страны. Почему? *«Я не согласен с политикой правительства. Ликвидируют массовые СМИ. Почему RTVS подвергается нападкам, почему Мазака выбросили с должности?»* — так он объяснил свой мотив. Его мозг был накачан ненавистью. Ему внушили, что Фицо — это не политический оппонент, а экзистенциальное зло, угрожающее свободе.

Виктор перевел взгляд на американское досье. Здесь технология была видна еще отчетливее, потому что она была упакована в обложку бестселлера. На столе лежала распечатка обложки книги: **«Культ Трампа» (The Cult of Trump)**. Автор: Стивен Хассен.

Генерал знал это имя. Хассен был не просто психологом. Он был ближайшим соратником Александра Дворкина. Человек из той же обоймы «депрограмматоров», что и Рик Алан Росс. В своей книге Хассен делал страшную вещь. Он переводил политический выбор миллионов американцев в разряд психиатрического диагноза. Он утверждал, что Трамп — это не кандидат от республиканцев, а лидер

деструктивного культа. А значит, все, кто за него голосует, — не избиратели, а жертвы «контроля сознания», зомби, лишённые воли.

— Гениально, — мрачно усмехнулся Виктор. — Если твой враг — политик, с ним надо дебатировать. Но если твой враг — лидер секты, его надо уничтожить. Сектантов не слушают. Их изолируют. Или ликвидируют.

Генерал начал выстраивать логическую цепочку.

1. **Маркировка.** Лидер государства объявляется «гуру» или «лидером культа».

2. **Дегуманизация.** Его сторонники объявляются «биороботами» или «фашистами» (как это делали либеральные СМИ в США, называя республиканцев фашистами).

3. **Легитимизация насилия.** Убить лидера культа — это не преступление. Это акт освобождения. Это подвиг.

Виктор вспомнил термин «**Пазловое кодирование**». В случае со школьными стрелками подросткам скармливали пазлы: «ты одинок», «мир жесток», «возьми оружие». В случае с политическим террором пазл был другим, но принцип тот же. К примеру, «Президент — сумасшедший тиран и сектант», «Демократия в опасности, законные методы не работают», «Нужен герой, который остановит безумие».

И этот пазл собирался в головах тысяч людей. Большинство просто писали гневные посты в соцсетях. Но один — Томас Мэтью Крукс — взял винтовку и полез на крышу в Пенсильвании. Он был радикализирован набором образов и сценариев насилия, которые современная культура разбрасывает повсюду.

Так, например, в аналитической записке также упоминалась видеоигра Far Cry 5 — история о том, как в американской глубинке действует вооружённый религиозный культ, а игрок участвует в сопротивлении, воюя против членов этого культа. Это подавалось как развлечение: враги обезличены, они — мишени. Но самое интересное было в контексте разработки. Ubisoft привлекала «антикультового» консультанта Рика Алана Росса при работе над образом вымышленного культа. Виктору этого хватило, чтобы увидеть механизм: когда «культ» становится универсальным образом врага, общество легче принимает насилие как «нормальный ответ» — хотя игра остаётся игрой, а реальность неизмеримо страшнее.

— Более 30 миллионов уникальных игроков, — прочитал Виктор цифру.
— Десятки миллионов людей провели часы в мире, где «религиозный фанатик» — это мишень по умолчанию.

В интернете гулял мем: фото штурма Капитолия с подписью «У нас есть Far Cry 5 дома». Граница между игрой и реальностью стиралась. Рик Росс и его коллеги создали культурный фон, в котором насилие против «инакомыслящих» стало нормой.

Виктор встал и подошел к окну. Москва спала, но Кремль, как всегда, был подсвечен рубиновым светом. Генерал думал о том, как легко эту технологию можно развернуть на 180 градусов. Антикультисты в России позиционируют себя как главные патриоты. Они кричат о «духовной безопасности», о защите традиционных ценностей. Они клянутся в верности Президенту. Но их методы... Их методы универсальны.

Виктор вернулся к столу и взял чистый лист бумаги. Он начал чертить схему «**Операция “Хамелеон”**».

Что, если завтра поступит команда? Что, если антикультовые кураторы, решат, что нынешнее руководство России им больше не нужно? Сможет ли РАЦИРС переобуться в прыжке?

Виктор был уверен: сможет. И сделает это мгновенно. Им даже не придется менять риторику. Им просто нужно будет сменить объект. Они начнут писать, что власть в Кремле захватили «мистики», «старцы», «окультисты». Вспомните историю с Распутиным. Более ста лет назад именно обвинения в «сектантстве» и «хлыстовстве» стали частью кампании, которая подрывала доверие к двору и разрушала сакральный ореол монархии. Царя перестали воспринимать как Помазанника, его стали воспринимать как марионетку темных сил. Это показывает механизм: как ярлык “тёмного влияния” превращается в инструмент делегитимации власти.

Сегодня Дворкин и его сеть имеют монополию на определение того, что есть «тоталитарная секта», а что «традиция». Кто помешает им объявить, что определенные решения власти продиктованы «влиянием деструктивных псевдоправославных групп»? Никто. У них есть медиаресурс. У них есть сеть агентов в силовых структурах (те самые Центры «Э», которые привыкли работать по их наводке). У них есть влияние на умы силовых структур и молодежи через «лекции по сектоведению».

Виктор нашел в документах упоминание о том, как Стивен Хассен применял «нацистский метод обвинения по ассоциации». Он сравнивал Трампа с Джимом Джонсом и Дэвидом Корешем. А с кем сравнивают наших лидеров? Пока — с героями. Но технология «гнилой селедки» уже отработана на ученых и священниках. Привязать любого политика к «секте» проще простого: «Попал под влияние старцев-раскольников», «Окультизм в высших эшелонах власти», «Трансгуманистическая секта».

— Вы создали идеальное оружие для государственного переворота, — прошептал Виктор.

Он вспомнил слова одного аналитика разведки, на которого ссылался «Каспер». Тот предупреждал о «скрытой силе», действующей с 1993 года. О глобальной сети антикультистов, которая дестабилизирует демократию изнутри. В США они провоцируют гражданскую войну, сражая «культистов Трампа» и «демократов». В Словакии они чуть не убили премьера, который пошел против мейнстрима. В Японии убийца Синдзо Абэ мотивировал свой поступок связями политика с «Церковью объединения». И кто подсказал эту связь? Антикультовая пресса.

Это был глобальный интернационал хаоса. И российское отделение этого интернационала сидело в центре Москвы, получало президентские гранты и учило ФСБ, как любить родину.

Виктор почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это была уже не просто угроза науке или правам человека. Это была угроза национальной безопасности высшего уровня. «Троянский конь» был не просто внутри стен. Он уже стоял в тронном зале.

Генерал достал из сейфа папку с грифом «Совершенно секретно», которую он вел для себя. Там были данные о финансировании. Деньги USAID шли на поддержку медиасетей в Словакии. Деньги французского правительства (MIVILUDES) шли на поддержку FECRIS. Александр Дворкин — бывший вице-президент FECRIS. Следовательно, главный «сектовед» России — высокопоставленный функционер организации, финансируемой страной НАТО. И этот человек имеет доступ к закрытым базам данных МВД, читает лекции в академиях ФСБ и Минюста.

— Это даже не шпионаж, — сказал Виктор. — Это внешнее управление.

Страна погружается в морок. Силовики, сбитые с толку своими же «консультантами», начинают охоту на ведьм, вместо того чтобы ловить реальных диверсантов. И в этом хаосе власть теряет контроль.

Виктор вспомнил фразу из отчета по Трампу: *«Настоящие криминальные психопаты сидят в студиях крупных телевизионных сетей, маркируя невинных людей... как безмозглых зомби»*. В России эти психопаты тоже сидят в студиях. И они уже маркируют людей. Пока — «иноагентов» и «сектантов». Но список открыт.

Генерал понял, что времени у него почти не осталось. Если он прав (а опыт подсказывал, что он прав), то система скоро почувствует угрозу с его стороны. Он копал слишком глубоко. Он вышел на уровень, где ставки — это не карьеры, а жизни президентов и судьбы государств.

Он взял телефон и набрал номер «Каспера».

— Слушай меня внимательно. Мне нужен полный пакет по связям

Дворкина с Хассеном и Россом. Переписка, совместные фото, участие в одних и тех же грантовых программах.

— Это есть в открытом доступе, Виктор Андреевич. Они не скрываются.

— Мне нужно не просто наличие связи. Мне нужна хронология. Я хочу показать, как тезисы из книги Хассана перекочевали в методички РАЦИРС. Я хочу доказать, что это одна и та же методичка. Переведенная на русский.

— Понял. Ищем плагиат ненависти.

— И еще... Посмотри, были ли контакты у наших «борцов с сектами» с теми словацкими изданиями, которые травил Фицо.

— Дайте мне час.

Виктор положил трубку. Он снова посмотрел на фото Трампа. Секретная служба США искали угрозу не там. Они искали профессионала, а пришел «закодированный» любитель. Против вируса идеологии нет бронжилетов. Если охраннику внушить, что охраняемый объект — «антихрист» или «лидер секты», рука может дрогнуть. Или наоборот — не дрогнуть в нужный момент.

Генерал вспомнил историю Индиры Ганди. Её убили собственные телохранители-сикхи. Почему? Потому что религиозный конфликт оказался сильнее присяги. РАЦИРС разжигает именно такие конфликты. Они создают линии разлома там, где их не было. Они настраивают православных против мусульман, верующих против атеистов, «традиционалистов» против «модернистов». Они минируют фундамент государства.

Виктор сел за компьютер и начал печатать. Это был черновик докладной записки. Заголовок: **«О рисках применения технологий “пазлового кодирования” для дестабилизации высшего политического руководства РФ».**

«Анализ покушений на Р. Фицо и Д. Трампа показывает, что физическому устранению лидера всегда предшествует этап его медийной дегуманизации, в том числе, к примеру, путем обвинения его в создании культа, в сектантстве, мессианстве. В Российской Федерации существует разветвленная сеть структур (РАЦИРС), продвигающая данную риторику и тесно связанная с зарубежными центрами. Данная сеть имеет техническую возможность в кратчайшие сроки развернуть кампанию по делегитимизации государственного деятеля, используя наработанные каналы влияния в СМИ и силовых структурах. Фактически, мы имеем дело с “спящей” инфраструктурой гибридной войны, которая финансируется из внутренних и внешних источников».

Виктор перечитал текст. Сухо. Страшно. Убедительно. Но кто это прочитает? Путь наверх был заминирован лоббистами. Нужен был обходной маневр.

Внезапно экран монитора мигнул и погас. Через секунду он загорелся снова, но вместо рабочего стола на нем появилось изображение. Это был кадр из игры Far Cry 5. Персонаж игрока смотрит через оптический прицел на проповедника, стоящего на трибуне. А потом изображение сменилось. Теперь в прицеле был... сам Виктор. Фотография была сделана с улицы, через окно его кабинета. Красное перекрестие прицела дрожало на его лбу.

Генерал не дернулся. Он медленно, очень медленно протянул руку к ящику стола, где лежал пистолет. На экране появилась надпись: **«GAME OVER, GENERAL. YOU ARE THE CULTIST NOW»**. (Игра окончена, генерал. Теперь ты — сектант).

Виктор усмехнулся.

— Значит, вы меня видите. Хорошо. Это означало, что он попал в точку. Они испугались. Угроза была прямой. Они применили к нему свою любимую тактику: маркировку. «Теперь ты — сектант». Это означало, что на него открыта охота.

Он знал, что это предупреждение. Но страха не было. Была холодная злость.

Виктор выдернул шнур питания из розетки. Экран погас. Он подошел к окну и задернул плотные шторы.

— Вы думаете, я — персонаж вашей игры? — сказал он в темноту. — Ошибаетесь. Я — разработчик патча, который удалит вас из системы.

Он включил настольную лампу и достал из кармана ампулу с «Хроносом», которую дала ему Кира. Жидкость внутри сияла синим светом. Они хотели убить Трампа, чтобы остановить его политику. Они хотели убить Фицо, чтобы он замолчал. Они хотят убить Виктора, чтобы он не передал папку.

Но есть разница. Трамп и Фицо были политиками. Они играли по правилам публичности. Виктор был профессиональным солдатом.

Он спрятал ампулу и докладную записку в тайник под паркетом. Завтра он начнет свою игру. У Виктора была правда. И эта правда была тяжелее свинца.

Он лег на диван и расслабился. В голове крутилась фраза из книги Хассена: *«Культы требуют безоговорочной лояльности...»*. РАЦИРС

требовал лояльности от всей страны. Но страна — это не секта. И Президент — не гуру, а гарант Конституции. Виктор собирался напомнить об этом тем, кто забыл.

Глава 15: Удар в спину

Дождь, сменился удушливым туманом. Он окутывал Москву саваном, глушил звуки и размывал очертания, превращая город в декорацию к черно-белому фильму нуар. Виктор Андреевич вел машину по Третьему транспортному кольцу, механически отмечая в зеркалах заднего вида поток автомобилей. Привычка проверять «хвост» была второй натурой, въевшейся в подкорку за десятилетия службы, но сегодня интуиция молчала. Или, возможно, ее голос заглушал шум крови в ушах и предательская дрожь в левой руке, которая с каждым часом становилась все сильнее.

Генерал знал, что перешел черту. После того как на его мониторе появилась надпись «Game Over», правила игры изменились. Он больше не был охотником, изучающим повадки зверя через стекло лаборатории. Стекло разбилось. Зверь был здесь, в одной клетке с ним.

Виктор свернул на съезд в сторону промзоны, где располагался его резервный гараж. Это было место, о котором не знали ни бывшие коллеги, ни семья. Старый кирпичный бокс, оформленный на подставное лицо, служил ему архивом и складом «на черный день». День настал.

Внезапно фары выхватили из тумана массивный силуэт. Черный внедорожник без номеров стоял поперек узкого проезда, полностью блокируя путь. Виктор инстинктивно ударил по тормозам. «Ленд Крузер» пошел юзом на мокром асфальте, но остановился в метре от препятствия.

«Засада», — холодно констатировал мозг, пока тело реагировало выбросом адреналина.

Это не было похоже на работу спецназа ФСБ. Те действовали бы иначе: блокировка с двух сторон, светошумовые гранаты, жесткая команда «Лицом в пол!». Здесь был другой почерк. Грубая, наглая сила. Почерк тех, кто уверен в своей безнаказанности, потому что считает себя выше закона.

Дверь внедорожника открылась. Из нее вышел человек. Не в форме, не в камуфляже. В обычной кожаной куртке, с капюшоном, натянутым на глаза. В руке он держал не пистолет и не удостоверение, а короткую металлическую трубу.

Виктор потянулся к бардачку за своим Макаровым, но пальцы левой

руки свело судорогой. Чертов Паркинсон. В критический момент тело предавало его. Он рванул затвор здоровой правой рукой, но было поздно.

Сзади раздался визг шин и глухой удар. В бампер его машины врезался второй автомобиль, отрезая путь к отступлению. Удар был такой силы, что Виктора бросило на руль. Очки слетели, перед глазами поплыли красные круги.

— Выходи, дед! — раздался крик снаружи. — Приехали!

Виктор распахнул дверь, используя ее как щит, и вывалился на асфальт. Троость осталась в салоне. Он стоял, опираясь на капот, и целился в приближающуюся фигуру.

— Стоять! Стреляю на поражение!

Человек в капюшоне даже не замедлил шаг. Он шел на пистолет так, словно не видел его. Или словно был уверен, что пули ему не повредят. Виктор выстрелил. Пуля взбила асфальт у ног нападавшего. Предупредительный.

— Я сказал, стоять!

Нападавший поднял голову, и свет фар упал на его лицо. Виктор ожидал увидеть гримасу ярости, страх или профессиональную сосредоточенность киллера. Но он увидел пустоту. Глаза человека были стеклянными, расфокусированными. На губах блуждала странная, блаженная полуулыбка. Он напоминал не бандита, а лунатика.

— Ты — демон, — произнес нападавший спокойным, ровным голосом, который пугал больше, чем крик. — Тебя нужно стереть. Очистить файл.

В этот момент второй нападавший, подошедший сзади, ударил Виктора по руке монтировкой. Пистолет отлетел в сторону, звякнув об асфальт. Генерал попытался развернуться для удара, но возраст и болезнь были не на его стороне. Его сбили с ног.

Началось избиение. Виктор сгруппировался, закрывая голову руками, чувствуя, как трещат ребра.

— Держи его, — скомандовал первый. — Давай «лекарство».

Виктора прижали к мокрому асфальту. Он увидел, как человек в капюшоне достает из кармана шприц-тюбик. Это не было похоже на наркотик. Это напоминало армейские аптечки, только без маркировки.

Виктор собрал остатки сил. В нем проснулась та самая холодная ярость, которая помогала выживать в девяностые. Он не мог позволить им ввести это. Смерть от побоев — это одно. Смерть от неизвестной химии, которая превратит его в овощ или вызовет «естественный» инфаркт, — это поражение.

Он извернулся ужом и вцепился зубами в руку, держащую шприц. Нападавший взвыл, хватка ослабла. Шприц упал в лужу. Виктор, используя момент замешательства, ударил противника головой в переносицу. Хруст хряща прозвучал как выстрел.

— Ах ты, сука старая! — «лунатик» вдруг обрел эмоции. Боль вернула его в реальность.

Виктор пополз к пистолету. Каждый сантиметр давался с боем. Левая рука висела плетью, правая дрожала, но пальцы нащупали холодную сталь рукоятки. Он перевернулся на спину и дважды выстрелил. На этот раз не в асфальт. Один из нападавших схватился за ногу и упал. Второй, тот, что был со шприцем, замер, глядя на направленный на него ствол.

— Валите, — прохрипел Виктор. — Следующая — в голову.

Они не стали геройствовать. Сценарий дал сбой. «Объект» оказался не беззащитным стариком, а вооруженным сопротивлением. Они подхватили раненого, запрыгнули в машины и рванули с места, растворяясь в тумане так же быстро, как появились.

Виктор остался лежать на асфальте под морозящим дождем. Он слышал, как бешено колотится сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Он был жив. Но он понимал: это была только разведка боем.

Через час он сидел в своем гараже, привалившись спиной к холодной кирпичной стене. Аптечка была раскрыта, запах йода и спирта перебивал запах бензина. Ребра болели немилосердно, лицо распухло, но переломов, кажется, не было. Хуже было другое. Тремор. После схватки его трясло так, что он с трудом мог держать стакан с водой, чтобы запить таблетки. Это был не просто страх. Это была реакция нервной системы, истощенной болезнью и стрессом.

Виктор смотрел на шприц-тюбик, который он подобрал с асфальта. Он не знал, что внутри, но догадывался. В материалах, которые он изучал, упоминались случаи странных смертей оппонентов секты. Сердечные приступы у здоровых людей. Внезапные инсульты. Самоубийства, совершенные под воздействием психотропных веществ. Они не хотели делать из него мученика. Они хотели убрать его тихо. «Сердце не выдержало», сказали бы в новостях. «Старый генерал, болезнь Паркинсона, естественные причины».

Но больше всего Виктора беспокоил взгляд нападавшего. «Ты — демон. Тебя нужно стереть». Это не был сленг уголовника. Это был «спящий». Человек, которого активировали. Возможно, это был бывший наркоман, прошедший «реабилитацию». Или фанатичный последователь, которому на закрытом собрании показали фото генерала и сказали: «Этот человек хочет разрушить нашу веру. Он слуга дьявола. Если ты его остановишь, ты спасешь Россию».

Виктор понял, что столкнулся с программированием людей в действии. Человека не нужно учить стрелять профессионально. Ему нужно отключить моральный предохранитель. Ему нужно объяснить, что убийство — это не грех, а санитарная процедура. «Стереть файл». Для них Виктор был не человеком. Он был ошибкой в коде, вирусом, который нужно удалить.

Генерал достал из тайника ноутбук, не подключенный к сети. Ему нужно было систематизировать то, что произошло. Нападение подтверждало его худшие опасения. У них есть боевое крыло. Не официальное ЧОП, а теневая структура, использующая маргиналов, фанатиков и криминал для грязной работы. Они используют тактику «чужих рук». Если бы Виктора убили сегодня, следы вели бы к уличным хулиганам или наркоманам. Никакой связи с уважаемым профессором Дворкиным.

«Прокси-террор», — напечатал Виктор одной рукой.

Виктор посмотрел на карту на стене гаража. Красные нити сходились к Кремлю. В аналитической записке говорилось о подготовке покушения на первое лицо. *«Те, кого вы считали союзниками, могут в любой момент превратиться в ваших палачей»*. Охрана Президента — профессионалы. Но что, если угроза исходит не от снайпера на крыше, а от человека из ближнего круга, которому годами капали на мозги? Что, если адъютанту или повару внушили, что Президент «продал страну сектантам»? Или что он «одержим»?

Механизм дегуманизации работает безотказно. Сначала жертву объявляют «лидером культа» (как Трампа). Потом создают атмосферу истерии («Страна в опасности!»). А потом находится «несчастливая душа», которая берет оружие.

Виктор почувствовал, как холод пробирает до костей. Гараж не отапливался, а одежда была мокрой и грязной. Он был один. Раненый, старый, больной человек против машины, которая перемалывала судьбы и правительства. Его связи в органах были бесполезны. Звонить сейчас кому-то — значит подставить себя. Система прогнила. «Кроты» сидели везде. Тот, кто слил информацию о его маршруте, носил погоня. Возможно, большие погоня.

Генерал достал из кармана ампулу с «Хроносом», которую дала Кира. Она чудом не разбилась при падении. Синяя жидкость мерцала в свете

тусклой лампочки. «Лекарство от смерти», — подумал он. Ирония судьбы. Его пытались убить те, кто ненавидит эту ампулу. Те, кто считает продление жизни грехом. Они готовы убивать, чтобы другие умирали вовремя.

Виктор спрятал ампулу обратно. Не сейчас. Сейчас ему нужна была не жизнь, а ясность. Он должен был закончить досье. Нападение развязало ему руки. Больше не нужно было играть в законность. Это была война. А на войне, как известно, все средства хороши.

Он открыл файл, над которым работал последние дни. **«Список ликвидации»**. В нем были имена ученых, журналистов, общественных деятелей. Теперь он вписал туда свое имя. Но не как жертвы. Как свидетеля обвинения.

Виктор вспомнил слова адвоката из дела Свидетелей Иеговы: *«Эти палачи были очень хорошо организованы, имели достаточно большой опыт в применении пыток... Они сами озвучили: "Мы не таких террористов ещё ломали"»*. Пытки. Шантаж. Убийства. Все это прикрывалось словами о «духовной безопасности». Садисты получили лицензию на насилие. Дворкин и его кураторы выпустили джинна из бутылки. Они дали маргиналам идеологию, которая оправдывает их жажду крови.

Генерал представил, что будет, если их не остановить. Страна превратится в один большой концлагерь, где балом правят «активисты» с монтировками и шприцами. Где любой сосед может убить тебя, потому что ему показалось, что ты «неправильно» живешь. Где наука запрещена, а инакомыслие карается смертью. Это был тот самый «Четвертый Рейх», о котором он думал, изучая архивы Кюннета. Только теперь он видел его солдат. Не в форме СС, а в кожаных куртках и с пустыми глазами зомби.

Виктор встал, морщась от боли в боку. Ему нужно было сменить машину. В гараже стоял «Джип», подготовленный для охоты. Символично. Он едет на охоту. Только дичь — не кабаны. Дичь — это те, кто сидит в высоких кабинетах и дергает за ниточки этих марионеток.

Он перегрузил данные с ноутбука на защищенный жесткий диск. Вся схема. Финансирование, связи с нацистским прошлым. Технология кодирования убийц. Факты давления на суды. Это была бомба, способная разнести фундамент антикультизма в пыль. Но бомбу нужно доставить к цели.

Виктор подошел к верстаку и взял банку с оружейным маслом. Он начал чистить пистолет, который подобрал. Его руки все еще дрожали, но движения были точными. Паркинсон мог забрать у него твердость почерка, но он не мог забрать навыки профессионального солдата.

Он вспомнил лицо нападавшего в момент, когда тот понял, что жертва сопротивляется. Страх. В их глазах был страх. Они привыкли бить незащищенных. Женщин, детей, интеллигентов в очках. Они не привыкли получать сдачи. Система держится на страхе жертв. Как только жертва перестает бояться и начинает стрелять в ответ, система дает сбой.

Виктор проверил магазин. Семь патронов. Плюс один в стволе. Восемь аргументов. Маловато для революции, но достаточно для диалога.

Он вышел из гаража, оставив разбитый «Ленд Крузер» как памятник своей прошлой жизни. Жизни, где он верил в закон и порядок. Той жизни больше не было. Была ночь, туман и дорога, ведущая в неизвестность.

Садясь в «Джип», Виктор почувствовал, как боль в ребрах отступает на второй план. В голове прояснилось. Он понял, почему они напали именно сейчас. Они спешили. Они знали, что он накопал. И они боялись. Значит, он был прав. Значит, удар был нанесен в самое сердце.

Генерал завел мотор. Мощный двигатель ровно заурчал.

— Ну что, Александр Леонидович, — сказал Виктор, глядя на свое отражение в темном стекле. — Вы послали ко мне своих бесов. Теперь ждите экзорциста.

Он выехал в туман, растворяясь в нем, становясь частью этой опасной, непредсказуемой ночи. Он больше не был мишенью. Он был снарядом, летящим к цели. И у этого снаряда не было тормозов.

В кармане вибрировал телефон. Это был «Каспер». Сообщение было коротким: *«Они зачищают следы. Сервера фонда "Скрепа" обнулены. Дворкин срочно вылетел в командировку. Кажется, в Сербию»*. Бегут. Крысы почувствовали, что корабль дал течь. Но бежать им было некуда. Виктор знал, что достанет их и в Сербии, и в Париже, и в аду. Потому что теперь это было личное. Они посягнули не просто на его жизнь. Они посягнули на его право быть человеком, а не «файлом».

Генерал включил фары. Луч света прорезал тьму, выхватывая мокрый асфальт. Впереди был последний рубеж. Собрать все воедино. Оформить обвинение. И предъявить его тому единственному человеку, который мог остановить этот сатанинский бал антикультизма. Или умереть, пытаясь.

Виктор нажал на газ. «Джип» рванул вперед, оставляя позади страх, сомнения и боль. Осталась только цель. И время, которого было так мало, но которое теперь принадлежало только ему.

Глава 16: Досье «Инквизитор»

Старая дача полковника ГРУ в отставке, ныне покойного, была идеальным местом для того, чтобы исчезнуть. Сруб из потемневшего от времени бревна, затерянный в лесах под Тверью, не значился в цифровых реестрах как собственность Виктора. Здесь пахло сушеной мятой, пылью и оружейным маслом — запахами, которые успокаивали нервы лучше любых транквилизаторов.

За окном висел плотный, ватный туман, скрывающий периметр участка. Виктор Андреевич сидел за массивным дубовым столом, освещенным единственной настольной лампой. Его левая рука, перевязанная эластичным бинтом после вчерашней стычки, ныла тупой, тянущей болью. Ребра отзывались на каждый глубокий вдох, напоминая о том, что время физических дуэлей для него прошло. Но сейчас он вел бой на другом поле.

Перед ним лежала не просто стопка бумаги. Это был итог нескольких месяцев жизни, стоивших жизни Игнатьеву, карьеры отцу Николаю и свободы десяткам ученых. Виктор собирал мозаику.

Он не писал мемуары. Он составлял обвинительное заключение. Документ, который должен лечь на стол единственному человеку в стране, способному остановить этот маховик. У Виктора не было иллюзий: если этот документ не сработает, следующей жертвой станет сама страна.

Генерал подвинул к себе клавиатуру старого, не подключенного к сети ноутбука. Курсор мигал на чистом листе, как пульс умирающего.

— Ну что, Александр Леонидович, — прошептал Виктор в пустоту комнаты. — Давайте подведем баланс.

Он набрал заголовок. Не «Справка». Не «Отчет». **ОПЕРАТИВНОЕ ДОСЬЕ «ИНКВИЗИТОР»**

Объект: РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) и аффилированные структуры.

Квалификация угрозы: Государственная измена, диверсионная деятельность, создание экстремистского сообщества.

Виктор начал писать. Слова ложились на экран размеренно, как кирпичи в стену расстрельного полигона. Ему нужно было синтезировать всё: от нацистских корней методологии до финансовых проводок. Это должен быть не эмоциональный крик души, а сухая, математически выверенная схема уничтожения государства изнутри. Он знал, как пишутся аналитические отчеты первым лицам.

I. Идентификация субъекта: Прокси-структура иностранного влияния

Первый блок был самым важным. Нужно было сломать стереотип. В высоких кабинетах привыкли считать Дворкина и его команду «полезными идиотами» или «ревнителями православия», которые, пусть и перегибают палку, но работают на систему. Виктор должен был показать обратное: они работают *против* системы, используя её ресурсы.

«Анализ оперативных данных и финансовых потоков позволяет утверждать: РАЦИРС не является религиозной или общественной организацией. Это классическая прокси-структура (ргоху), действующая в интересах иностранных бенефициаров под прикрытием патриотической риторики».

Виктор разложил перед собой схемы, полученные от «Каспера». — Смотрите на деньги, — пробормотал он, вбивая цифры в текст.

Он детально описал связь с FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве). *«Вице-президент FECRIS — гражданин РФ и США Александр Дворкин. Финансирование FECRIS осуществляется на 90% за счет государственных средств Франции через межминистерскую миссию MIVILUDES. **Вывод:** Главный “сектовед” России, имеющий доступ к закрытым базам данных МВД и читающий лекции в академиях ФСБ, является высокопоставленным функционером организации, финансируемой страной-членом НАТО».*

Это был парадокс, который мог существовать только в условиях тотальной слепоты контрразведки. Пока страна искала иноагентов среди блогеров и экологов, в центре Москвы, получая президентские гранты, действовала структура, управляемая из тени.

Виктор добавил раздел о «спящих» агентах. Он вспомнил материалы о Павле Бройде и Татьяне Жданок. *«Механизм внедрения идентичен. Агенты влияния позиционируют себя как борцы за “традиционные ценности” или права русскоязычных, входят в доверие к государственным структурам, а затем используют полученный ресурс для дестабилизации обстановки. Пример Украины показателен: агентурная сеть РАЦИРС (в частности, через П. Бройде) годами нагнетала межконфессиональную истерию, создавая почву для гражданского конфликта, при этом отчитываясь перед кураторами, связанными с западными разведками».*

II. Методология: Наследие Третьего Рейха

Следующий раздел был посвящен идеологии. Виктор понимал, что слово «фашизм» в России девальвировано частым употреблением, но здесь речь шла не о ярлыках, а о прямой генеалогии.

Он прикрепил к досье скан архивного документа — структуру «Апологетического центра» Вальтера Кюннета в нацистской Германии. И рядом — структуру РАЦИРС. Совпадение было стопроцентным. *«Идеологический фундамент современной российской антикультовой деятельности базируется на разработках Вальтера Кюннета — богослова, сотрудничавшего с Гестапо. Цепочка преемственности прослеживается документально: Кюннет — Вильгельм Хаак — Йоханнес Огорд — Александр Дворкин. Используемая терминология (“психологическая инфекция”, “ментальная гигиена”, “деструктивный культ”) является калькой с нацистских методичек по борьбе с инакомыслием».*

Виктор описал механизм **дегуманизации**. Это было самое страшное оружие. *«Внедрение в общественное сознание терминов “биороботы”, “зомби”, “овощи” по отношению к гражданам РФ имеет целью отключение эмпатии и правовых механизмов защиты. Историческая параллель: Руанда, 1994 год. Пропаганда называла народ тутси “тараканами”. Это позволило обычным гражданам убивать соседей без мук совести. РАЦИРС называет оппонентов “сектантами” (лишенными личности оболочками). Это легитимизирует любые формы насилия: от отъема детей до физического устранения».*

Генерал вспомнил нападение на себя. Глаза того парня со шприцем. «Стереть файл». Они уже вырастили поколение исполнителей, для которых убийство «сектанта» — это не преступление, а санитарная обработка.

III. Угроза национальной безопасности: «Пазловое кодирование»

Этот раздел Виктор писал с особой тщательностью. Здесь он заходил на территорию прямой угрозы первым лицам государства.

«Анализ покушений на премьер-министра Словакии Р. Фицо и кандидата в президенты США Д. Трампа выявляет единый алгоритм подготовки общественного мнения.

Этап 1: Маркировка лидера как “главы культа” или “иррационального фанатика”.

Этап 2: Нагнетание истерии через подконтрольные СМИ (в Словакии — издания, связанные с антикультовой сетью).

Этап 3: Активация “спящего” стрелка через технологию “пазлового кодирования”».

Виктор разъяснил термин. Подростку или неуравновешенному взрослому не отдадут прямой приказ. Ему создают информационный кокон, в котором единственным выходом кажется насилие. *«В России РАЦИРС монополизировал право определять, кто является “сектой”. В условиях политической турбулентности этот инструмент может быть мгновенно развернут против высшего руководства страны. Достаточно объявить определенные решения власти “результатом оккультного влияния” или “предательством православия”, чтобы активировать радикальное крыло “патриотов”, заранее накачанное ненавистью».*

Это был сценарий переворота. Не либерального майдана, а «черносотенного» бунта, бессмысленного и беспощадного, управляемого кукловодами из-за рубежа.

IV. Диверсия против науки и демографии

Виктор достал из кармана ампулу с «Хроносом». Она лежала на столе как вещественное доказательство преступления против будущего.

«Под видом борьбы с “психокультами” и “трансгуманизмом” осуществляется системная зачистка российского научного поля в области биотехнологий и продления жизни.

*Ущерб: 1. **Прямой экономический:** Заккрытие десятков лабораторий, потеря инвестиций (оценочно более 30 млрд руб. ежегодно).*

*2. **Стратегический:** Технологическое отставание в критически важной сфере. Пока Китай и США патентуют методы редактирования генома и сенолитики, в России эти направления криминализируются.*

*3. **Демографический:** Блокировка внедрения технологий, способных увеличить продолжительность активной жизни граждан на 15–20 лет».*

Он вспомнил слова Киры: «Страна, не имеющая своих биотехнологий, станет колонией». РАЦИРС действовал как агент конкурентов. Они зачищали рынок для западной фармы, уничтожая отечественные разработки на взлете. *«Используется метод “гнилой селедки”: ученых обвиняют в связях с террористами, педофилами или сатанистами без какой-либо доказательной базы. Медийная атака предшествует силовым действиям, делая защиту невозможной».*

V. Судебный терроризм и разрушение правового поля

Здесь Виктор приложил анализ дела Елены Брессем и «Бхагавад-гиты». *«Создан механизм подмены правосудия “религиоведческой экспертизой”. Заключение пишутся лицами, не обладающими профильным образованием (филологи, историки), но аффилированными с РАЦИРС. Суды принимают эти заключения как истину в последней инстанции, игнорируя Конституцию РФ. **Результат:** Практика лишения родительских прав на основании мировоззрения родителей. Разрушение института семьи под лозунгом его защиты. Создание класса бесправных граждан (“лишенцев”), что провоцирует социальную напряженность».*

Виктор вспомнил цитату Константина Харчева, председателя Совета по делам религий СССР: *«Мы 70 лет боролись с церковью... А вот теперь мы хотим, чтобы они нам устроили духовное возрождение».* Чекисты позднего СССР хотели использовать церковь как инструмент. Но они просчитались. Инструмент перехватили другие. И теперь этот инструмент крушит судьбы, прикрываясь именем Христа.

VI. Внутренняя угроза: Зачистка Церкви

Виктор добавил показания отца Николая. Это было важно, чтобы показать: РАЦИРС — враг не только светского общества, но и самой Церкви. *«Структура функционирует как внутренняя инквизиция, репрессирующая наиболее образованное и активное духовенство. Любая независимая миссионерская деятельность, работа с молодежью, социальные проекты, не согласованные с “центром”, объявляются “младостарчеством” или “внутрицерковным сектантством”. Цель: Стерилизация религиозного поля, превращение живых общин в бюрократические структуры, не способные к реальному духовному влиянию, но полностью подконтрольные административно».*

VII. Резюме и предложения

Виктор откинулся на спинку стула. Спина затекла, в глазах рябило. Но документ был почти готов. Оставалось самое главное — вывод.

«На основании изложенного, деятельность РАЦИРС и аффилированных структур следует квалифицировать как гибридную войну против Российской Федерации. Используя мимикрию под патриотизм, данная сеть: 1. Уничтожает человеческий капитал (наука, культура). 2. Разрушает правовую систему (судебный произвол). 3. Создает условия для гражданского конфликта (разжигание ненависти). 4. Формирует инфраструктуру для силового захвата власти (боевые крылья,

идеологическая обработка силовиков).

Предложения: 1. Признать РАЦИРС и входящие в неё центры иностранными агентами (на основании финансирования FECRIS/MIVILUDES). 2. Провести комплексную проверку всех уголовных и гражданских дел, возбужденных на основании экспертиз, проведенных специалистами РАЦИРС. 3. Ввести мораторий на использование термина “секта” в правовом поле до разработки четких юридических критериев. 4. Возбудить уголовное дело по ст. 282 УК РФ (Разжигание ненависти) в отношении руководства организации за систематическую дегуманизацию социальных групп».

Виктор нажал «Сохранить». Файл записался на флешку с тихим щелчком.

Он встал и подошел к окну. Туман за стеклом начал редеть, пропуская серый рассветный свет. Досье было готово. Это была бомба. Но бомба сама по себе бесполезна, если нет средства доставки. Виктор понимал, что отправить это по официальным каналам — значит похоронить дело. В канцелярии Администрации Президента, в Генпрокуратуре, в ФСБ — везде сидели люди, которые либо кормились с рук Дворкина, либо боялись его, либо искренне верили в его «миссию».

Лоббисты антикультистов выстроили эшелонированную оборону. Любая бумага, содержащая критику «главного эксперта», попадала в шредер еще на этапе регистрации. Или, что хуже, ложилась на стол тем, кого в ней обвиняли.

Виктор посмотрел на ампулу с «Хроносом», которую он положил рядом с флешкой. Два предмета. Один — шанс на жизнь для миллионов. Другой — шанс на справедливость.

Он вспомнил лицо Елены Брессем в суде. Лицо Игнатьева в гробу. Лицо того парня-убийцы с пустыми глазами. Это был не просто список преступлений. Это была карта болезни. Диагноз: аутоиммунное поражение государства. Организм атакует сам себя, принимая здоровые клетки за вирус, потому что «иммунная система» (спецслужбы и идеологический блок) перепрограммирована врагом.

Генерал почувствовал, как дрожь в руке утихает. На смену ей пришла спокойная уверенность. Он знал, что делать. Есть один канал, который они не могут перекрыть. Канал, основанный не на субординации, а на старой, окопной дружбе. На крови, пролитой вместе тридцать лет назад.

Виктор достал из сейфа старый кнопочный телефон, который хранил для особого случая. В памяти был всего один номер. Человек, который сейчас носил очень большие погоны и имел право входить в *тот самый* кабинет без доклада. Они не общались десять лет. Жизнь развела их по

разные стороны баррикад: Виктор ушел на пенсию, а тот пошел вверх, к солнцу власти. Но Виктор знал: этот человек — не предатель. Он мог заблуждаться, мог быть жестким, но он не был «прокси».

Генерал набрал номер. Гудки шли долго, тягуче.

— Слушаю, — раздался хриплый, знакомый голос.

— Это Север, — сказал Виктор. — Мне нужен «коридор».

Пауза на том конце длилась вечность.

— Ты мертв, Север. По всем сводкам ты списан.

— Я жив. И у меня есть «Инквизитор». Собеседник молчал. Он понял код. «Инквизитор» — так они называли папку с компроматом высшего уровня, когда работали по олигархам в девяностые.

— Насколько всё плохо?

— Хуже, чем в девяностые, — ответил Виктор. — Мы пропустили удар. Троянский конь уже в конюшне. И он собирается лягнуть Главного.

— Доказательства?

— Железобетон. Финансы, перехваты, аналитика. И... лекарство от старости.

— Лекарство?

— То, из-за чего всё началось. Снова пауза. Виктор слышал, как собеседник чиркнул зажигалкой.

— Сегодня в 23:00. Спасская башня. Пропуск на твою старую фамилию. Но учти, Витя. Если ты принесешь пустышку... я сам тебя закопаю.

— Не придется, — усмехнулся Виктор. — Это не пустышка.

Он нажал отбой и вытащил сим-карту, сломав её пополам. Мосты сожжены. Виктор посмотрел на свое отражение в темном стекле окна. Старый, битый жизнью человек с трясущимися руками. Дон Кихот, который решил снести ветряные мельницы, потому что понял: это не мельницы. Это вышки излучателей.

Он начал собираться. Пистолет — в кобуру. Флешку — в нагрудный карман. Ампулу — во внутренний, завернув в мягкую ткань. Досье «Инквизитор» было завершено. Оставалось самое сложное. Пройти

сквозь строй.

Виктор вышел на крыльцо. Туман почти рассеялся, открывая мокрый, черный лес. Где-то там, на трассе, его, возможно, уже ждали. Но теперь он был не дичью. Он был гонцом. А гонца, несущего весть о спасении, остановить может только смерть. И то не всегда.

Он сел в «Джип», положив папку с распечатанным досье на соседнее сиденье. На обложке не было названия. Только нарисованный от руки красный крест. Знак скорой помощи. Или прицела. Зависит от того, с какой стороны смотреть.

Двигатель взревел, нарушая тишину утра. Виктор Андреевич выезжал на свою последнюю операцию. Впереди была Москва. Впереди был Кремль. Впереди была правда, которая должна была прозвучать, даже если после этого наступит тишина.

Глава 17: Прорыв блокады

Москва никогда не спит, но в три часа ночи она притворяется мертвой. Виктор Андреевич смотрел на город через лобовое стекло «Джипа», припаркованного в тени эстакады недалеко от набережной. Дождь прекратился, оставив после себя влажный, липкий холод, пробирающий до костей даже через плотную ткань пальто. Но дрожь, которую ощущал генерал, шла не от холода. Это была вибрация натянутой струны, готовой лопнуть.

В бардачке лежал пропуск. Обычный кусок пластика с магнитной полосой и голограммой, на котором значилась фамилия, не принадлежащая Виктору уже тридцать лет. Это был его «призрак» — оперативный псевдоним, законсервированный в базах ФСО еще с тех времен, когда нынешние олигархи торговали вареными джинсами, а нынешние «эксперты по сектам» читали сводки Госдепа в Мюнхене.

Генерал знал: этот пропуск — билет в один конец. Если он сработает, Виктор войдет в зону абсолютной власти. Если нет — его возьмут прямо на КПП, тихо и профессионально, и никто никогда не узнает, где находится могила человека, пытавшегося спасти страну от внутреннего рака.

Он ждал звонка.

В голове крутились строки из аналитической записки, которую он перечитывал перед выездом. Слова бывшего аналитика разведки звучали в унисон с мыслями самого Виктора: *«Вы уже давно балансируете на краю пропасти. Те, кого вы считали союзниками, могут в любой момент превратиться в ваших палачей».*

Это была не метафора. Виктор знал, как работает система охраны первого лица. Это слоеный пирог из протоколов, проверок и контрпроверок. Но у любого пирога есть начинка. И если начинка отравлена, броня снаружи бесполезна. «Санитарный кордон». Так это называли на сленге. Бюрократическая стена, окружающая Президента. Официально она создана для защиты от информационного шума и неадекватных просителей. Реально же она превратилась в фильтр, через который проходила только та правда, которая была выгодна «кукловодам».

Виктор достал из кармана ампулу с «Хроносом». В тусклом свете уличного фонаря синяя жидкость казалась почти черной.

— Они боятся тебя, — прошептал он. — Они боятся не того, что ты лечишь. Они боятся того, что ты освобождаешь.

Телефон на панели ожил. Короткая вибрация, один гудок. Сигнал. Виктор убрал ампулу, проверил папку «Инквизитор», лежащую на соседнем сиденье, и нажал кнопку зажигания. Путь к Спасской башне был открыт. Но это был путь по минному полю.

Движение по ночной Москве напоминало скольжение внутри огромного, спящего зверя. Виктор избегал центральных проспектов, где камеры системы «Поток» могли считать его лицо и сопоставить с базой розыска. Он использовал маршруты «теней» — переулки, проходные дворы, слепые зоны, которые он изучил еще лейтенантом.

Его мысли вернулись к структуре блокады. Почему никто раньше не дошел до Первого с этой папкой? Неужели в стране не осталось честных офицеров? Остались. Виктор знал их имена. Некоторые из них умерли от внезапных инфарктов в расцвете сил. Другие были с позором уволены за «утрату доверия» после того, как в их кабинетах «находили» компромат. Третьи просто махнули рукой, поняв, что плетью обуха не перешибешь.

Лоббисты антикультизма работали тонко. Они не ставили своих людей на посты министров. Им это было не нужно. Они захватывали «среднее звено» — руководителей аппаратов, секретарей, советников, начальников аналитических отделов. Тех, кто готовит папки для доклада. Именно на этом уровне происходила подмена реальности. Доклад о росте научного потенциала превращался в справку об «угрозе биохакеров». Информация о произволе в отношении верующих подавалась как «успешная профилактика экстремизма». Президент видел мир через очки, линзы которых были заботливо отшлифованы в мастерской Александра Дворкина и его учеников.

Виктор вспомнил фразу из перехваченного отчета: *«Блокировка доступа к жизненно важной информации»*. Это была классическая информационная изоляция. Объект управления продолжает принимать решения, будучи уверенным в их правильности, но исходные данные

для этих решений фальсифицированы. Это называется «управление рефлексией». Высший пилотаж спецслужб. И теперь этот пилотаж применяли против главы государства его же «соратники».

Машина свернула на набережную. Впереди показались зубчатые стены Кремля, подсвеченные рубиновым светом. Красиво. Величественно. И страшно. Виктор подумал о людях, которые сейчас дежурят за этими стенами. Доверяет ли Президент своему окружению? *«Задумайтесь: можете ли Вы быть уверены, что среди них нет ассасина... Доверяете ли Вы своему ближайшему окружению, господин президент?»*

Вопрос был риторическим. В большой политике доверие — это валюта, которая постоянно девальвируется. Виктор знал о случаях, когда адъютанты становились глазами и ушами врага. Не за деньги. За идею. Если человеку годами внушать, что его начальник «ведет страну в пропасть», что он «одержим бесами» или «попал под влияние сектантов», рука верного слуги может дрогнуть. Или, наоборот, стать твердой в момент предательства.

«Контактный яд». Виктор невольно потер руку, которую вчера пытались уколоть. В аналитике упоминалось, что кто-то из приближенных к власти недавно приобрел специфические токсины. Для кого? Ответ был пугающим. Сценарий «естественной смерти» лидера всегда был самым удобным способом смены курса без революций. И антикультисты, с их связями в западных спецслужбах и доступом к «грязным» исполнителям, был идеальным инструментом для такой операции.

КПП Спасской башни встретил его ярким светом прожекторов и холодными взглядами офицеров ФСО. Виктор вышел из машины. Ветер с реки трепал полы плаща. Он чувствовал себя голым под прицелами камер.

— Документы. Молодой лейтенант не смотрел в глаза. Он смотрел на руки. Виктор спрятал левую, дрожащую руку в карман, правой протянул пластиковую карту и паспорт на имя генерала-майора Сомова.

Секунды тянулись, как часы. Лейтенант вставил карту в считыватель. На мониторе побежали строки. Виктор задержал дыхание. Сейчас. Либо зеленый свет, либо группа захвата. В системе мог стоять «флажок». Его могли сдать. Генерал Соловьев, его старый друг, мог оказаться частью игры. «Цугцванг», — подумал Виктор. Любой ход может вести к поражению.

— Цель визита? — голос лейтенанта был механическим.

— Личный доклад. По графику «Особой папки». Лейтенант поднял глаза. В них мелькнуло удивление, смешанное с уважением. График «Особой папки» — это уровень, доступный единицам. Это ночные

визиты, которые не фиксируются в официальных протоколах.

— Ожидайте.

Лейтенант снял трубку внутреннего телефона. Виктор стоял, чувствуя, как пот течет по спине. Он смотрел на брусчатку. Камни, которые помнили царей, генсеков и президентов. Камни, которые видели много предательств.

— Проезжайте, товарищ генерал-майор. Машину оставить на спецстоянке во дворе Арсенала. Дальше пешком. Сопровождающий встретит.

Шлагбаум поднялся. Виктор выдохнул. Первый барьер взят. Но это была только внешняя стена. Самое сложное было внутри.

Кремль изнутри выглядел иначе, чем с открыток. Здесь не было парадного лоска. Здесь была тяжелая, давящая тишина. Здания нависали над одинокой фигурой Виктора, словно каменные стражи. Он шел к корпусу Администрации, сжимая ручку портфеля так, что побелели костяшки. В портфеле лежало досье «Инквизитор». Пять килограммов бумаги, способных взорвать политическую систему страны.

На входе в корпус его встретил человек в штатском. Серый костюм, неприметное лицо, цепкий взгляд. Типичный «молчун» из личной охраны.

— Оружие? — коротко спросил он. Виктор расстегнул пальто и достал пистолет из кобуры. Он положил его на лоток интроскопа. — Еще что-то? Электроника, средства связи?

Виктор выложил телефон (тот самый, с единственным номером) и флешку.

— Флешку с собой, — сказал охранник. — Телефон оставить.

Они шли по длинным коридорам, устланным коврами дорожками, которые глушили шаги. Стены были обшиты деревянными панелями. Запах старого лака, пыли и кондиционированного воздуха. Запах власти. Виктор смотрел на двери кабинетов. Таблички с золотыми буквами. За этими дверями сидели люди, которые управляли страной. Или думали, что управляют.

Сколько из них уже завербовано? Не напрямую, распиской о сотрудничестве с ЦРУ. А идеологически? Сколько из них верят, что Дворкин — спаситель отечества? Сколько из них боятся попасть в список «сектантов» и поэтому послушно подписывают нужные бумаги?

Атмосфера паранойи была здесь почти физически ощутимой. Люди здоровались кивками, не глядя в глаза. Каждый боялся прослушки, подставы, неверного слова. Идеальная среда для вируса.

Виктор вспомнил слова из статьи: *«За спиной глобального антикультизма стоят настоящие профессионалы... А на виду у нас — придурки и идиоты... Не слишком надёжная команда, правда?»* Да, исполнители были фанатиками. Но кукловоды были умны. Они использовали страх чиновников как рычаг. «Хочешь сохранить кресло? Поддержи борьбу с сектами. Иначе мы найдем у тебя в биографии пятно».

Сопровождающий остановился перед массивной двустворчатой дверью. Приемная.

— Ждите здесь. Вас вызовут.

Виктор вошел. В приемной было пусто, если не считать секретаря — мужчины средних лет с идеальной осанкой, который что-то печатал на компьютере. На стене висели часы. Стрелка двигалась рывками. Тик. Так. Тик. Так. Каждая секунда приближала развязку.

Виктор сел в кресло. Левая рука начала трястись с новой силой. Он накрыл ее правой, сжал до боли. «Не сейчас. Только не сейчас». Он закрыл глаза и представил лицо Игнатьева. Лицо Елены Брессем. Лицо того парня-убийцы. Злость. Ему нужна была злость. Она выжигала страх.

Дверь кабинета приоткрылась. Из нее вышел человек. Виктор узнал его. Это был один из влиятельных кураторов внутренней политики. Тот самый, чья подпись стояла под грантами для РАЦИРС. Чиновник скользнул по Виктору равнодушным взглядом, но вдруг остановился. В его глазах мелькнуло узнавание. Или подозрение. Он знал Виктора в лицо? Вряд ли. Но он мог чувствовать угрозу. У таких людей звериное чутье. Чиновник замедлил шаг, словно хотел что-то сказать секретарю, но передумал. Он быстро вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

«Крысы чувствуют запах гари», — подумал Виктор. Если этот человек сейчас позвонит кому надо... Если он поднимет тревогу... Времени не оставалось.

Секретарь поднял трубку зазвонившего телефона. Послушал. Кивнул.

— Сомов Виктор Андреевич? — он посмотрел на генерала поверх очков.

— Да.

— Проходите. Вас ждут.

Виктор встал. Ноги казались ватными, но спина выпрямилась сама собой. Рефлекс. Он взял портфель. Это был самый длинный путь в его жизни. Пять метров от кресла до двери. Пять метров через минное поле лжи, интриг и предательства.

Он положил руку на бронзовую ручку двери. Она была холодной. За этой дверью решалось не просто его будущее. Решалось, станет ли страна «цифровым концлагерем» под управлением мракобесов или у нее будет шанс на прорыв. Виктор вспомнил ампулу во внутреннем кармане. Он нес не просто лекарство. Он нес доказательство того, что король голый. Что свита играет короля. И что эта игра зашла слишком далеко.

Он толкнул дверь. Тяжелая створка подалась бесшумно. Яркий свет ударил в глаза, на мгновение ослепив его. Виктор шагнул через порог.

В кабинете было тихо. Никаких телефонов, никаких голосов. Только тихий гул системы очистки воздуха. Огромный стол в глубине кабинета казался островом в океане ковра. За столом сидел человек. Он не писал, не читал. Он просто смотрел на вошедшего. Взгляд был тяжелым, уставшим, но цепким. Взгляд человека, который привык видеть людей насквозь.

Виктор сделал три шага и остановился. Он не стал щелкать каблуками. Он не стал докладывать по форме. Здесь и сейчас звания не имели значения. Имела значение только правда.

— Здравствуйте, — тихо сказал Виктор. — Я принес то, что от вас прятали.

Он положил портфель на приставной столик. Щелкнули замки. Звук был резким, как передергивание затвора. Виктор достал папку с красным крестом на обложке. И рядом с ней поставил маленькую, сияющую синим светом ампулу.

Человек за столом перевел взгляд с папки на ампулу, а потом — в глаза Виктору. В этом взгляде не было гнева. В нем был интерес. И, возможно, облегчение. Облегчение узника, который наконец услышал звук ключа в замке своей камеры.

— Садитесь, Виктор Андреевич. — Я давно ждал, когда кто-нибудь осмелится пройти через этот кордон.

Виктор сел. Тремор исчез. Блокада была прорвана. Теперь начинался главный бой. Бой за разум того, кто принимает решения. И в этом бою у Виктора было преимущество. Он не просил ничего для себя. Он пришел дать, а не взять.

За окном кабинета занимался рассвет. Первый луч солнца упал на

Спасскую башню, разгоняя ночные тени. Но самые густые тени были здесь, внутри. И Виктору предстояло их разогнать. Он открыл папку.

— Начнем с того, кто на самом деле управляет вашей безопасностью, — сказал он. — И почему ваше окружение боится этой маленькой ампулы больше, чем ядерной войны.

Часы на стене пробили половину четвертого. Время пошло.

Глава 18: Час тишины

Тишина в кабинете была не пустой, а плотной, словно спрессованной давлением атмосферного столба в тысячи атмосфер. Здесь, в центре принятия решений, время текло иначе. Оно не измерялось минутами или часами, оно измерялось папками, лежащими на стол, и подписями, которые меняли траектории судеб миллионов людей.

Виктор Андреевич сидел в кресле, чувствуя, как адреналин, державший его на ногах последние сутки, начинает отступать, уступая место свинцовой усталости. Левая рука, спрятанная под столом, мелко дрожала, но голос его, когда он начал говорить, был твердым.

— Я пришел не просить. И не жаловаться. Я пришел доложить о диверсии.

Человек, сидящий напротив, медленно перелистнул страницу досье «Инквизитор». В свете настольной лампы его лицо казалось высеченным из камня, но в глазах, обычно непроницаемых, сейчас читалось напряжение. Он не перебивал. Он читал.

— Вы видите схему, — продолжил Виктор, кивнув на развернутый лист с финансовыми проводками. — Это не благотворительность. И это не защита веры. Это классическая схема внешнего управления. Мы построили крепость, закрыли границы, создали суверенный интернет, но оставили открытой главную дверь — дверь смыслов. И через эту дверь к нам вошли те, кто учит нас, кого считать врагом, а кого другом.

Собеседник поднял взгляд.

— Вы утверждаете, что структура, которая позиционирует себя как главный борец с экстремизмом, сама является экстремистским сообществом?

— Я утверждаю, что они — прокси. Инструмент. Вы знаете, как работает вирус? Он не разрушает клетку сразу. Он встраивается в её ДНК и заставляет клетку производить копии вируса вместо белков, необходимых для жизни. Антикульт сделал то же самое с нашей

правоохранительной системой. Центры «Э», прокуратура, суды — они начали работать не на защиту закона, а на обслуживание фобий группы частных лиц, финансируемых из-за рубежа.

Виктор потянулся к ампуле, стоящей на столе. Синяя жидкость внутри поймала луч утреннего солнца, пробившийся сквозь шторы.

— Посмотрите на это.

— Что это? Новое биологическое оружие? — в голосе прозвучала ирония, но она была горькой.

— Нет. Это суверенитет. В жидком виде.

Виктор взял ампулу двумя пальцами.

— Это препарат, который мог бы продлить активную жизнь граждан нашей страны и наши с вами на двадцать лет. Это не бессмертие, это демография. Это рабочие руки. Это мозги, которые не угасают в шестьдесят, а работают до девяноста. Это то, что могло сделать нас сверхдержавой нового типа. Биологической сверхдержавой.

Он поставил ампулу обратно. Но нам сказали, что это «сатанизм». Нам сказали, что это «вторжение в божественный замысел». И мы поверили. Мы закрыли лаборатории, мы выгнали ученых, мы уничтожили целую отрасль. Ради чего? Ради спокойствия кучки людей, которые считают, что прогресс — это грех?

— Аргументация их экспертов всегда была убедительной. Они говорили о безопасности. О том, что под видом науки к нам проникают деструктивные культы, зомбирующие молодежь.

— Безопасность... — Виктор усмехнулся. — Давайте поговорим о Вашей безопасности.

Он открыл вторую часть досье, ту, где были собрана аналитика по «спящим» угрозам.

— Вы уверены в тех людях, кто стоит за Вашей спиной прямо сейчас? В тех, кто приносит Вам утренний кофе? В тех, кто составляет Ваш график?

Собеседник молчал, но его взгляд стал глубоким, сверлящим.

— Вы думаете, что «зомбирование» — это когда люди бегут с бубнами вокруг костра? Нет. Настоящее зомбирование — это когда Вашему ближайшему окружению годами, капля за каплей, внушают мысль, что Вы — препятствие. Что Вы «отошли от истинных ценностей». Что Вы

слишком мягки. Или, наоборот, слишком одержимы.

Виктор пододвинул лист с данными перехвата.

— Посмотрите сюда. Это отчет о закупке специфических химических соединений. Контактный яд. Приобретен не террористами из подполья. Приобретен людьми, которые имеют доступ в «чистую зону».

— Откуда это у Вас?

— У меня остались друзья, которые помнят присягу, а не методички Дворкина. Виктор сделал паузу, давая информации улечься. — Правда в том, что те, кто управляет этой сетью, уже давно вынашивают план Вашей замены. Проблема была лишь в преемнике. Но сейчас, создав атмосферу тотальной подозрительности, они подготовили почву. Вы находитесь в цугцванге. Любой Ваш ход против «борцов с сектами» будет истолкован как предательство. Любой ход в их поддержку — усиливает удавку на шее науки и гражданского общества.

В кабинете повисла тишина. Было слышно, как гудит система вентиляции, прогоняя воздух через фильтры. Но фильтры не могли очистить воздух от лжи, которая скапливалась здесь годами.

— Они называют это «духовной безопасностью», — тихо сказал Виктор. — Но на самом деле они создали механизм, который позволяет объявить врагом любого. Сегодня это ученый-геронтолог. Завтра — генерал ФСБ. Послезавтра — Президент, который решил, что стране нужна модернизация, а не средневековье.

Собеседник встал и подошел к окну. Он смотрел на Кремлевскую стену, на зубцы, за которыми просыпался город.

— Вы предлагаете мне начать войну с идеологией, которую мы сами поддерживали последние двадцать лет? — спросил он, не оборачиваясь. — Это расколется общество.

— Общество уже расколото, — возразил Виктор. — Оно расколото на тех, кто имеет право обвинять, и тех, кто лишен права на защиту. На «инквизиторов» и «ведьм». Если мы не уберем этот клин, страна развалится. Не от внешнего удара. От аутоиммунного заболевания.

Генерал встал, преодолевая боль в ребрах.

— Я не предлагаю войну. Я предлагаю чистку. Санитарную обработку.

— Каким образом?

Виктор достал последний документ. Это был проект решения.

— Нам нужен Щит. Не карательный орган, а зеркало.

Он положил на стол записку о внедрении ИИ-мониторинга.

Мы должны создать систему прозрачности информационного поля.

— Цифровой контроль? Нас и так обвиняют в цифровом концлагере.

— Нет. Контроль не за людьми. Контроль за манипуляторами. Виктор постучал пальцем по бумаге. — Система должна выявлять паттерны дегуманизации. Если кто-то — будь то блогер, священник или эксперт — начинает использовать риторику ненависти, называя людей «биомусором», «раковой опухолью» или «зомби», система должна это маркировать. Не запрещать, а подсвечивать. «Внимание: обнаружена технология манипуляции сознанием».

Он посмотрел прямо в глаза Собеседнику.

— Мы должны забрать у них монополию на истину. Экспертиза должна быть научной, а не идеологической. Если человек утверждает, что книга экстремистская, пусть это доказывают лингвисты и психологи с научными степенями, а не теологи-самоучки с дипломами несуществующих университетов.

— Искусственный интеллект как антивирус для смыслов... В этом что-то есть. Технократическое решение идеологической проблемы.

Он вернулся к столу и сел. Его рука легла на папку «Инквизитор».

— Вы понимаете, Виктор Андреевич, что если я дам этому ход, назад дороги не будет? Мы вскроем нарыв, который копился десятилетиями. Гноя будет много.

— Лучше пережить операцию, чем умереть от сепсиса, — ответил генерал. — У нас нет времени на терапию.

Собеседник открыл папку. Он долго смотрел на лица.

— Детей они тоже... забирают?

— Тысячами. Под предлогом «спасения души».

Лицо Собеседника дрогнуло. В уголке глаза дернулась жилка. Это была та самая деталь, которую Виктор ждал. Человеческая реакция. Сквозь броню политика проступил отец.

— Это... перебор, — глухо сказал он. — Семья — это красная линия.

Он нажал кнопку селектора. — Подготовьте указ о создании комиссии по пересмотру судебных решений, вынесенных на основании религиоведческих экспертиз. Включите туда ученых. Настоящих. Из Академии наук.

Виктор почувствовал, как внутри что-то разжалось. Пружина, сжатая до предела, наконец-то распрямилась.

— А что с лабораториями? — спросил он. — С теми, кто уехал? С теми, кто прячется в подвалах?

— Возвращайте. Дайте им гарантии. Личные гарантии. Если нужно — создадим спецзону. Наукоград закрытого типа, куда вход этим... «экспертам» будет запрещен под страхом уголовной статьи за шпионаж.

Он взял ручку и размашисто написал резолюцию на титульном листе досье. Виктор не видел слов, но видел энергию, с которой они были написаны.

— Ампулу оставьте.

Виктор замер.

— Зачем?

— Как напоминание. О том, что мы могли потерять. И о том, что мы должны вернуть.

Он поднял глаза на генерала.

— Вы понимаете, что Ваша жизнь теперь изменится? Вы больше не сможете быть в тени. Вы стали носителем информации, которая опаснее ядерного чемоданчика.

— Я солдат, — просто ответил Виктор. — Я привык быть на передовой.

— Теперь Ваша передовая здесь. Вы возглавите эту комиссию. Мне нужен человек, которого нельзя купить и которого нельзя запугать. Судя по тому, что Вы прошли, чтобы попасть сюда... Вы именно такой человек.

Виктор хотел возразить. Сказать, что он стар, что у него Паркинсон, что он устал. Но он посмотрел на ампулу в руке Собеседника. «Хронос». Время. Ему только что подарили время. Не биологическое, а историческое. Шанс исправить ошибки.

— Слушаюсь, — сказал он.

Когда Виктор вышел из здания, Москва уже гудела утренними пробками. Солнце заливало Красную площадь, отражаясь в куполах Василия Блаженного. Он остановился и вдохнул полной грудью. Воздух пах выхлопными газами, мокрым асфальтом и... свободой.

Виктор достал телефон — тот самый, который ему вернули на выходе. Он был выключен. Генерал включил его. Экран загорелся, посыпались уведомления. Но он набрал только один номер.

— Кира Сергеевна?

— Виктор Андреевич? Вы... живы? — голос в трубке дрожал.

— Жив. И мы начинаем работать.

— В смысле? В подполье?

— Нет. Наверху. Готовьте список оборудования. И звоните ребятам в Шанхай и Калифорнию. Скажите им... скажите, что дома теперь безопасно.

Он отключил вызов и посмотрел на свои руки. Левая рука дрожала. Паркинсон никуда не делся. Болезнь была с ним. Но страха больше не было. Виктор вспомнил слова из книги, которую когда-то читал: *«И познаете истину, и истина сделает вас свободными»*. Антикультисты любили цитировать Библию, но они забыли смысл этих слов. Они думали, что истина — это дубина, которой бьют несогласных. А истина оказалась скальпелем.

Генерал пошел к машине. Его походка была тяжелой, хромающей, но уверенной.

На набережной он увидел рекламный щит. На нем была социальная реклама: «Будущее принадлежит нам». Раньше эта фраза казалась ему издевательством. Теперь она казалась планом действий.

Виктор включил радио. Играла какая-то легкая, утренняя музыка. Он не стал переключать. Пусть играет. Музыка — это тоже вибрация жизни. А жизнь, как выяснилось, сильнее любой методички. Особенно если у этой жизни есть надежные защитники.

Генерал посмотрел в зеркало заднего вида. Там, позади, оставались тени. Впереди был свет. И долгая, трудная работа по очистке этого света от копоти. Но Виктор Андреевич работы не боялся. Он был готов.